

УДК 821.512.122
ББК 84(5Каз)-44
М 75

ВЫПУЩЕНА ПО ПРОГРАММЕ
МИНИСТЕРСТВА СВЯЗИ И ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Редакционная коллегия:

Каскабасов С.А. (*председатель*), Кул-Мухаммед М.А.,
Кирабаев С.С., Елеукенов Ш.Р., Исагулов Ж.И., Нургалиев Р.Н.,
Абдрахманов С.А., Исакова А.С., Бейсенгалиев З.Г.,
Абдезулы К., Майтанов Б.К., Болтанова Ж.К.

Составитель **Б. Имашев**

Молдагалиев Жубан

М 75 Я – казах! *Стихотворения и поэмы.* /
Жубан Молдагалиев. *Перевод с казахского.*
Астана: Аударма, 2010. – 568 стр.

Список книг серии “Библиотека Казахской Литературы”
утвержден Ученым советом Института литературы и искусства
им. М.О. Ауэзова (протокол №9 от 26 июня 2009 г.).

В оформлении суперобложки использованы фрагменты из картин
художников **Т. Абуова и Д. Калачева.**

ISBN 9965-18-313-9

УДК 821.512.122
ББК 84(5Каз)-44К

ISBN 9965-18-313-9

© Издательство “Аударма”, 2010
© Иллюстр. “Музей современного
искусства”

Парадигмы жизни-творчества поэта

Творческое наследие Жубана Молдагалиева – это поэтическая «историография» родных степей, народных истоков и легендарной эпохи Великой, по слову поэта, Отчизны с героикой ее свершений. Он гордился общностью своей судьбы и судьбой страны:

У нас с тобой, страна моя,
Одни леса и реки,
Одни враги, одни друзья,
Одна судьба навеки.

Почитал за счастье чувствовать себя ее «малой частью», о чем поэтически декларировал в одном из ранних стихотворений «Родина».

Поэт родился в 1920 г. И рос в ту трагическую эпоху, когда в народе говорили: «Что там скот – самому бы остаться в живых!» Четвертый из детей бедняка Молдагали, нареченный именем Жубан (Утешение), он выжил один. Вскоре смерть унесла и отца. Мать Зерип, обладавшая недожинным запасом творящих сил, как могла, заменила осиротевшему мальчику отца и заботливо «укрывала», словно цветным одеялом, его детские годы древними сказаниями народа.

«Вот тогда и проснулась поэзия в сыне./ Десять лет моих – первых раздумий исток», – писал Ж. Молдагалиев, отдавая дань матери, которая «среди женщин держалась богиней», и народным истокам, которые, укореняясь, вспоили его как певца («Приложение к анкете»). Памяти той, кому были обязаны дыханием своим и дети, и стихи поэта, посвящена большая поэма Ж. Молдагалиева «Судьба вдовы».

По темам и стилю его поэзия являет собой разнообразную картину. Здесь воинская слава и лирические раздумья, пейзажные зарисовки и обращения к разным адресатам, стихотворное «приложение к анкете» и художественная презентация городов и мест, где не раз бывал поэт.

Многие стихи Ж. Молдагалиева объединены в циклы, среди которых возможны судьба родины и судьба биогра-

фически конкретного фронтовика Жубана Молдагалиева, который «по праву памяти» вспоминает о благом слове белорусской женщины молодому казаху («Благословение матери»), о юной девушке, поившей его «грустною водою» отступления («Латышка»), о смерти воина в боях за Одер, и эта «смерть смерти рознь» («Могила солдата»). Образы романтически-совершенного социума создают стихи путешественника поэта: «Когда мы были в Казани», «Кокчетау», «В стране древних поэтов», «В краю родном», «На земле Пушкина». Историко-биографический модус «литературного» цикла составляют стихи «Читая Есенина», «Две встречи с Маршакom», «Малеевка», «Его голос», а также стихи и поэмы, вошедшие в классику казахской поэзии второй половины двадцатого столетия.

Движение души человека, жизнь которого проходит во внутреннем сопряжении с собой и с пространством, его окружающим, отражено в знаменитой поэме «Я – казах!» Произведение создавалось в отличительную от современности социальную и ментальную эпоху. Как бы ни было, поэтико-философское осмысление исторических периодов жизни народа, создание обобщенного образа казаха, реализованные на пути к стремительному XX веку, являют светоносный мотив казахскости, по образу и подобию Жубана Молдагалиева.

Постигая онтологию казаха по визуальной модели, поэт воплощает собственное видение коренной сути национального миротворения: степь – умещаемая в сердце, «душа – чистый образ невесты», «характер – как камень на камень», все достоянье – конь, седло да копы, дастаны – явившие миру имя «казах». Этос его «взросления» маркируют семантические оппозиции: рождение – смерть, смех – плач, свет – тьма. Вся окружающая действительность была сиянием света и бездной тьмы, бытия и небытия. И носителем блага являлось солнце, светлосное и сострадающее, озаряющее ныне «Флаг и Герб Казахстана над миром». Как провидел поэт, утверждавший:

Я – казах.

Умирал я и тысячу раз

воскресал, чтобы жизни продолжить рассказ.

Если плакал я, солнце на небе темнело,

А смеялся – и тьма отступала от глаз.

Гульбану ШАРИПОВА

ГУЛЬДЖИХАН

Что, Гульджихан,
Ты сообщить хотела?
Письмо плутало, видимо, давно...
И все-таки в окопе, под обстрелом,
В конце концов нашло меня оно.

Хоть, верно, время это знает меру,
Давно уж от друзей известий нет...
Я не спешу,
Как говорится, в Мекку,
Но все равно – дойдет ли мой ответ?

Пишу в газету.
И не хмурь ты брови,
А в ней мою фамилию ищи.
Поэт оружие держит наготове,
Пока скрипит перо его в ночи.

ВПЕРЕД

Любой джигит, как честь свою,
Честь своего народа
Хранит бестрепетно в бою
И в тяготах похода.

И ты достоин будь бойца!
Пускай тебе в итоге

Ни шквал огня, ни град свинца
Не преградят дороги.

Приблизь святое торжество!
И мсти, как мстят за друга:
Ведь гнев народа твоего –
Надежная кольчуга.

Стреляй, то сдержан, то горяч,
И вновь шагай упрямо.
Не промахнись, чтобы палач
Упал в свою же яму!..

Пусть пятится жестокий враг.
В лишениях и тревогах
Вперед, хотя б на малый шаг,
Вперед – за счастье многих!

ПРАВОСУДИЕ

Пустынными казались дали,
И в упоенье игровом
Мальчишки весело кричали
В одном селе прифронтовом.

В зенит не шурились сторожко...
Вдруг появился самолет,
А значит, следом за бомбежкой
Огонь по крышам полыхнет.

Тяжелый гул детей торопит.
Им, присмирившим поутру,
Подсказывает горький опыт:
Кресты на крыльях не к добру.

Вот кто-то замер.
Вскрикнул кто-то.
Тень волоча, как будто мглу,

На бреющем – из пулемета
Плеснул стервятник по селу.

И снова взмыл, ревуший тяжко,
Ушел в густую синеву.
Окрасил в алое рубашку
Ребенок, рухнувший в траву.

Он ввысь смотрел открыто, прямо.
Ответа требуя сполна
На свой вопрос безмолвный:
– Мама!
Скажи мне, в чем моя вина?

Палач взлетел для разворота.
Но путь его пересекло
Сверкающего самолета
Неотвратимое крыло.

И завязался бой в зените –
Как будто высший пилотаж.
– Наш! Смотрите!
Наш! Наш! Наш! Наш!

Снижались крылья, нарастали
И над селом и над жнивьем.
Кружили звезды над крестами.
Что соколы над вороньем.

Кружили – за страну в ответе...
Им, багровевшим горячо,
Всерьез приказывали дети:
– А ну, еще! Еще! Еще!

Ответом на вопрос ребенка.
Что стыл у века на пути,
Пилот наш выстрелил вдогонку
Врагу, решившему уйти.

Нажал на стылую гашетку,
Как бы прозрев от новых сил.
И вот от очереди меткой
Стервятник густо задымил.

Смотрите, люди!
Здесь не слава –
Здесь правосудья торжество.
А тот мальчишка в тихих травах
Уже не видел ничего...

ОТЧИЙ КРАЙ

Я с мячом состязался когда-то
И отыгрывал альчик¹ с трудом.
Казахстан мой – Отчизна солдата:
Мой народ, мой учитель, мой дом.

У лучей и цветов на примете
Я дивился садам и краям.
Чистым сердцем
На чистом рассвете
Тихо вторил твоим соловьям.

Только вспомню родимые дали –
Злые тучи уносятся прочь,
Отступают немые печали:
Никому меня не превозмочь!

Чуть начну о тебе вспоминать я –
Сквозь разлуки и смутные сны
Сыну мать раскрывает объятия:
Мне свинец и огонь не страшны!

Ты повсюду со мной по соседству
В час обстрела и в миг тишины.

---

¹Альчик – бабка.

К дням грядущим выносятся сердце
Настоящим и прошлым страны.

Срок настанет великий и дерзкий
Победившие в сумрачной мгле,
Мы прильнем по-сыновьи,
Как в детстве,
К исстрадавшейся отчей земле.

АТАКА

Когда ж команда наконец?
Едва справляясь с нетерпеньем,
В руках винтовку
Сжал боец
И сердцем счет ведет мгновеньям.

Боев немало впереди,
Но мир спешит за ними следом.
Веди же, командир, веди
Бойца к бессмертью и к победам!

Веди – он встанет за тобой,
Навстречу
Пулям, вспышкам, мраку:
Лежит ваш общий путь домой
И через эту вот атаку!

Я ТОСКУЮ, ЯИК

Я тоскую, мой Яик, невольно...
Доброй памяти я не предам
О садах, шелестящих, как волны,
И о волнах, подобных садам.
На блестящих крючках
К небосводу
Вырывались на миг чебаки¹.

---

¹Чебак – мелкая рыбешка.

И широким теченьем свободы
Серебрилось теченье реки.

Вечный купол над родиной светел,
Мчатся струи, довольны судьбой.
Помнишь, Яик,
Полуночный ветер
Трепетал между мной и тобой?
Там гулянья
Мальчишку когда-то
От раздумий отвлечь не могли.
Как же властна
Над сердцем солдата
И пылинка родимой земли!

Мы клялись тебе
Клятвой отважных,
И волна повторяла, строга,
Что не вырвутся полчища вражды
На крутые твои берега.

Ты, мой Яик,
В победном движенье:
Словно струйки великой реки,
Мы проносим в жестоком сраженьи
Обагрённые кровью штыки!

ПОДВИГ ЛЮБВИ

Скользит костыль...
Бедняжке одноногой,
Была бы очень тяжела дорога...
Но женщину надежная рука.
Поддерживает бережно и строго.
Мужчина слеп...

В мучительном недуге
На месте он не топчется в испуге,

А непрерывно созерцает мир
Глазами замечательной подруги.

Две смерти одолев, как два пожара,
В своей любви прекрасна эта пара.
Супругов знает вся Алма-Ата
И помнит их историю недаром.

Две смерти и любовь
Скрестили пики,
Они сражались яростно и дико.
Не обошлись супруги без потерь,
И все же их попробуй разлучи-ка!

Нет, им напасти не согнули спины,
Любых преград
Страшиться нет причины,
Когда две жизни, две больших любви
Сливаются навеки воедино.

РОДИНА

Я за тебя, Отчизна-мать,
За небо над тобою
Суровый путь готов опять
Пройти от боя к бою.

Готов опять в чаду атак
Шагать от года к году.
Не устоит крошечный мрак
Перед твоим восходом.

Любая дерзкая мечта
Твоих вершин не выше.
И мы от веку неспроста
Живем тобой и дышим.

Отчизна-мать!
В недобрый миг
Сердца с сердцами сверь ты –
Никто из сыновей твоих
Не устрашится смерти.

У нас с тобой, страна моя,
Одни леса и реки,
Одни враги, одни друзья,
Одна судьба навеки.

Часов и дней не торопя,
Я знаю – это счастье
Все время чувствовать себя
Твоею малой частью.

Не мне дана ты одному,
Но с каждым днем,
Что прожит,
Твой образ сердцу моему
Все ближе и дороже.

И твердо в том уверен я,
Что в пасмурную пору
Не зря любой из нас – твоя
Надежная опора.

Не зря, пройдя огонь и дым
По выжженному следу,
Мы светлым именем твоим
Окликнули победу.

И за тебя, Отчизна-мать,
За небо над тобою
Готовы тем путем опять
Пройти от боя к бою.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ МАТЕРИ

Нагрузки и перенагрузки,
Лишенья, походы, бои.
И вот в городок белорусский
Вошли не чужие – свои.

Вдали догорали пожары...
Крещенный огнем и водой
Безмолвно
Казах молодой
Стоял перед женщиной старой.

От пламени рушились крыши...
Сказала
Печальная мать:
– Сынок, подойди-ка поближе,
Хочу тебя расцеловать!

Ждала я тебя у порога,
Ночами вздыхала, поверь.
Мне жить-то
Осталось немного –
Да это неважно теперь...

Мне выздоровленье пророчит
Победная эта пора.
Тебе я желаю, сыночек,
Здоровья, удачи, добра.

Прими мое благословенье
И в путь
Поспешి поскорей:
Грустят без тебя в отдаленье
Немало других матерей!

И юноша бережно, строго
Губами коснулся седин.
...Шагает он

Главной дорогой –
Дорогой на город Берлин.

ПОБЕДИТЕЛИ

Народ наш многомиллионный
Теснит весельем берега:
В пыли валяются знамена
Когда-то грозного врага.

Народ наш!
Перед целым миром –
Весь на свету, а не во мгле –
Былинной смелости батыром
Стоишь ты твердо на земле.

И новой требуют заботы
Твои победные права:
Ты светлым именем работы
Засучиваешь рукава.

Ты помнишь, думая о чуде:
Кровь на штыках
Горит в ночи...
Еще теплы стволы орудий
И гильзы в травах горячи.

Народ большой и величавый,
Надейся искренне на нас.
Верь, наша воинская слава
С годами не уйдет в запас!

ПОЮ О ТЕБЕ

Когда ко мне взывает лист бумаги,
Я обращаю взор к твоей судьбе.
Когда грущу,

Забывший об отваге, –
Любовь напоминает о тебе.

На крыльях соколиных взмою к свету,
Чтоб был ты и велик и славен впредь.
О мой народ!
Хоть трудно стать поэтом,
Еще трудней судьбу твою воспеть!.

МОГИЛА СОЛДАТА

Над Одером,
Где мы дрались когда-то,
Где просека прорублена в лесу,
Деревья над могилою солдата
Тугие ветви держат на весу.

И тихим летом, европейским летом,
Когда дремали в небе облака,
Однажды я случайно в месте этом
Немолодого встретил земляка.

Он говорил:
– Да, ждали мы победу.
Мы к ней спешили сквозь огонь и дым.
Но перед тем, как я домой уеду,
Проститься надо с другом боевым.

Что делать? Мы ходили с ним в атаки
Во имя мира этой вот земли...–
Он попрощался. А потом поляки,
Неся цветы, к могиле подошли.

Садилось солнце медленно, и ветер
Легко касался моего плеча.
Над головой я звездочку заметил,
Которая горела, как свеча.

И вспомнилось, в мальчишеские годы
Я от старух, судачивших в тепле,
Слышал:
– Звезда сорвется с небосвода –
И чья-то жизнь угаснет на земле!..

Мои друзья, вы этому не верьте!
Земля не зря героями горда.
Смерть смерти рознь.
Подчас ценою смерти
Мы обретаем вечность навсегда!

Над Одером, где шли бои когда-то,
Теперь не сыщешь просеки в лесу.
Я подвиг неизвестного солдата
В своей душе по жизни пронесу!

А где-то холмик...
И цветов охапка...
Но память о погибших чтит народ!
Кто мимо ни пройдет – снимает шапку,
Как будто честь герою отдает.

АЛИЯ

Вился дым под небосводом синим,
День весенний порохом пропах.
Помню, фотографии в Берлине
Показал мне сумрачный казах.

Черный локон,
Ватник нараспашку,
Полоса армейского ремня.
Худенькая девушка-казашка
Весело смотрела на меня.

Так смотрела, словно смерть и войны
На земле изжиты неспроста.

И, любясь снимком,
Я невольно
Вспоминал родимые места.

Диких гор безмолвные громады,
Сказочно цветущие сады,
Девичьи загадочные взгляды,
Тихий свет предутренней звезды.

Пляску смерчей на степной равнине,
Скакунов горячий перепляс.
Мой земляк
В поверженном Берлине
Мне поведал вот какой рассказ:

«Бой тяжелый был закончен к сроку,
Отгремел разрывами гранат.
Всюду трупы. А неподалеку,
Слышу, стонет раненый солдат.

Шепчут губы, залитые кровью:
«Умираю, Родина моя!..»
Лоб в пыли.
Глубокий шрам над бровью.
Да ведь это наша Алия!

Снайпер наш, отчаянный и ловкий,
Выручавший каждого подчас.
Снова шепот:
«Дай-ка, друг, винтовку...
Выстрелить хочу в последний раз...»

Думаю, себя еще погубит...
Но приклад подвинул ей.
Она,
Целясь во врагов, кусала губы.
Грохнуло в ушах. И – тишина...

Стыла даль в безмолвном карауле,
Продолжалось ратное житье.
Алия!
Казалось, вместе с пулей
Унеслось дыхание ее.

Алия!
Землячка и сестрица!
Ты навек оставлена в тиши.
Вновь меня тревожные зарницы
Звали на иные рубежи.

Мне на фронте приходилось всяко...
Но вдали и в этих вот местах
Я ходил в жестокие атаки
С именем девичьим на устах.

Страху не испытывал ни разу,
Помнил о погибшей каждый миг!...»
Он умолк,
Как будто тем рассказом
Героине памятник воздвиг.

Светит ярко
Солнце с поднебесья,
Мир вернулся в отчие края.
Много лет прошло.
Поэт известный
Создает поэму «Алия».

Он не спит над ней.
Он целью жизни
Сделал этот вдохновенный труд.
Многих дочерей моей Отчизны
Именем прекрасным назовут!

РАЗГОВОР О ЛЮБВИ

Есть у любви десятки разных лиц –
Нет у любви пределов и границ.
О ней, присущей каждому на свете,
Исписано достаточно страниц.

Взгляните-ка хотя б на воробья:
У воробья примерная семья.
Из клюва в клюв
Птенцов он насыщает,
Спасает их от злого воронья.

Да, здесь любовь
Гнездится на кустах!
Недаром материнство малых птах
Напоминает материнство женщин
И юных и которые в летах.

Любовь синей небесной синевы,
Она от сердца – не от головы.
Любовь!
Она приходит с ликованием
Или уходит с горестным «увы».

Мне тоже ведом жар ее огня.
Я жил, жены и друга не кляня.
Я почитал родительскую старость,
И дети будут почитать меня.

Ну, стоило ли жить мне одному?
Кому я нужен без любви? Кому?
Любовь к стихам
В мое вместила сердце
Всю ширь любви к народу моему.

Она священна!
Ей не прекословь!

Она, покинув, не вернется вновь.
Но лишь такую на земле родимой
Хотел бы всюду видеть я любовь.

ДЫМ НАД АУЛОМ

Трещит мороз
В разгуле древнем
И щиплет уши – он таков!
Похожи белые деревья
На белобровых степняков.

Лишь дым
То прямо, то сутуло,
Как бы верша веселый труд,
Восходит к небу над аулом
Из днем и ночью черных труб.

Летит, плывет, бредет наощупь,
Хотя зима
На редкость зла...
Видать, и он причастен к мощи
Поры дерзаний и тепла!

НА ТОКУ

Взлетают песни к небосводу,
А гул труда
Теснит тоску,
Как будто главный той народа
Сейчас вершится на току.

Зерно провеяно ветрами.
И непокорна, но тиха
Здесь островерхими шатрами
Легла пшеница в вороха.

Зимой и летом
Шла работа,
И жажда мучила поля.
Не за слезу – за каплю пота
Платила зернышком земля.

В тени завхозу не сидится –
Джигит следит из-под руки
За тем,
Как чистую пшеницу
Ссыпают бережно в мешки.

Старик смеется:
– Без опаски
Ты караваны снаряжай,
Чтобы мешок – так под завязку,
А урожай – так урожай!

КОЛХОЗНАЯ ДЕВУШКА

Стога в колхозе мечут браво.
Под небом, полным синевы,
Так высоки они, что, право,
Слетает шапка с головы.

Какой-то парень, полон силы,
Он, выделяясь изо всех,
Легко втыкает в сено вилы,
Шутя кидает сено вверх.

Он в куртке, в брюках, чин по чину.
И шапка черная на нем.
Пошел я глунуть на мужчину,
Заворожен его трудом.

И вижу – девушку. Одетая,
Как парень. Просто не пойму, –

Когда бы сам не видел это,
То б не поверил никому.

Чуть раздурманилась от ветра,
Со стогом кончила дела
И, взгляд подняв спокойный, светлый
Неторопливая, пошла.

И недоступное мелькнуло
В глазах, волнуя и маня...
А на меня и не взглянула,
Как будто не было меня.

И с той поры живу, скучаю,
Тоску свою в душе тая.
Но вот опять ее встречаю
На вечеринке шумной я.

Как в черных туфлях шла по залу
И в платье шелковом она!
Меня она едва ль узнала,
Как лебедь, легкая, стройна.

Она веселая такая!
Что говорить! Да я и сам,
Войдя в тот дом и стоя с краю,
Ее узнал лишь по глазам.

Кружится в танцах, все в ней мило,
И льется песенка рекой.
Владычицу той гордой силы –
Не представлял ее такой.

...Давно уже ушел оттуда
И не видал ее давно,
Но и забыть – о, что за чудо! –
Ее мне тоже не дано.

Увижу девушку другую,
Колодец и овец вокруг,
А рядом девушку с бадьею,
И сердце радостно: «А вдруг?»»

Увижу девушку другую,
Что оседлала скакуна,
И снова жду, и вновь тоскую,
И все надеюсь, что – она.

Коров ли девушка доила,
Иль сено свежее везла,
Я вспоминал тот облик милый,
В глазах она – стройна, светла.

А подойду, гляжу – другие.
Среди простершихся полей
Трудом девчата молодые
Добились радости своей.

«Но где же ты? Найдите, люди!» –
Просил я многих сгоряча.
«Нет, здесь она не скоро будет.
Пошла учиться на врача».

Несется песня, долетая
Ко мне. И счастье в душу льет.
Поет, но нет, поет другая,
Про труд свой радостный поет.

ЛЕБЕДЬ

Ветра и расстояния сминая,
От дел больших и малых в стороне,
Ах, лебедь!
Ах, певица неземная
Крушит в необозримой вышине!

Кружит, как будто сказочная небыль,
Как диво, порожденное во мгле.
Легко, конечно,
Жить крылато в небе,
Труднее жить крылато на земле.

Моя земная лебедь всех чудесней,
Она судьбою обрела полет
И, голосом касаясь поднебесья,
О трудном счастье радостно поет.

Во всем она – поэта вдохновенье,
Его мечты на стуже и в тепле,
Чтоб каждое мое стихотворенье
Дышало счастьем жизни на земле.

ВРЕМЯ

Историей, я знаю,
Станет вскоре
И этот год свершений и начал.
А ведь недавно утренние зори
Он, точно юных девушек, встречал.

Рукою трогал кручи небосвода,
Над крышами
Стелил белесый дым.
Его дела, ломая рамки года,
Соприкасались с будущим самим.

Вошедший в планы
Как хозяин мира,
И времени, и солнечных идей –
Чертами благодарного батыра
Он зримо проступил в чертах людей.

И золотым часам остановиться
Приходит срок – кончается завод...

Лишь время
Неуемной чудо-птицей
Летит на крыльях вечности вперед.

Не знаю, как несут недугов бремя
Уставшие от жизни старики...
В борьбе, в труде
Давай с тобою, время,
Попробуем-ка наперегонки!

СВЕТ ЭПОХИ

Когда настала ночь
По всем приметам
И ты вступил в права свои, фитиль,
Вдруг залило аул бескрайним светом,
Как будто сказка превратилась в быль.

Как будто бы сошлись вулканы цепью,
Чтоб лавой темноту прожечь насквозь...
Вот так в колхозе, окруженном степью,
Впервые электричество зажглось.

И ночь слепая стала ночью зрячей,
Будя в просторе
Натиск новых сил.
Так свет самой эпохи – не иначе! –
Далекие аулы посетил.

СЧАСТЬЕ ПЕВЦА

Жизнь на певца
Снисходит вдохновеньем,
В строке свои свершения храня,
Жизнь – это русло, суть и наполненье
Поэзии сегодняшнего дня.

Стремиться ввысь – вот высшее призванье,
К которому любой из нас готов.
В степи кочует эхо созиданья,
Растут кварталы шумных городов.

Пока поешь о том, чей труд чудесен,
Пока в сравнениях проявляешь прыть,
Десятки дел, достойных новых песен,
Герой твой успевает совершить.

И отдаешь талант, находишь средства,
Чтоб выразить своей эпохи дух.
К чему тревожить прошлого наследство,
Коль сердцем к настоящему ты глух?

Пестрят цветы на солнечных просторах,
И внемлет песням молодости край.
Мы пишем в дни такие, до которых
Не дожили ни Пушкин, ни Абай.

Должник судьбы, не помня о покое,
Я счастлив
Все точней и все верней
Передавать взволнованной строкою
Звучащий в мире голос наших дней!

КУАНЫШУ

Еще ты одолеешь зной и стужу,
Еще на крыльях сокола взлетишь.
А ныне вперевалку, неуклюже
Ко мне ты ковыляешь, Куаныш.

Ровесники мои и вполовину
Не знали той же ласки и тепла.
Но наша юность в грозную годину
Твое, сынишка, детство сберегла.

Твое, сынишка, детство
Каждым шагом
Обязано минувшему – и все ж
Опять берешь ты ручку и бумагу,
Опять отцу работать не даешь.

Опять успел пролить мои чернила...
А в этот миг, пойми ты, там и тут
Дела народа набирают силу,
Десятки строек над землей растут.

Так не срывай, сынок, часов работы:
Верь, у отца нелегкое житье,
Верь, днем и ночью ждет моей заботы
Твой брат капризный – творчество мое.

ОТВЕТ ДРУГУ

Мой друг, оно и ныне не стихает,
То эхо наших шуток и проказ.
Вот подал весть ты...
И тебе стихами
Решил ответить я на этот раз.

Поверь, на Иртыше и на Есиле
Я никогда того не забывал,
Как мы Урал старались пересилить
И как он нас волною накрывал.

Все реже от тебя с годами вести...
А помнишь, в те далекие деньки
Мы и мечтали, и резвились вместе,
И сдергивали с девушек платки.

Ты говоришь:
«Пустые дни... Проказы...»
Как будто в чем-то прошлое вина.

Никто на свете не мужает сразу.
Без юности нет жизни для меня.

Когда-то в нетерпении горячем
Мы стать спешили взрослыми людьми.
Теперь у нас усы, а к ним впридачу
И бородачи – черт ее возьми!

Да, кстати, поздравляю с повышеньем:
Начальник – ты теперь в больших правах
И, оценив такое положение,
Моих коллег разносишь в пух и прах.

Ссылаясь на бессмертные примеры,
Ты указуешь гневною рукой:
Тот резв не в меру,
Этот тих не в меру...
Писатель, он у нас еще такой...

Ты отмечаешь: засиделись все мы,
С трудом тяжелым не любой знаком.
Но пишут ведь не пилами поэмы,
Романы создают не молотком!

Ты нас к тому склоняешь понемногу,
Что обожанья требует прогресс,
Что мы должны молиться, словно богу,
Большому веку атомных чудес.

Конечно же, достойна восхищенья
Наука нашей сказочной страны.
Но разве же такие достижения
Не светлыми мечтами рождены?

А коли так, то было бы печально,
Когда б от чувства заслонили свет
И жизнью управлял автначальник,
А песнь о ней слагал автопоэт.

Нет, мой народ
Душой бы не был с ними!
Так для чего ж, мой друг,
В недобрый миг
Смотреть на строки, как на фотоснимки
Бесчисленных соперников своих?

Поверь мне, песни лучше бы не стали
От описаний вспаханной земли,
От перечней технических деталей
И строгих пересчетов на рубли.

Не знает автоматика запрета!
Но кто собрал под сводами цехов
Такой станок, чтоб вытеснил поэта
Количеством и качеством стихов?..

Нет, я не вправе тратить дни и годы
На лень и беззаботное житье.
Судьба Отчизны, гордый труд народа
Питают вдохновение мое.

Но ты, мой друг,
В статьях и жарких спорах
От нас, поэтов, смыслу вопреки
Не требуй ни энергии мотора,
Ни планомерной выдачи строки.

Мы человека ценим не случайно,
И не бывать тому в итоге лет,
Чтоб жизнью управлял автоначальник
А песнь о ней слагал автопоэт!

ПЕСНЯ

Нет, под обстрелом, брат не запоешь.
Но тот далекий день я помню свято:
Гул орудийный нарастал – и все же
Ввысь устремилась песня в час заката.

Среди раскатов грозных и крутых
В ней проявилась истинная сила.
Казалось, канонаду в этот миг
Своим звучанием песня заглушила.

И вспомнились родные мне места,
Где многим песням я внимал повсюду.
Ах, как мне их когда-то пела та,
Чей голос я до смерти не забуду!

«Близ Иртыша глубокий есть овраг!» –
Среди разрывов раздавалось с жаром.
«Караторгай» – степной ее размах
По духу был и русским, и татарам.

Потом «Айман-айым» завел боец.
Кто б ни был он, за это исполненье
Невидимый, но пламенный певец.
Во многих вызвал чувство преклоненья.

Но вот в разведку нас послал приказ,
И мы во тьму скользнули потаенно...
А песня долго провожала нас,
Летя сквозь вражескую оборону.

МОИ ЗАБОТЫ О ТЕБЕ

Ах, где ты, где ты, детство мое?
Где ты,
то тихое безоблачное лето?
Мужчиной стал вчерашний мальчуган,
Потоком дней несет его по свету.

Мне мать прощала многое с пеленок.
Прощала, так как был я мал и тонок.
А сделаешь теперь неверный шаг
И слышишь:
«Ты ведь, милый, не ребенок!»

Да, я, признаться вымахал могуче,
Уже у самого детишек куча.
Пора проститься с детством навсегда...
Но как посмотрит мать на этот случай?

До смерти мать следит за сыном чутко,
С него не сводит глаз и на минутку.
Красавицы смеются:
«С бородой!»
А бородач для матери – малютка.

Я рад советам матери.
И что же?
Они с годами делаются строже,
Хоть сын всегда для матери – дитя,
И мать в беде любой ему поможет.

С любой напастью вступит в поединок,
Смахнет с одежды несколько пылинок.
Во всем ее рука сыновний лоб
Хранит от преждевременных морщинок.

О, мать!
Тебя вовек я не покину
Ни в злую и ни в добрую годину.
Как признаки родительской любви,
Твои шлепки необходимы сыну.

Ну, что ты, мама, загрустила?
Что ты?
Отныне о тебе мои заботы!
Мы родину коротким словом «мать»
Привыкли называть на всех широтах.

ЗОЛОТАЯ АРКА

1

Мы любовались высью поднебесья
И нивами, что были широки,
Как вдруг
Призывно вспыхнувшая песня
Нарушила покой Сары-Арки¹.

Ах, белый лебедь, музы друг крылатый!
Не он ли светом солнца осиян?
И не с его ли голосом когда-то
Сплетал напев прославленный Биржан?

Качалось море на просторе вольном.
Ну, кто из нас
С ним прежде был знаком?..
Хлеба, хлеба, как золотые волны,
Ходили под прохладным ветерком.

Ширь бороздили корабли-комбайны.
Здесь крылья любят пробовать юнцы:
Свои у них открытия и тайны,
И лебеди, и песни, и певцы.

Что в целом мире может быть чудесней?
И лебеди кружили у земли,
И вновь потом взмывали к поднебесью,
Хоть выше нас подняться не могли.

2

Усы пшеницы, наклонясь в дрожи.
Они вбирают трепет ветерка.
Окружены ватагой молодежи,
Беседуют два чинных старика.

---

¹Сары-Арка – дословно: «желтая степь».

Казах припоминает:
– От кого-то
Слыхал я, знаешь, что давным-давно
На эту землю, политую потом,
Отец твой бросил первое зерно.

Старик Иван молчит, чему-то внемля.
Потом вздыхает:
– Может быть, мой друг!..
Бесплодной мы считали эту землю,
А видишь, сколько золота вокруг!

И вот уже два друга бородатых
Про каждый холм заводят разговор.
Они здесь оба родились когда-то,
Чтоб ныне внуки вышли на простор.

Чтобы покой сменило беспокойство,
Чтобы очнулось царство тишины.
И юность, как наследница героизма,
Идет на штурм бескрайней целины.

3

Прекрасна ныне степь!
Скрывая тайны,
Она желтела долгие века.
Курмангазы, я знаю, не случайно
Свой лучший кюй назвал – «Сары-Арка».

Кого сюда мираж манил, как чудо?
Каких свершений ширь ждала в тоске?
Зачем в жару полегшие верблюды
Безмолвно замирали на песке?

Кто мне откроет замыслы размаха
Степей, не ограниченных чертой?
Я знаю: равнозначны у казахов
Поняття – желтый цвет и золотой.

И вот мечта осуществилась к сроку:
Тесня ковыль и желтые пески,
Из края в край
Раскинувшись широко,
Лежат просторы Золотой Арки.

Итоги лет под стать итогам века,
Через сердца одна проходит нить.
И перед гордым духом человека
Спешит природа голову склонить.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

О молодость,
Почему же ты не вернешься, перевалив сотню лет,
Подобно тому,
Как осень проходит и вновь возвращается к маю?
О двадцать пять, не упрекну я вас, нет.
Но что же вы нашли, от меня отлетев? –
Я не понимаю!

Лучшее что-то нашли или наоборот?
Много лет я не вижу вас,
рядом вы не идете.
В прекрасную ночь вы сказали «прощай» у ворот,
И я остался один на крутом повороте.

Двадцать пять, я искал вас
И продолжаю искать.
Нес я мечту на руках, как знамена проносим.
И летом однажды, сходя к тем воротам опять,
Ушел я,
Почувствовав, что начинается осень.

На то, что случилось, – не жалеюсь все же
Кто может ручаться,
что это не постигнет другого?

Молодость, ты догнать себя никому не даешь,
Удается немногим повидать тебя снова.

Молодость,
Старым и молодым ты сияешь мечтой,
Хотя еще нет человека, которого бы не покидала.
Может, только снаружи ты прекрасна собой,
По сути обманчива и не постоянна нимало?

Двадцать пять, я зову вас, приходите опять,
Вам пока возвращаться недалеко еще, право.
Слышите, как зову вас, мои двадцать пять,
Не думайте, что, если вернетесь, – уменьшится
слава.

Я не юнец, что не знает цены вам пока.
Приходите!
Я вас обниму.
Мне поверьте.
Вместе жить будем мы этой жизнью века,
Вот так, молодыми, и перекочуем в бессмертье.

ЛЕБЕДЬ БЕЛАЯ МОЯ

Хоть лебедь моя на земле,
Словно тайна
Звучит ее песнь, высотой маня.
А встречусь с ней – кажется мне, не случайно,
Что дальше, чем небо, земля от меня.

Хоть лебедь моя на земле,
Беззаветно
Ее красоту я ценю и пою.
Я голос любимой и в голосе ветра,
И в песнях шальных соловьев узнаю.

Я слушаю их, от мелодий хмелея.
При свете дневном и в полуночной мгле
Весь мир мне советует
Быть посмелее:
Не тысячу лет, мол, живешь на земле.

Что делать, грустить я по-прежнему буду,
Печалиться буду, мечту затая
На то, что поймет меня белое чудо –
Земная, прекрасная лебедь моя.

ТВОЕ ОТРАЖЕНИЕ

Была ты часто – не случайно! –
Отражена в глазах моих.
Но тайна оставалась тайной
За годом год,
За мигом миг.

Ты в сны прокрадывалась тенью,
Не зная, что тобой живу,
Что скован я
И в сновиденьях
Застенчивостью наяву.

ПОВЕЛИТЕЛЮ СТРОК

Мухтару Ауэзову

Всегда гордясь особыми правами,
Во всем являя первенство стиха,
Поэзия, я видел, перед вами
Склонялась головой, Мухтар-ага.

В трудах над словом поседев до срока,
Следил пристрастно не один певец,
Как следом лишь за вами,

От порога
Поэзия вступала в свой дворец.

Не меркнет юность нашего кумира:
Читают вас, куда ни погляди,
И это значит – в половине мира
Вас прижимают девушки к груди.

В любые дни вы жили окрыленно.
Пусть запоздало, но признать я рад:
Поэзии престол,
Ее корона
Вам, наш наставник, вам принадлежат.

ПРОЙДИСЬ ПО АЛМА-АТЕ

Асфальту что-то шепчут шины.
Мотора равномерный стук.
Все выше катится машина,
Как черный и блестящий жук.

Поэт московский с разговором
Не в силах обратиться к нам:
Мы мчим зеленым коридором,
Где ствол к стволу по сторонам.

Дороги ленту даль вплетает
В седые горы. Поражен
Взирает гость на Алатау:
– А где же город? Где же он?

Ах, не спеши! Тебя открыто
Под небом летней синевы
Он ждет, как девушка джигита,
За плотным пологом листвы.

Тебе он улыбнется кротко,
Когда, дела оставив, ты

Пройдешься медленной походкой
По улицам Алма-Аты.

Услышишь звуки речи нашей,
Чтоб их запомнить на года.
А черные глаза казашек
Не позабудешь никогда.

Откликнешься на смех случайный,
Благословишь арыков бег
И в опере постигнешь тайны
Бессмертной девушки Жибек¹.

Увидишь зданий вереницы,
Дворец науки: строг и тих.
Ты в нем засмотришься на лица
Друзей-читателей своих.

Друзья! Друзья!
С особым чувством
Они поведают тебе
О дальних звездах, об искусстве
И о манящей их судьбе.

Устанешь от событий бурных...
Но даже то поэту впрок,
Что поутру его разбудит
Завода ближнего гудок,

И ты вставай, его заслышав,
И поспеши в соседний сад.
Любуйся белым цветом вишен,
Вдыхай апорта аромат.

Срывай плоды расцветки яркой,
Хоть спелость все еще не та,

---

¹Жибек – героиня казахского эпоса «Кыз-Жибек».

И пробуй: не отец ли яблоч
По-нашему – Алма-Ата?!

...Асфальту
Шины что-то шепчут,
Под ветерком дрожит листва.
А гость вытягивает шею
И для стихов копит слова.

Сквозь лепестковое кипенье
Домой – но только ли туда? –
Мы мчим дорогой вдохновенья
Вперед и выше сквозь года!

МОЙ КАЗАХСТАН

Былые, злые времена –
Они у предков на примете:
Тогда еще, моя страна,
Меня ведь не было на свете.

Но я наследую судьбой
И стародавнюю годину.
От матери – в беде любой –
Вовеки не отречься сыну.

Пока я рос, тебя любя,
Событий схлынуло немало.
Вдаль – небогатую – тебя
Уже позвали перевалы.

Спешила ты сады сажать,
Дарила медом наше детство.
Одним готовила как мать
Приданное,
Другим – наследство.

Мой Казахстан!
Моя страна!
Мой край степной!
Моя Отчизна!
Пришли иные времена
На смену прошлой, горькой жизни.

Мы цену нынешней порой
Твоим дерзаниям узнали.
В труде – кузнец,
В борьбе – герой,
Ты широко шагаешь в дали.

Озера новые в степях
Земную утоляют жажду.
На перемолотых камнях
Мы поднимали город каждый.

Сады сегодня да луга
Тучнеют мирно и открыто
Там,
Где ковыль во все века
Затаптывали в прах копыта.

И мысль уходит в шахты,
Вниз,
Где своды нависают грозно.
И мысль взлетает к небу,
Ввысь,
Где дальние мигают звезды.

О, Казахстан мой!
Знаю я,
Какие люди – наши люди!
Твоя судьба – судьба моя,
И песня, и мечта о чуде!

СТИХИ О ЖИЗНИ

1

Опять в больнице в белое одетый
Лежу я, не смыкая сонных глаз.
Я много раз
Прощался с белым светом
И воскресал из мертвых много раз.

В плену у койки быть кому охота?
И чудится в сторожке тишине:
Не грудь моя хрипит сейчас,
А кто-то
О прошлых днях нашептывает мне.

Наверно, сорок – роковая дата
Для тех,
Кто с детства с бедами знаком.
Да, был я беспризорником когда-то,
Зимой по снегу бегал босиком.

Я в тишине обманчивой и жуткой
В сыром окопе засыпал без сил,
В сердцах
Дымил солдатской самокруткой
И спирт сквозь зубы сжатые цедил.

Но мне ль коситься
С поздней укоризной
На бурно отшумевшее житье?!
Я думаю не о начале жизни –
О вечном продолжении ее.

2

Вокруг одни сиделки и врачи,
А сам я – словно в бурю куст арчи...

Так хочется увидиться с друзьями,
Чьи споры об искусстве горячи.

Поэзию поднять под небеса
Готовы вы, друзья, за полчаса.
Я забываю о своем недуге,
Припоминая ваши голоса.

Когда б судьба сказала:
Выбирай
Привычный зал Союза¹ или рай,
Я выбрал бы привычный зал Союза,
Который для меня – родимый край.

Входите же, поэты, и сюда
Вносите степи, солнце, города,
Чтоб трудности и радости искусства,
Как жизнь, не угасали без следа.

3

Терзает душу мой недуг,
Тая в себе угрозу.
В глазах у Софьи то испуг,
То выстывшие слезы.

Хоть улыбается она,
Держа края халата,
В ее слезах отражена
Больничная палата.

Видать, удел любви таков:
Как белые снежинки,
В смолистых прядях у висков
Скрываются сединки.

Ах, сколько я тревог принес
Недугом долгим этим!..

---

¹Имеется в виду зал Союза писателей Казахстана.

В глазах детей немой вопрос:
Взрослеют наши дети.

Я всполошил свою семью
Хворобою постылой.
И лишь седую мать мою
Не покидают силы.

Неужто ждет меня финал
Иных финалов хуже?
Я безотцовщину знавал,
Я стал отцом и мужем.

Я нужен матери, жене
И повзрослевшим детям.
Мне не остаться в стороне
Ведь я за все в ответе!..

4

И хмурым днем, и утреннею ранью,
И в час, когда на улицах темно,
Холодное осеннее дыханье
Врывается в больничное окно.

По веткам скачут бойкие синицы,
Поют о чем-то милом, о былом.
Их крылышки, как тонкие ресницы,
Подрагивают зябко за стеклом.

Уже к теплу не может быть возврата,
Хоть небосвод то солнечен, то мглист.
Сегодня в нашу тихую палату
Влетел печальный пожелтевший лист.

Влетел, как гость непрошенный и редкий.
Как вестник безысходности самой...
Нет, я не лист, я та живая ветка,
Которая оденется листвою.

Хоть сил во мне немного,
Едва займется свет –
Заботам и тревогам
Конца и края нет.

Я жил не одиноко,
Но в нынешней тщете
Не те слагаю строки,
Слова ищу не те.

Как будто слог правдивый
Мне стал не по плечу.
Как будто я с обрыва
В отчаянье лечу.

И слышу, кто-то следом
Спускается, скользя...
Меня не бросят в бедах
Надежные друзья.

В глазах круги, и звон в ушах,
И в сердце вызов дерзкий.
Я нынче сделал первый шаг,
Как в том далеком детстве.

И неспроста к исходу дня
С вниманьем и заботой
Поддерживали не меня,
А я теперь – кого-то!

О, это был счастливый миг!
Хвороба сгинет скоро,
И вечно будет для других
Мое плечо опорой.

Больной, как избалованный ребенок,
Капризен, беспокоен, угнетен.
О гений докторов! Подход их тонок
К больным былых и нынешних времен.

Хочу врачам еще раз поклониться
У ныне оставляемых дверей.
Спасибо юным сестрам из больницы,
Постигшим суть заботы матерей.

Хоть их и ограничивают стены,
Распахнутые каждому подряд.
У них сердца широкие, как степи,
Под белыми халатами стучат.

Подобно мне, умри и вновь воскресни,
Вернись к шумящим будням из тиши
И в дружеском кругу попробуй песню
О славных людях этих не сложи!

О родина! В твоих объятьях снова
Ликует сын, справляя торжество.
И если он строкой не сдержит слова,
Ты вправе отвернуться от него!

ИЗ ПОЖЕЛТЕВШЕЙ ТЕТРАДИ

Ты сама

Ценя тебя, не знался я с испугом,
Но, пленена нерасторжимым кругом,
Не в силах изменить своей судьбы,
Ты стала для меня хорошим кругом.

Дотла сжигаем внутренней тревогой,
Я не манил тебя иной дорогой.

И ты навек осталась для меня
Такой недосягаемой и строгой.

Зовет на подвиг знамя не любое...
О, ты могла б вести от боя к бою!
Но душу я рассудку подчинил,
Чтоб не рвануться слепо за тобою.

В иные ночи боль просилась в песню,
В иные дни в груди ей было тесно.
Умри, умри, умри, моя любовь,
И дружбой неподдельною воскресни.

Вечное желание

В минуту, показавшуюся жуткой
Тому, кто не заслуживает зла,
Не знаю я, всерьез ты или в шутку
Меня своим недугом назвала.

Неизлечимым, тягостным недугом...
Нет, я не уронил слепой слезы,
Хоть тучи надо мною, как над лугом,
Сошлись для продолжительной грозы.

В желанье вечном краткими словами
Молю судьбу о высшей из щедрот:
Пускай, с твоей дорогой не сливаясь,
Моя дорога рядышком пройдет.

Тебя не забыть

О чем писать без пламени в крови
И что за песня – песня без любви?
Живи всегда в моем усталом сердце,
Хоть горем неутешным, но – живи!

От чести и до высшего огня
Всего-всего в избытке у меня.

Но лишь одна мечта тревожит душу,
Несбыточностью вечною маня.

Будь для меня всегда мечтой такой,
Тони из сердца негу и покой,
Чтоб песни, зародившиеся в сердце,
Вдаль растекались огненной рекой.

Тебе одной

Поэзия всегда была со мной,
Как самое застенчивое чувство.
И только лишь тебе, тебе одной
Я поверяю волшебство искусства.

Осколком грозно рухнувшей скалы,
Спокойным сердцем
Внемля песням-птицам,
Ты стала над ущельем, полным мглы...
Но дрогнули тогда твои ресницы!

Какой ты в песнях
Смысл могла найти?
Быть может, ты сознательно и грустно,
Подобно мне, таила взаперти
Свои на волю рвущиеся чувства.

Мне навсегда запомнился тот миг,
Когда вступили тайны в поединок
С тобой и мной, когда в глазах твоих
Рябило от сверкающих снежинок...

Поэзия моя! Она со мной,
Как самое застенчивое чувство.
И только лишь тебе, тебе одной
Я поверяю волшебство искусства.

Ты мой врач

Границу нашей дружбы не нарушив,
Недаром приоткрыл тебе я душу:
Своею болью лечишь ты мою,
И боль моя становится все глуше.

Хоть ныне я всегда неподалеку,
Твоя душа, как прежде, одинока,
Как в дни моих скитаний по фронтам,
В былые дни твоих весенних сроков.

Да, мы живем с тобой, того не зная,
Что ждет нас в скором будущем, родная.
Готов любой успех в твоей судьбе
Своей бедою оплатить сполна я.

Нельзя узнать того, что будет вскоре,
Но я перехвачу любое горе,
Любые беды на твоём пути...
Не так ли лечишь ты меня от хвори?..

Шепот ветерка

Услышав чей-то говор по соседству
Или тревожный шепот ветерка,
Ты знай,
Что это любящее сердце
Приветствует тебя издалека.

Когда стволы колышутся упруго,
Листва шумит под ветром – ты молчи,
Но знай, что это теплый голос друга
Издалека доносится в ночи.

Когда холодный ливень
С градом вместе
Стучит в окошко вызовом судьбе,

Ты знай,
Что это те простые песни,
Которые сложил я о тебе.

Ах, мне ли нынче уповать на чудо!
Но как воспоминанья ни остры,
Пока я буду жив, не позабуду
Счастливых дней умчавшейся поры.

ЗАБЫТЫЕ СТРОКИ

***

Я ждал упрямо.
Я мечтал о мести.
Я тосковал, измучен суетой:
Тобою прежде занятое место
Теперь зияло стылой пустотой.

Стараясь разговаривать потише,
Гадал о том,
Что будет впереди,
Когда я снова голос твой услышу,
И сердце успокоится в груди.

Судьба порой в какое-то мгновенье
Все так переменяет на веку.
Пришла ты...
Но отныне отчужденье
Сменило ожиданье и тоску.

И дрогнул я,
За творчество в ответе,
Былые сны по-прежнему любя.
Я без тебя смогу прожить на свете.
Но проживет ли стих мой без тебя?..

***

В степи немало любопытных глаз,
И дни настали странные для нас.
Все реже мы с тобой бывали вместе:
Мол, делу время, а потехе – час.

Опасливо встречались – вдруг беда?..
Беспечность утеряли навсегда.
Мы были озабочены – и, значит,
От счастья не осталось и следа.

Сто раз пройдя один и тот же путь,
Чтоб только раз в глаза твои взглянуть,
Осознавал я, что от жизни вора
Моя – не отличается ничуть.

***

«Мчит время –
Я запомнил слово в слово –
Пожаром, пожирающим бурьян
И обходящим скакуна любого.
А кто умрет – для тех акыр заман¹».

Мальчишкою усвоив это прочно,
Решил я поторапливаться впредь.
Прошло немало лет.
Но мне о прошлом
Не хочется в отчаянье скорбеть.

И ты за мною следуй без оглядки,
Заботами других обременя.
Да, было у тебя всего в достатке,
И все же ты косилась на меня.

Надежду громоздила за надеждой,
Хотя такие грузы нележки.

---

¹Акыр заман – конец света.

Но там, где ты, –
Всегда цветет подснежник,
Где нет тебя – сыпучие пески.

Да, я слова стихов усвоил прочно,
Хотя я знаю, что когда-нибудь
Взгрустнется сердцу о суровом прошлом,
О том, чего вовеки не вернуть.

***

Уж если я и рухну, то всем телом,
Уж если полюблю – то без предела.
Когда горю – сгораю без золы,
А если верю, значит, верю смело.

В тебя я верил, как фанатик в бога,
Но все разбилось вдребезги в итоге.
Считал я чистым золотом тебя,
А ты лишь позолочена немного.

Нет, не простит фанатик поднебесье
Как не простит народ фальшивой песни.
Былую веру вновь не обрести,
Кто заживо скончался – не воскреснет.

***

Ты тешилась,
Как праздничный цветок,
Улыбками моими и слезами.
А день далекий – встречи нашей срок
Доныне у меня перед глазами.

Хоть мне судьба готовила провал
Мне угрожала неудачей злою,
Тогда я жарким пламенем пылал,
А ты была чуть теплою золою.

И, не решаьсь приблизиться ко мне,
Святое чувство обратила в шутку,
Чтоб не сгореть в занявшемся огне...
Но ведь любовь не подчинить рассудку!

***

Степной ковер, ты вянуть погоди:
Погожих дней немало впереди.
Пусть бурно наша юность отпылала,
Но сердце не смиряется в груди.

Моим заботам в мире нет границ,
И я не зря мечтал о крыльях птиц.
Ах, где ты, где ты, саулеш¹ мой?
Где ты?
Приди в мои объятия зарниц!

И птице,
Чтоб полет вершился, скор,
Нужны свобода и степной простор.
Пусть вольно вьется в небе жаворонок,
Продолжив песней этот разговор.

***

Пусть степь и город
Внемлют дивной песне,
Которая звучит в моей крови
И душу поднимает в поднебесье
На светлых крыльях счастья и любви.

Ты мной была увидена воочью,
Как тот тюльпан, что вырос на тропе.
А вскоре ночи, бархатные ночи
Накинули на нас свое корпе².

---

¹Саулеш – буквально «мой лучик», ласковое обращение.

²Корпе – одеяло.

И тот, кто золотую рыбку хочет
Поймать, бросаясь в мир,
Что в океан,
Пусть молит о продленье дивной ночи,
О вечной негасимости Шолпан¹.

***

С друзьями и достатком
По соседству
Не знавшее ни зноя, ни пурги
По небу жизни молодое сердце
Вычерчивает соколом круги.

О мрачности не думает устало,
Всегда зовя в заоблачный полет.
Нисколько не довольствуется малым
В водовороте будничных забот.

О творчество!
О ярмарка джигитов,

Где может отличиться и юнец.
Стихи,
Как грудь красавицы, открыты
Для гордых и возвышенных сердец.

ВСТРЕЧА С ТАШКЕНТОМ

Дороги высей солнечных покинув,
Как покидают чудо из чудес,
Сюда, в Ташкент, казахские акыны
Спустились, словно ангелы с небес.

Даль с самолета
Разглядеть сумей-ка!

---

¹Шолпан – звезда утренней зари; Венера.

Недаром же Ташкент в рассветной мгле
Казался мне жемчужной тибетейкой,
Из века в век лежащей на земле.

Нет, здесь не на чужбине я, а дома.
Здесь все привычно.
Здесь всему я рад.
Вокруг не просто тысячи знакомых,
Но каждый друг, товарищ или брат.

Особый говор, и цветы, и реки,
Но у сердец и песен – наш размах!
Отрадно и легко среди узбеков
Гораздо выше быть, чем в небесах.

С земли высоты
Оценить сумей-ка!
Теперь мне солнце там, над головой,
Казалось золотою тибетейкой,
Украшенной лучистой бахромой.

ВЕСНА

С круч Алатау о твоём приходе
Оповещал я все концы земли.
Не тысячи ли дочерей природы
Тебя одну на свет произвели?

Ты столько качеств
Совмещаешь сразу.
В тебе таится за чертой черта.
Знакомы мне о том слова и фразы,
Что ветреной бывает красота.

Но лишена ты этого порока,
Избрав иные, светлые, черты,
И поражает совершенством к сроку
Сплав мудрости и светлой красоты.

Любой посев потребует заботы,
Без разума мечты не воспарят.
Кому нужны облезлые красоты,
Как тот, ослами вытоптаный сад?

Но, проходя дорогами любимыми,
Ты насаждаешь животворный свет.
Я, как юнец – цветы своей любимой,
Дарю тебе стихов своих букет.

Певца слепят весенние зарницы,
Садовник хвалит трели соловья.
Легка, как будто девичьи ресницы,
Темна, как будто полог, ночь твоя.

Прозрачный дождь и небо голубое,
Зеленый мир и грозовой раскат.
Весна-сестрица! Следом за тобою
Идет по свету лето – старший брат.

Ты не скупа на проявленья жизни:
Как будто флаги, маки там и тут.
Недаром ведь, весна,
В моей Отчизне
Художники пример с тебя берут.

Да, нас влекут к себе не без причины
Любовь и вечность,
Свет и глубина,
Просторы и орлиные вершины,
И воды рек, прозрачные до дна.

Весна!
Влюблен в мечты твои и цели
Тебе открою тайну я одну:
Мы всю тебя – от гроз и до капелей –
Готовы взять с собою на Луну.

Не зря, помолодев от этой вести,
Любовь,
Красой и мудростью скрепя,
Как будто долгожданную невесту,
Встречает степь казахская тебя.

ВОСПОМИНАНИЕ О РОДНОМ КРАЕ

Золотится зерно под седым поднебесьем.
Словно лучики солнца осыпались вниз.
Вспоминается сердцу старинная песня:
«Где вы, реки: и Жайык, и Жем, и Сагыз?..»

Если б речь пробудилась в Нарыне однажды,
Мы б услышали правду о долгих веках,
О степном гололеде, буранах и жажде,
Об иссохших губах и пустынных песках.

Исатай, Махамбет..
Зноем выжжены степи,
Души голодом высушены до слезы.
И недаром порою нам слышатся цепи
В знаменитых мелодиях Курмангазы.

Внемлют нам, точно внемлют иной небылице,
Наши взрослые дочери и сыновья
В дни, когда мы,
Как те перелетные птицы,
Возвращаемся снова в родные края.

Наши дети живут на готовом подолгу
И поэтому видят лишь собственный путь.
Верю: скоро частицу великого долга
Им придется родимому краю вернуть.

Наши дети до срока беспечны недаром:
Как наследникам светлого дела отцов

Все для них: Казахстана стада и отары.
Рыба Каспия, солнце, дерзання творцов.

Что же им не смеяться и не веселиться,
Если эти наследники к жизни близки!
Их встречают поклонами волны пшеницы,
Сладко манят степных городов огоньки.

Им покорны плотины любого канала,
И порывы ветров, и раскаты грозы.
Мерно плещутся вешние воды Урала,
Как напевы великого Курмангазы.

Сокровенные думы уходят в рассветы,
И презренными их возвращает заря.
Да, откройся сегодня глаза Махамбета,
Он сказал бы, что гибли батыры не зря.

В наши дали
Протоптаны песнями тропы,
С нашей степью делился отвагой батыр.
Мудрый край чабанов,
Щедрый край хлеборобов
Удивляет своими свершеньями мир.

Сколько силы ушло, сколько вызрело силы
Там, где давние сны и легенды сплелись.
Будто сам полевод наш –
Усталый Берсиев
Видит реки: и Жайык, и Жем, и Сагыз.

Расплеснулись озера и слева и справа.
Ты лежишь, вдохновеньем меня наделя,
Край родной мой,
Степей моих гордость и слава,
Для сыновнего сердца святая земля.

ПЕСНЯ О КРЫЛЬЯХ

О, если бы мне крылья птицы...

Из народной песни.

Как в были, веря в небылицы,
Забыв про чай и про еду,
Любил казах с летящей птицей
Сравнить раздумий быстроту.

О Желмае¹ он спорил с жаром,
Брал Тайбурыла под уздцы.
О крыльях легкого тулпара
Мечтали деды и отцы.

Но был простор одет туманом,
В котором не видать ни зги.
Казах, рождавшийся Асаном,
Встречал свой час Асан-кайги².

Ему, казаху, лошадь надо
Хоть для пастушеской судьбы.
А нищета с бедою рядом
Скрипит колесами арбы.

Из года в год, от века к веку
Печальный путь его измерь...
И вот о крыльях человека
Мечтают соколы теперь.

Сметая прежние заботы,
В родные степи хлынул свет.
А вскоре время самолетов
Сменилось временем ракет.

---

¹ Желмая – легендарный быстроходный верблюд.

² Асан-Кайгы – Асан Печальный – мифический герой, искатель земли обетованной.

Пришла космическая эра,
И, покоря вышину,
Перед полетом на Венеру
Доставлен вымпел на Луну.

Великой былью стала небыль,
И, землякам своим под стать,
Я сам летаю выше неба,
Чтоб там поэму написать.

А соколов умчать к высотам
Не трудно будет кораблю.
Их деды брали на охоту,
И я за храбрость их люблю.

Любые взлеты и посадки
Я сделаю в любой туман.
Мне служит
Стартовой площадкой
Родной и щедрый Казахстан.

И поутру, и ночью поздней
К любым превратностям готов,
С его груди
Стремится к звездам
Потомок мудрых чабанов.

Я горд родимым Казахстаном:
Ведь в нем, как вольный человек.
Казах, родившийся Асаном,
Батыром проживает век.

Он, позабывший о бессилье,
Открывший новые миры,
Поет о славе и о крыльях
Своей стремительной поры.

ВЛЮБЛЕННЫМИ ГЛАЗАМИ

Шумят луга родной сторонки,
Кольшется простор, открыт.
И шепчется с травой-девчонкой
Веселый ветерок-джигит.

Шумит бескрайняя пшеница,
Поет, колосьями шурша.
И вслед за песнею стремится
В зенит
Колхозника душа.

Шумит дремучий лес,
Кольшет
Деревья и кусты свои.
В нем человек прохладой дышит
И грезит словно в забытии.

Шумит под ветром – вечно молод –
Тот флаг, что за собой зовет.
И те, кто поднял новый город,
Опять торопятся вперед.

Простором серым
Серой тенью
Сто лет бродил старик-казах.
И вот вокруг него цветенье.
И юный блеск – в его глазах.

Хмелен от воздуха степного,
Ребенок мчится, быстроног.
Своей степи лица былого,
По счастью,
Видеть он не мог.

Он играми привычно занят.
А я, взволнован неслегка,

Глужу влебленными глазами
На мальчика и старика.

На всех, кого вокруг немало.
Хочу отныне я и впредь,
Как жизнь,
Быть мудрым аксакалом,
Как жизнь,
Все время молодеть.

НА «ПОЛЯНЕ АБЛАЯ»

Называл этот лес без конца и без края
Сам Аблай поэтично – «Зеленой ордой»¹
А большую поляну – «Поляной Аблая»
Называет издревле
Народ наш простой.

Хан сюда
После дерзких походов стремился.
Гарцевал здесь не раз на коне боевом.
Обезумев от жен, от казы², от кумыса,
Охлаждал себя в озере он Боровом.

Хану мнилось:
Подлунным владеет он миром,
Где сверкал вечерами озерный овал.
Хан себе поясницу, заплывшую жиром,
Юных девушек здесь растирать заставлял.

Здесь он думал о старых и новых походах.
Здесь для них он побольше накапливал сил.
Издевался он здесь
Над бесправным народом,
Суд вершил здесь над ним и расправу вершил.

---

¹Орда – дворец.

²Казы – копченая конская колбаса.

Здесь лишь смерть
Человеку свободу дарила,
Забывали джигиты о чести мужской.
Здесь одна только фраза звучала уныло:
«Небом править Аллаху, Аблаю – землей...»

На других языках здесь слова не звучали.
Стоны узников здесь достигали небес.
Разносился угрюмо в далекие дали
Звон цепей
От подножья горы Окжетпес.

Та гора прокатилась сурово и грозно –
И сегодня поляна иная на вид.
В танце юная Клара кружит грациозно,
На поляне Аблая беспечно кружит.

Тесновата для хрупкой узбечки поляна:
Проступают за танцем,
Сердца веселя,
И густые сады и сады Гулистана,
И богатые хлопком поля и поля.

Халиму молодежь обступает, упряма.
Танец песней смениться
На празднике рад
Там, где новые строки Гафура Гуляма¹
Вдохновенно и чисто сегодня звучат.

Что открылось впервые большому поэту:
Стали мысли Биржана ему по душе?
Или это он в поисках тени и света
Перешептывается с горою Кокше?

Есть ли песни биржановских песен чудесней?
Мы умели и петь, и строку создавать.

---

¹Гафур Гулям (1906-1966) – народный поэт Узбекской ССР.

И заметил Гафур:
– Ваши вольные песни
Одному лишь степному простору под стать!

...А напевы взлетают все выше и выше.
И напрасно спешат мотыльки им вдогон.
Может, Клара сейчас
Сквозь столетия слышит:
«Я в большие глаза твои сердцем влюблен...»

И глядится в озерную ширь поднебесье.
И таинственность дремлет в ее глубине.
И курортникам
Сладко подхватывать песню,
В легких лодках покачиваясь на волне.

Знаю был в старину и пребудет вовеки
Мой народ на земле
Как искусства творец.
И казахи, и русские здесь, и узбеки –
Все братаются, внемля порыву сердец.

Что нам ханы-султаны, коль песнями смело
Раздвигаем сегодня мы прежний предел!
Наше чувство открыто туда долетело,
Где Аблай и в мечтах
Побывать не сумел.

И Кокше оттого здесь гордится собою,
Что с дерзаниями ныне
Ему по пути.
Я и сам здесь касаюсь небес головою,
А признаться точнее – касаюсь почти...

КРАЙ ПО ИМЕНИ ТАЙПАК

Неподалеку от Урала,
Где Яик словно бы кушак
Повязан на седых увалах.
Есть край по имени Тайпак.

Луга. Цветы.
И ранней ранью
На травах бусинки росы.
Влюбляйся. Смейся.
В состязаньях
Бери нелегкие призы.

Там щедр народ в любую пору.
Когда к нему ни обратись.
Там степь казахского простора,
Судьбой стремящаяся ввысь.

Недаром смех ее чудесен,
А сила – лучше отойди!
Любое сердце там от песен
Замрет взволнованно в груди.

О мой Тайпак!
Любые дали
От тех дорог недалеки,
Где выростали и мужали
Мои простые земляки.

Родной Тайпак!
Водой и сушей
Любуясь щедро каждый миг,
Я твоего народа душу
Утрами майскими постиг.

Любой рассвет
Был свеж и ясен,

Под стать ему – любой закат.
«Тот, кто любим, всегда прекрасен»
Не зря в народе говорят.

Твой сын, Тайпак,
Я чужд смятенья.
А станет песням тяжело –
Вернуть к тебе, и вдохновенье
Опять поднимется в седло!

АХ ТЫ, ОЗОРНИЦА

Ты меня напевами своими
Беспокоишь сутки напролет.
Что же ты под окнами моими
Ходишь все и ходишь взад-вперед?
Ах, какая же ты, озорница!

Я давно уж той поре не внемлю:
Отошла она в былую тишь.
Что ж ты все не спустишься на землю?
Что ж ты в небе лебедью летишь?
Ах, какая же ты, озорница!

Смех твой солнечный
И лик твой лунный
Жизнь переполняли через край.
И твержу я, сам уже не юный:
«Все цветы ты и не отцветай!»
Ах, какая же ты, озорница!

И сады вокруг,
Как ты прекрасны.
И напевы праздничны, как ты.
И мечты мои,
Как ты прекрасны
И, как ты, по-прежнему чисты.
Ах, какая же ты, озорница!

СВЕТЛЫЙ ЯИК

Здравствуй, Яик!
Здравствуй, вольный!
Не на лодочке, гребя, –
Я приму в объятья волны
И переплыву тебя.

Летних вод храня сиянье,
Первая моя река,
Ты в моих воспоминаниях –
Словно первая строка.

Ты любила в час свиданья
Целовать меня в висок.
Словно девичье дыхание –
Жарок белый твой песок.

В травах этих,
В чащах этих
Я когда-то подрастал.
Ты милей мне всех на свете,
Светлый Яик – мой Урал.

Помню радостное чувство,
Оттого что в летний зной
Воду нес канал Кучумский
В мой аул – в колхоз степной.

Ты знавал иные даты,
Жизнь иную без прикрас.
Но бывал ли ты когда-то
Счастлив так же,
Как сейчас?

Прежде ты темнел от грусти.
Мутен был из мига в миг
От истоков и до устья –
Может быть, от слез людских...

А теперь ты в просветленье
Все полней и все вольней
В степь приносишь вдохновенье –
Вдохновенье наших дней.

В травах этих,
В чащах этих
Я когда-то подрастал.
Ты милей мне всех на свете
Светлый Яик – мой Урал.

***

Мы возвращались с мокрыми цветами,
Цветы проходим радовали глаз,
Как будто, тихо шевеля устами,
Весна дышала на руках у нас.

Нет, ты не собирала, что попало.
Среди цветов свой оставляя след,
Одни – брала, другие – отвергала,
Покуда лучший собрала букет.

Ты миновала тысячи соцветий,
Смеялась: «Не ревнуй меня к цветам!..»
Я сразу не нашелся что ответить,
Ни слова не сказал тебе я там.

Прошу тебя: прими сегодня этот
Стих вместо извиненья моего,
Пусть будет он подобием букета,
Цветком – любое слово у него.

Когда б и я не колесил по свету,
Когда б кругом не видел красоты,
Откуда б мог я знать, что просто нету
На свете лучшей женщины, чем ты?

КОГДА МЫ БЫЛИ В КАЗАНИ

Как горячо

Какой жары не видели казахи?
Температур не ведали каких?
Мы знали жар сраженья и атаки,
И жаркую любовь, и жаркий стих.

Душой и кровью горячи казахи,
Не временно – навеки так дано.
И все ж объятья жаркие Казани
Нас обожгли, как крепкое вино.

Как вы о нас, родные, стосковались!
Как руки в братстве радостно сплелись!
Как наши песни быстро сталкивались!
Огонь с огнем как жарко обнялись!

Вы тоже знали стужи и жарыни,
Стояли от огня не в стороне.
Лишь из огня рождаются Джалили,
Они и закаляются в огне!

В краеведческом музее

Краеведческий музей
В добром городе друзей.
...Битва. Боги. Имена.
Те и эти времена.

Новизна и старина.
Очень давняя страна.
...Хан татарский. Край болгарский,
Лагерь царский...
Стан бунтарский...
Рвы. И башни. И подкопы.

Копья, пики и подковы,
И кольчуги, и щиты,
И табунщиков шесты.

Все поставлено рядами,
Как истории тома.
Все плывет перед глазами,
Как История сама.

И Дилара молодая
Сквозь столетья нас ведет,
В души спутников вливая
Вместе с горечью и мед.

Говори без перевода,
Боль выкладывай годов.
Эту летопись народа
Вечно слушать я готов.

Краеведческий музей.
Новый зал – душе светлей:
Времена пошли новее,
Веселее и живее.

...Обновление страны,
Объявление войны
Гнету вечному и рабству!
Выход – к равенству и братству!
Больше гнет тебя не гнет,
Рабство сбросивший народ!
Дни октябрьского восторга!
Путь октябрьского Востока!

Стал и внешний вид светлей
У аулов, у людей.
Будто больше кислорода
Стало в легких у народа.

Время радостное, алое!
Каждый – молод! Мир – не стар.
Дорогое, небывалое,
Племя новое татар!

И дела их – мировые!
Жизнь их – полная красы!
...Как ракеты боевые
Муза гордая Мусы!
...Море новое – Казанское,
Новой жизни полотно...
Сердце у меня казахское,
Восхищается оно.
...Не со скрипом, не со стоном
Изменив и вид и ритм,
Продолжается История!
Сам народ ее творит!

До свиданья, музей,
В славном городе друзей.
Из Истории выходим
И в Сегодня переходим...
До свидания, Дилара
И столетья за спиной!
Ждет нас жизнь с ее делами
За музейною стеной.

Университет

Не зря казанский храм науки,
Где обучалась молодежь,
В те годы был похож на утро,
На птицу раннюю похож.

Очаг раздумий, горьких истин...
Из этих величавых стен
Еще беспомощные искры
Холодным ветром гнало в степь.

Их темнота гасила рьяно,
Чтоб не давать дороги дню.
Но вот сюда пришел Ульянов,
Как будто Прометей к огню.

И, в дверь вошедшие попарно,
Мы смотрим в думах об одном
На этот класс, на эту парту,
На дуб столетний за окном.

Ах, дуб, шумевший без опаски,
Хоть ныне все-таки открой:
Какие ты студенту сказки
Тогда нашептывал порой?

Не ты ли, яростью пылая,
Ему поведал в давний год
О том, что та стена гнилая:
Лишь пальцем ткни – и упадет?

Я слышал смолкнувшие споры...
Мы вниз сошли, покинув зал,
Той лестницею, по которой
Когда-то юноша взбегал.

О нем мы спрашивать не стали,
Хоть и не знали, что сейчас
Он замерев на пьедестале,
Как будто солнце, встретит нас.

Казанское море

Я в жизни повидал немало стран,
Неплохо знал и знаю Татарстан,
Где любовался озером Лебяжьим,
Бродил над гладью озера Кабан.
И все ж того вовеки не забуду,
Как удивился морю там:
– О чудо!

Оно, песок по берегу стеля,
Целует стены старого Кремля.
И крыльям волн, серебряным и грузным,
Завидует бескрылая земля.

Растут и набок валяются валы,
Белужьими разводами белы,
Как будто это пеною верблюжьей
Стихия брызжет из глубинной мглы.

Вода, вода вблизи и вдалеке.
С бессмертием самим накоротке
Видна гробница ратников Ивана,
Как будто бородавка на щеке.

Она видна и днем, и ночью поздней,
Как памятник тому,
Чем грозен Грозный.
По шею волны ей, по лоб туман.
Сказал нам так акын Хасан Туфан:
«Здесь лес и степи укрывает море
В отличие от моря южных стран!

Да, наше море широко легло!
Вон там стояло некогда село...
Зато на берегу, взгляните, город
Огнями озирается светло».

Взлетает катерок из глубины,
Как щепка на ладони у волны.
Хасан Туфан лицо подставил ветру,
Он сед – а были волосы темны.

Нет, не коснулась ржа его души,
Он любит край в ненастье и в тиши.
Ложатся волны, словно строки песен,
Которые светлы и хороши.

Минарет Суюнбике

Казанский кремль выглядит не старым.
Вон минарет – игла в его руке.
Тот минарет, конечно же, недаром
С древнейших пор зовут Суюнбике.

С него царица, помолившись слезно,
Смотрела в эту сторону и в ту.
Когда ж Казань
Сломил осадой Грозный,
Красавица шагнула в пустоту.

Я был легендой красочною тронут...
И зря: ведь что ты там ни говори,
Не гибли ханы просто так,
И тронов
Не покидали просто так цари!

Суюнбике...
Нет, путь ее не ярок:
Испуга и покорности полна,
Царица хану крымскому в подарок
Была Иваном Грозным отдана.

Она ушла – народ мечтал о чуде,
Храня культуру и родную речь.
Потом легенду выдумали люди,
Чтоб честь родного города сберечь.

С тех пор десятки бурь
Промчались мимо,
Прошли над миром сотни долгих лет.
Под натиском ветров неутомимых
Стоит, чуть покосившись, минарет.

Стоит,
Как страж сегодняшней свободы,

Пришедшей в этот край издалека;
Как мужество татарского народа,
Победно пережившее века.

Сабантой¹

Садов разливы там и тут,
Повсюду люди пляшут.
Цветы, как лебеди, плывут
Озером Лебяжьем.

Девчонки пестрым косяком
Проходят по соседству.
Здесь нынче те, кто с огоньком,
С веселой песней в сердце.

Кто полон силы и удал,
Кто светел от сединок.
И тот, кто в жизни истоптал
Всего пять пар ботинок.

Гулянье, будто бы огонь,
Всегда влечет и дразнит.
И смех, и крики, и гармонь
Смешал гудящий праздник.

Пляши как можешь и ликуй
Под этой мирной сенью.
Великий праздник сабантой –
Той щедрости осенней.

Его не зря вела тропа
Сквозь грозовые годы.
Той землепашцев, той серпа,
Той славного народа.

Он близок мне, понятен мне
И дорог не вслепую.

---

¹Сабантой – той, праздник урожая.

Сидим мы чинно в стороне
Гостями сабантоя.

Здесь и столетний аксакал
Вступает в поединок,
И тот, кто в жизни истоптал
Всего пять пар ботинок.

Девчонки стройностью горды,
А ноша их легка ли:
Несут по две бадьи воды,
Не расплескав ни капли.

Любые игры им к лицу
На праздничных дорожках.
Кладется в ложки по яйцу¹,
Берутся в зубы ложки.

И марш вперед, минуя пни,
Судьбе бросая вызов.
Да хрупкий груз не урони –
Останешься без приза!

Во всем, во всем такая ширь.
Размах настолько дерзкий,
Как будто древний богатырь
Припомнил игры детства.

Ах, игры, – пой, резвись, танцуй!
Сейчас поэты все мы:
По виду – это сабантой,
По существу – поэма!

И неспроста его тропа
Вперед ведет сквозь годы.
Той землепашца, той серпа,
Той щедрого народа!

---

¹Народная игра.

Казахские розы

Цветы повсюду – нет прохода,
Повсюду возбужденный гул.
Нас в гости, говорят, полгода
Ждал с нетерпением аул.

Цветы укрыты от мороза,
Их множество алеет тут.
Ах, в Татарстане эти розы
Не зря казахскими зовут.

Мы подъезжали в клубах пыли,
Окружены густой толпой,
И люди розы нам дарили –
Подарок самый дорогой.

Я знаю, все стирают годы
И жизнь букета коротка.
Но память о любви народа
Хранится долгие века!

Сорок девушек

День был солнечен и ярок.
Красовались без прикрас
Сорок девушек-доярок...
Не ругайте, жены, нас!

И порхает эта шутка,
Повторенная стократ.
На гостей тепло и чутко
Сорок ангелов глядят.

В озорных улыбках лица.
В их кругу не потому ль
Даже храбрый устрашится:
Сорок взглядов – сорок пуль!

И девчонкам стало мигом
Все известно обо мне,
О делах моих и книгах,
О детишках и жене.

О поэзии и прозе
Споры вспыхивали тут.
Не на небе, а в колхозе
Сорок ангелов живут.

И не зря, сливаясь в песне,
Оглашают голоса
Не святое поднебесье,
А окрестные леса.

Строки Пушкина, Абая –
Слушай их хоть до утра!
Строки славного Тукая,
«Камажай»¹, «Бибисара»².

Все естественно и просто.
Время шумно проводя,
Под открытым небом гости
Не заметили дождя.

Он траву отмыл от пыли –
И уже вдали шумит.
Мы еще бы погостили –
Жаль, что кончился лимит.

Жаль, что быстро вышли сроки
Покидать Шалевый лес,
Жаль, что мы живем далеко
И работаем не здесь.

Получили мы в подарок
Не один большой букет.

---

¹«Камажай» – танец казахских девушек.

²«Бибисара» – танец татарских девушек.

Сорок девушек-доярок
Долго «хош»¹ кричали вслед.

Мы в ответ шутили стойко
С чувством братского тепла
И везли приветов столько,
Что машина еле шла!

А жаль...

Ах, они настигают, тревожа,
Заслонишься – видны сквозь ладонь.
Словно пули, острые.

А похожи
Не на уголь – на черный огонь!

Из встречавших огонь этот
Каждый
Будет помнить всю жизнь об одном.
Я глаза те увидел однажды
Наяву, словно в мире ином.

Легкой серной,
Стремящейся к сути –
Тень свою на земле обогнать,
В центре сцены возникла плясунья,
Миражам отдаленным под стать.

Кто искусству в полете откажет?
Две прекрасных,
Две смуглых руки
То трепещут, как крылья лебязьки,
То, как шелк, опадают легки.

Не цветок ли весенней раскраски
Лепестки распустил от тепла?
Не старинная это ли сказка
Перед нами сейчас ожила?

---

¹«Хош» – возглас приветствия и прощания.

До утра я не сдвинулся б с места,
Все смотрел бы в большие глаза.
Поэтичны движенья и жесты,
А фигура плясуньи – лоза.

Счастье ты, молодая луна ты,
Откровенье мое и печаль.
Вот и скрылась мечта без возврата,
За кулисами скрылась...
А жаль!..

Я грущу

Тоска, она гнетет нещадно...
Татарин – брат радушный мой
Взмахнет рукою на прощанье,
Взревут моторы – и домой!

Всю жизнь мне
Помнить край великий,
Натуры волжской широты,
И то, как ел я костянику,
И то, как рвал в лугах цветы.

За десять дней свиданья с братом
Мне стало многое ясней,
Я понял, как любовь богата...
Вот что такое десять дней!

Нас узы вечные связали,
Единству близнецов под стать.
И море и людей Казани
Я с грустью буду вспоминать.

Хоть мы, гостящие, в избытке
Повсюду проявляли пруть, –
Хороший день короче нитки,
Чтоб пуговицу лишь пришить.

О грусть!
Я счастлив этой жаждой,
Как солнцем счастливы цветы,
Я прилечу в Казань однажды
Из яблочной Алма-Аты!

БАЙГА

1

Я помню степь без края и предела
И первую байгу свою, когда
Мчал на коне мальчишка загорелый,
Как небо прочертившая звезда.

Мчал, словно вихрь,
У солнца на примете,
Взбивая серый прах под небеса.
В ушах звенел неугомонный ветер,
И слезы набегали на глаза.

И стремена тускнели в пыльной выюге...
Я, для того, чтоб ветром не снесло,
А может быть, и просто от испуга,
Отчаянно держался за седло.

Мой конь пришел последним...
С громким плачем
Спустился я с усталого коня...
Доныне тот экзамен столько значит
И столько будет значить для меня!

2

И снова память
В сердце бьет копытом,
К тому из дней протягивая нить,
Когда я всеми признан был джигитом
И рад был гору набок своротить.

Уж я теперь-то не зальюсь слезами,
Не уступлю награды никому.
Теперь я с честью выдержу экзамен
В лихой и славной скачке кыз куу!¹

Красавицу, конечно, догоню я!
Пусть знатоки с усмешкой говорят,
Что в трепетном девичьем поцелуе
Таятся сладкий мед и горький яд.

И вот она – волшебно перья вьются
Над гривой тонконового коня.
Мы оба с ней – готовые схлестнуться
Два языка единого огня.

Какое счастье мчаться с нею рядом!
Красавица ожгла – мол, кто кого! –
Коня камчой,
Меня мгновенным взглядом,
В котором промелькнуло озорство.

И обнялась с коричневой метелью,
И, вскрикивая, в грохоте копыт
За этой удаляющейся целью
Рванулся раззадоренный джигит.

Рванулся за красавицею следом.
И вот уж я, пьянея без вина,
Глотая пыль, надеясь на победу,
Руками к ней тянусь со скакуна.

Ах, как меня надежда обманула:
Я у мечты остался за спиной...
А девушка у вехи повернула,
Теперь она торопится за мной.

---

¹Кыз куу – казахская национальная игра; букв.: погоня за девушкой.

Бежать?
Но как решиться на такое?
Короткий миг – и вот уже с плеча
Сжимаемая девичьей рукою
Стегает по бокам меня камча.

Да, нежный лебедь, блестящий красою,
Вдруг превратился в ястреба тогда.
Я проиграл, камчой исполосован,
Сгорало в небе солнце от стыда.

3

Доныне продолжается мужанье,
Хоть день за днем скрываются в пурге.
Я оценил тогда соревнованье,
Когда пришел последним на байге.

Борьба и приз – ближайšie соседи,
То ласкова, то праведно строга,
Ведущая к заслуженной победе
Вся наша жизнь – великая байга.

Она ни в чем обмана не допустит...
А жизнь поэта!
Мне ли одному
Превратный путь к высокому искусству
Напоминает скачку кыз куу?

Навек забудь о сне и о покое,
В объятьях славы ветреной молчи,
Гонись за ненаписанной строкою
И смейся под ударами камчи.

Над собственной растерянностью смейся
И вновь копи уверенность в груди.
Мой стих всегда готов
Рвануться с места:
Ведь счастье скачет где-то впереди!

СНОВА НА РОДИНЕ

1

Кошму родных краев откинув на рассвете,
Я обнял и тростник, и озеро вдали.
По-матерински
Лоб мне гладит здешний ветер
И обжигает рот дыханием земли.

Душою рад степи, где очень долго не был,
Я младшим – старший брат,
А старшим – верный сын.
Шучу в кругу друзей. И ласточкою в небе
Парю и не могу достигнуть всех вершин.

Скачу за табуном,
В реке плыву листочком,
Джайляу обхожу хозяином лугов.
А жадные глаза нанизывают строчки
Пока что не вполне осознанных стихов.

Ах, я всего лишь нить прекрасного узора,
Оттенок голубых и розовых небес.
Вписаться бы в стихи,
Вшепаться в разговоры,
Стать другом для друзей и чудом для чудес.

Нет, здесь я не поэт!
Притом большой, по слухам!
Нет, степь меня в ночи не зря к себе звала!
Пусть мне поднесут не бас, а только ухо,¹
И скажут:
– Это наш вернувшийся бала.²

Когда-то отчий край растил для счастья сына.
Но должен срок прийти!

---

¹Бас – голова барана – преподносится старшему, почетному человеку, ухо – младшему по возрасту.

²Бала – мальчик-подросток.

Но должен день настать!
С землей своей навек я связан пуповиной:
Не мать тебя, а ты отныне холишь мать!

2

Овражные ветра, пропахшие емшаном!
Там каждый вид знаком,
Привычен каждый звук...
Места на Оленты, где клев был утром рано,
Заветный Сайкудук, где зреет дикий лук.

Как будто юность вновь увидела воочью,
И важен каждый час и сладок каждый миг.
Здесь ныне все, как встарь.
И разве только ночи
Теперь уже не то, что гривы вороных.

Не та сегодня тьма...
Она скрывала росы,
Когда вверялись мы женге¹ в урочный час.
Больших и малых звезд
Вдали мерцает россыпь,
Как будто Млечный Путь
Доступным стал для нас.

Знать, девушку-красу
В той юрте с псом на страже,
Как полог, затянул разросшийся тростник.
Где тот седой старик, который в юном раже
Кидал в меня клюкой?..
Забавный был старик!

Где тех беспечных дней
Хотя б одно мгновенье?
Неужто от меня ты, юность, далека?

---

¹Женге – невестка, обычно помогавшая встречам влюбленных.

А женщина стоит печально в отдаленье
И долго на меня глядит исподтишка.

И вспыхнули глаза, и дрогнули ресницы,
Как будто различив знакомые черты...
Мне вспоминалась степь во мраке –
Не в зарницах,
Хотя иной напев касался высоты.

О степь! О мой аул! О небосвода юрта!
Как гений, то смеясь, то плача, то любя,
Ты старишься, мой край, и вновь сияешь юно.
Ах, нет, не отдаляй поэта от себя!

ЧИТАЯ ЕСЕНИНА

1

Кто б о Есенине мне что ни говорил,
Но он дружил с Поэзией одною.
Не от вина его рождался пыл, –
Он весь пропах черемухой лесною.

Был баловнем, другим не уступал,
Был стих его пронизан светлой грустью,
Но мачехи он сроду не желал,
Всегда был с матерью родной, с любимой Русью.

И всюду с ним была Россия-мать,
Прощала шалости, – и к ней он шел
с повинной.
Ведь может только мать одна понять,
Как ласка и любовь нужны родному сыну.

2

Он вновь со мной, опять ко мне пришел,
Он молод, что нисколечко не странно.

Своим стихом чувствительный укол
Нанес он Магомету и Корану.

Я не в обиде на него за это,
А даже говорю: наоборот!
Я сам не чту законов Магомета,
Пускай подальше от меня идет!

Мне чужд и неприятен наш аллах,
Его указы не приемлет сердце:
«Скорей умри от голода в песках,
Но помощи не жди иноверца.

Не отдавай за иноверца дочь
И сам дружить с неверным не пытайся,
От помощи его бежать старайся прочь,
Умри, но мусульманином останься.

И пусть вовеки будет в стороне
От их чужих могил твоя могила!..»
Что это все? Забота обо мне?
А что еще его религия сулила?

Намаз? Зачем мне эта благодать?
Имам? Мне тоже проку мало в этом!
Коль не могу в земле с неверными лежать,
То не прошу и места рядом с Магометом.

А если бы и дали рядом место,
На что ему сдались мои стихи?
Я ж от его постылого соседства,
Клянусь, вторично б умер – от тоски.

Коль он силен, то почему же сам
Не смог определить свои границы,
Не разделил он солнца пополам
И не сумел с Христом договориться?

Не признаю его. Какой же он пророк?
Что мог предвидеть он, живя в своей пустыне?
Умел он дать намаз, но хлеба дать не мог,
Не знал, что стану я таким, какой я ныне.

*

Люблю, Сергей, я стих певучий твой,
Который так легко и плавно лился.
Когда б ты в жизни встретился со мной,
Ты хлебом и вином со мной бы поделился.

Поэт, ты настоящий был джигит,
Поспорить мог ты с музою иною.
Как русская природа, стих звенит,
Да крылья вдохновенья за спиною.

ЮНОМУ ТАЛАНТУ

Ты без стихов не можешь жить и часа,
Горишь от нетерпения в пути,
Забыв о том, что именно Парнасу
Придется душу в жертву принести.

Стихи – ярмо такое,
Что по праву
Снести его не каждому дано.
Не ведаю: бесславье или славу, –
Но обретешь ты что-нибудь одно.

Есть у тебя наставники, которым
Известны все азы до одного.
Я слышу ныне, как в былую пору,
Спокойный голос друга своего:

«Кто жаждет
Похвалить тебя при встрече,
Кто истиной не раздражает слух,

Кто произносит пламенные речи
Лишь над бокалом, – тот тебе не друг.

Друг скажет правду – пусть она сурова.
Ты выйдешь в путь – и друг с тобой в пути.
Он не щадит.
Но дружеское слово
На деньги не спешит перевести.

Не льстит.
Не помогает под расписку.
Не тщится все предвидеть наперед.
Под видом мнимой смелости и риска
К обрыву он тебя не приведет.

К чему хвала мужчине, между прочим?
Ты должен относиться к ней шутя.
Да будет дар твой
Чист и непорочен,
Как только что рожденное дитя!»

И я могу признаться без утайки,
Что эти вот слова за пядью пядь
Вели меня вперед:
Ведь голос чайки
Лишь озеро способно понимать.

Я до поры хвалить талант не стану,
Хоть обижайся десять раз на дню.
Ликуй! Страдай!..
Я к честному азану¹
Свой голос друга присоединю.

---

¹Азан – хор, призыв.

КАЗАХСКАЯ ЖЕНЩИНА

Я ее невоспетым достоинствам предан;
И величью мечты, и крылатости дум.
Как же мог про нее простодушный мой предок
Говорить:
– Волос долог, да короток ум?!

Может, он потому так бахвалится праздно,
Что его бороды не трепала жена,
Что ни божьим речам,
Ни шайтанским соблазнам
Поддаваться в тоске не хотела она.

Может, предок считал нашу женщину годной
Лишь на то, чтоб трудиться в поту и в пыли.
Может, так заявлял, видя девушек гордых,
Что к мужьям без приданого все-таки шли.

И еще говорил, по известной причине
Наслаждаясь сомнительной мудростью той:
– Лучше медною быть голове у мужчины,
Чем у женщины будет она золотой!

Много лжи ты впитал,
Отдаленный мой предок...
Но ведь женщиной все же рожден был любой!
Темный предок!
Давай хоть теперь, напоследок,
Не спеша обо всем потолкуем с тобой.

Неспроста я о днях вспоминаю несладких,
Когда пища подчас доставалась не всем.
И любой человек строил дом при достатке,
А казах брал жену и платил сорок семь¹

---

¹Подразумевается сорок семь голов скота в качестве калыма.

И над ним восходили глубокие очи!
И, хоть был на любовь он, на подвиг готов,
Может быть, потому и не думал о прочем,
Пас стада и не строил больших городов.

Был заносчив.

Но, чтя стародавний обычай,
Полагал, что житье без детей – не житье.

Усмехался:

– Сокровища – вражья добыча!

А потомство – богатство людей и мое!

Ах, мой предок, да разве б сумел ты героев

Сам таких воспитать, чтоб боялись враги?

И недаром, жену избивая порою,

Умудрялся ей крикнуть:

– Глаза береги!

Ах, мой предок,

Тебя обвинять я не стану

Ни за жен, ни за жесткий семейный режим.

– Лучше две-три жены,

Чем лихим дон-жуаном,–

Возразишь ты, – таскаться по женам чужим!..

Знаю, сердце пленяла твое не любая:

Потому и не твой он – напраслины грех.

Жен бывало в избытке у ханов да баев,

Но любви добивались они не у всех.

Не могли поселить все сокровища мира

Беспокойства у женщины нашей в душе.

И стояли на страже добра, как батыры,

Наши бабушки, наши степные аже¹.

Бедных женщин казахских в далекие сроки

В три погибели гнул безысходности рок.

---

¹Аже – матриарх рода.

Лишь они не таили лица на востоке,
Хоть судьба не пускала народ на порог.

Как Сара, удивляли мудрейших акынов,
Были судьями, пикой встречали врагов.
Над арыками гнули усталые спины,
Пели песни в садах у речных берегов.

Предок мой, ты скажи,
Не в потник ли отчасти
Превращалась жена твоя в отчем краю?
Но, хоть хан да Коран не сулили ей счастья,
За отвагу аже уважали мою.

О еде ли зайдет разговор, о коне ли,
Дед – к жене, словно разум особый ей дан.
Усмехался, робея в душе перед нею:
– Знать, рожается матерью и великан!

Наши женщины!
Бед претерпевших немало,
Я за силу и ум почитать вас готов.
Если вы покоряли степных феодалов,
Как же нам не склонить перед вами голов?!

Пусть жилось вам тогда, наши матери, плохо
На просторах родных, но жестоких степей.
Вы сумели, однако же, к светлой эпохе
Смело вывести темных своих сыновей.

Не могу на казашку никак надивиться:
Знать, недаром такие в степи рождены!
Этой женщине гордой, как будто царице,
Я стихи протяну с покоренной Луны.

Хватит, ветер, над Кароем
Пыль гонять за годом год.
Здесь «аттан»¹ звучал порою.
Это край, где за героем
Шел в сражение народ.
Здесь хватали пики в руки
И, не тратясь на слова,
Так натягивали луки,
Что звенела тетива!
Здесь не только тучи пыли,
Был любой здесь на виду,
В бой и мертвые ходили...
Здесь однажды разгромили
Злую ханскую орду.

Мы молчим, опоздавшие к песне потомки,
Мы ладони на камень могильный кладем.
Здесь гnevятся ветра
В свете дня и потемках
Над пологим, заросшим травкою бугром.
Спит Карой – уголок необъятной отчизны.
Опрокинуть бы холм по велению судьбы
И увидеть мне голову ту,
Что при жизни
Ни пред кем не склонялась, как знамя
борьбы.

Но в груди у народа могила поэта!
Но бессмертны стихи!
Но бессмертен герой!
Ведь не зря говорят: голова Махамбета
Не засыпана вовсе землею сырой.
Мы задумались.
Солнце глядит с поднебесья.
А в сердцах наших отзвук строки огневой.
Кто отрубит незримую голову песни?..
Зеленея, лежит перед нами Карой.

---

¹Аттан – то же, что «по коням!»

Я СОЛДАТ

Трудом и пулей,
Пламенем и вьюгой
Испытывало время жизнь мою.
Солдат не умирает от недуга,
Он бездыханным падает в бою.

Ко мне болезни кралась, не лукавя,
Но отступали все-таки назад.
Ведь и поэт,
В бесславье или славе,
Не умирает – гибнет, как солдат!

ЕСЛИ ТЫ ОГОНЬ

Не мусору и хламу на потребу
Тлеть стоит в жизни, исторгая дым...
Нет, если ты огонь,
То прямо к небу,
Взлетай свободно пламенем большим!

Твое тепло другим необходимо,
Хотя и краток вдохновенья срок.
А дым и тленье?..
Толку нет от дыма,
И годы тленья никому не впрок!

САРЖАЙЛАУ¹

Как вал каспийский, с шумом налетая,
Он в грудь вдыхал предчувствие грозы.
Пленял «Сары-Аркой»
Гремел «Адаем»²
Бог кюев³ золотых – Курмангазы.

---

¹Саржайлау – желтая земля (луг).

²Адай – воинственный казахский род.

³Кюи – мелодия, напев, исполняемый на домбре.

Он равных не знал на белом свете,
Слагая звуки в радость и печаль.
И все же «Саржайлау» Таттимбета
Открыл передо мной иную даль.

Звеня, взлетая в небо голубое,
От тайн и от людей не удален,
Шагал он с непреклонной головою
Холмами и долинами времен.

Чу! Бога бедняки
Клянут в испуге,
Худых овец нельзя поднять с земли.
И желтый-желтый, словно от недуга,
Джайляу распростерся невдали.

Густые тучи наплзают с юга,
Смерч замечает старые следы.
Сырой кизяк
Дымит в дырявых юртах,
Ветра грозят соилами беды.

Вздыхают бедняки не без причины:
Мол, холода...
А скоро и буран...
Лишь юрты баев медленно и чинно
На зимний откочевывают стан.

Напев то стихнет, то взлетит могуче,
То грустью тайной за сердце возьмет.
Он над душою разгоняет тучи,
С цветов надежды собирает мед.

Напев –он топот,
Он и смех и лепет,
Шальная скачка, шорох родника,
И сладкий шепоток, и страстный трепет
Девичьего худого локотка.

Чу! Степь, как мать,
Светла и величава,
А летний сон – как грезы наяву.
Расседланные кони дремлют в травах,
И овцы щиплют сочную траву.

Укрыты тьмою дальние отроги.
Невольно принимая робкий вид,
Под месяцем ущербным
На дорогу
Красавица печальная глядит.

Как малая напуганная птица,
Она устала, всматриваясь вдаль.
Красавица томится,
Ей не спится –
Кто разгадает женскую печаль?

Любовь порою человека губит,
С каким ее стараньем ни таи,
И полусонно шевелятся губы
И что-то имя шепчут в забвении.

И на дыбы
Мечта взмывает свечкой,
С недолгой жизнью обрывая нить...
Нет, в крохотное девичье сердечко
Любви к двоим никак не уместить.

И озарен необъяснимым светом
С напевом я сливаюсь не тайком,
Как будто и с красавицею этой,
И с тайнами ее давно знаком.

Никто из нас не ведает причины
Созданья вещи.
Та пора – вдали...

Но свежие и яркие картины
В моем воображении прошли.

Оркестр умолк,
Как тот источник света,
Который разогнал столетий тьму.
О, дивное искусство Таттимбета,
Принесшее бессмертие ему!

ЗЕМЛЯ И ЖЕНЩИНА

Ей посвящают строки и напевы,
И благодарна женщине навек
Сама Земля,
Поскольку грешной Евой
Рожден на свет садовник-человек.

Моя земля не зря похожей стала
На женщину в кругу своих забот.
И, как детей, к далеким перевалам
Она людей заботливо ведет.

Она
С жарой и стужей по соседству
Им дарит сад тенистый и очаг.
Она их нежно
Прижимает к сердцу
И поднимает к солнцу на плечах.

И человек, признателен за это,
Веками от рассвета до темна
Трудился на земле полуодетым,
Чтобы оделась зеленью она.

Пусть такие есть еще, поверьте,
Лишенные любви и теплоты,
Которым

Лишь обламывать бы ветви,
Да яростно вытаптывать цветы.

Для них земля тесна и бесполезна.
Но, труженикам души веселя,
Гнилые семена раздора
В бездну
Сметет непокоренная земля.

В ней гений вечной жизни.
И, поверьте,
По-женски щедры хлебные поля.
И люди не случайно перед смертью
Слова к ней обращают – мать-земля.

Поэмы посвящают ей и песни,
И все, что сделать для нее могли.
О, женщина!
О, мирный труд чудесных
Бесчисленных садовников земли!

ЖЕНЕШЕ¹

Здравствуй, юности надежда!
Ты грустна – и потому
Дай-ка я тебя, как прежде,
По-сыновьи обниму.

Женеше, в былые сроки
Я с тобою рядом рос.
Ты одна из двух
Далеких,
Двух любимых мною лоз.

Рано стариться нам, право,
В этой жизненной пурге.

---

¹Женеше – старшая невестка.

Улыбнись же вновь лукаво,
Наша славная женге.

Обмануть судьбу нет мочи:
Вон и проседей в волосах.
Меньше солнца,
Больше ночи
Вижу я в твоих глазах.

Шутки вытеснила старость.
А от прежней красоты
На лице твоём остались
Только тусклые черты.

Но упряма память взгляда...
Мы к тебе сто раз на дню
Добираться были рады,
Хоть шагая по огню.

Мы с тобой косили сено,
Стерегли в ночи овец.
Знали:
Словом сокровенным
Успокоишь под конец.

Улыбался нашим песням
Даже тот, кто был суров.
Ты казалась всех чудесней
В суматохе вечеров.

Ты была ключом от чуда,
Ты смыкала две руки.
И вокруг тебя
Повсюду
Мы вились, как мотыльки.

Что ж ты смотришь
Так уныло

И не скажешь ничего?..
Знать, характер твой сломало
Сиротливое вдовство.

Та же степь,
Да сны не те же...
Перед мертвыми в долгу
Чем же я тебя утешить,
Женеше моя, смогу?

Ну, заплачь – придут силы,
Зарыдай
Под стать пурге.
Или ты меня забыла,
Незабвенная женге?..

Расскажи про все обиды.
Ах, в тебе на этот раз
Я, как в зеркале, увидел
Самого себя сейчас.

Все я понял:
Взгляд глубокий
Мне ответил на вопрос.
Ты одна из двух
Далеких,
Двух любимых мною лоз.

ПОЭТ

Мы-то знаем,
Как в мире сложившемся этом
О поэте немало легенд наплели.
А еще говорят, что любовью поэта
Осчастливлены тысячи женщин земли.

Говорят про него,
Как про блудного сына.

То он гений, то в мире глупей его нет.
А еще утверждают повсюду, что вина
На земле, в основном, выпивает поэт.

Что здесь правдой считать?
Что надуманной ложью?
В волке издавна видят лишь волчье одно.
О поэте услышишь любое – и все же
Без поэзии людям прожить не дано.

Перед словом недаром
Склонялись тюльпаны,
Слову вторило солнце, светила луна.
Опасаясь за славу, спесивые ханы
Льстили нищим певцам угощеньем сполна.

Как наделать из вольных стихов амулетов?
Все боялись холодных объятий земли:
И одни приходили с печалью к поэту,
А другие с неожиданною радостью шли.

Тот грустил, и смеялся по высшему праву,
И гордился своей небывалой судьбой.
Он вперед уходил, словно пламя по травам,
Согревая сердца и маня за собой.

Он творил красоту, как природа-владыка.
Он к прекрасному строки вытягивал в нить.
Хоть при жизни его не считали великим,
А со смертью – и вовсе старались забыть.

Он тонул.
Чтоб настроить невнятные струны,
Яд глотал,
Чтоб почувствовать горечь в крови.
В мир чудесный привел он
Лейлу и Меджнуна,
Испытав бесконечные муки любви.

Счастье, скорбь, над строкою бессонные ночи,
На пустое растраченный юный запал.
И певец, закрывая усталые очи,
Размалеванных девок в объятьях сжимал.

Мог войну укротить,
Мир заставить воскреснуть.
Мог, как пика, оставить алеющий след.
Где ты, Пушкин, –
Невольник поруганной чести?
Где ты, яростный Байрон степи – Махамбет?

Ныне в отчем краю наступили рассветы,
Наступило заветной мечты торжество.
Лишь грядущее, может быть, младше поэта,
Лишь Земля эта все-таки старше его.

Ничего, что титан,
Как юнец увлеченный,
Приласкаться к народу готов своему:
Если сын иногда ошибается в чем-то.
Сам отец его трепкою учит уму.

Но певец потому и не просит пощады,
Что к паденьям и взлетам привык на веку.
Лишь вкусив предостаточно меда и яда,
Можно в муках создать для народа строку.

Ну, так пусть же сменяется
Грустью веселье,
Дни удач наступают за днями обид.
Кто певцом заклеямен –
Будет высмеян всеми,
И дорогу поэту лишь смерть преградит.

ТЫ СНИЛАСЬ МНЕ

Мы свиделись во сне, не воочью:
Одетая то ль в мрамор,
То ль в туман,
У изголовья сына поздней ночью
Стояла ты, родная анажан¹,

Как хлопок в летний зной, ссутуля спину,
Молчала...

А в глазах – холодный мрак.
И в самую суровую годину
Ты все-таки не выглядела так.

И я решил великую загадку,
Открыл потусторонности секрет:
Уж коль такому ангелу не сладко
В раю,
То, значит, рая вовсе нет.

Я видел на лице печальном, белом
Следы мучений горьких и тревог.
А в жизни ты ни разу не посмела
Сказать:
– Как я умаялась, сынок!..

О многом говорили мы в молчанье,
Хотя твой мир и прятался во мгле.
И тихий взгляд
Был сыну завещаньем
Простой и честной жизни на земле.

Я дум заветных от тебя не скрою
В тоске о всепрощающей любви.
Ты хоть во сне
Коснись меня рукою.
Опять своим ягненком назови.

---

¹Анажан – мать (ласкательное).

Ягненок!..

Не забыто это слово...

Подругу мне корить не довелось,
Но те, чьи мамы живы и здоровы,
Во всем как дети до седых волос.

Сердца не различает расстоянье,
Всегда твоим я светом осиян.

Так что же ты молчишь,
Как изваянье,
И уст не размыкаешь, анажан?

Не уходи!..

Под вечер и спросонок,
Забыв о сложной и большой судьбе,
Твой одинокий маленький ягненок,
Как встарь, родная, тянется к тебе!..

Когда очнулся, озираясь сонно,
Измучен, обессилен и устал,
В окно сияло утреннее солнце,
А я корпе безмолвно обнимал.

Была подушка в наволочке строгой
Мокра от слез, как от росы степной.
И мать уже моих детей
В тревоге
С платком в руке склонялась надо мной.

СТЕПНАЯ НОЧЬ

Вот и вновь ты, ночь моя степная,
Покоряешь дивным волшебством.
Я уюта большего не знаю,
Чем забыться под твоим крылом.

Я во всем могу тебе открыться.
Помнишь, в те далекие часы,

Как на травах, на ее ресницах
Серебрились капельки росы.

Ночь степная!
С самого рожденья
Мне с тобой привольно и легко.
И вдыхаю воздух с наслаждением,
Словно пью кобылье молоко.

Отдаюсь твоей тревожной ласке,
Как юнец, что от нее отвык.
Наблюдаю, как в знакомой пляске
Шелестит одеждами тростник.

И дурманит аромат полыни,
Заставляя все забыть на миг.
До чего ж богат он и поныне,
Край степенных прадедов моих!

Круглые глаза холмов...
Сумей-ка
Описать их этим вот пером.
Свод небес – как будто тибетейка,
Вышитая звездным серебром.

Ну, а как Земля предстанет взору,
Если глянет на нее Луна?
Знаю, не серебряным узором –
Золотым расписана она.

Ах, не зря ты, ночь моя степная,
Покоряешь дивным волшебством.
Расстелись от края и до края
И укрой меня своим крылом.

Обними, как в юности, за плечи...
Сталь грохочет, травы шевеля,

И, похоже, в ожиданье встречи
Чуть дрожит родимая земля.

Мирный рокот трактора – не пушки.
Но, вступая в общий разговор,
Хрипнут, задыхаются лягушки
В хлябях многочисленных озер.

Теплый ветер
Над простором рыщет,
Выбирая песни наугад.
И, поражены обильем пищи,
Утки вороватые кричат.

Трактора, лягушки, утки, ветер
Будут дружным хором,
Как всегда,
Петь, пока зарею на рассвете
Не займетса ночи борода.

Каждый куст спешит росой умыться.
Тысячи огней в степи горят,
Словно бы из самых светлых мыслей
Соткан этот красочный наряд.

Ночь моя!
Глухой не окажись ты
На потребу редким светлякам.
Я желаю озаренной жизни
Всем моим друзьям и землякам.

Как стихи,
необозримым роем
Годы надвигаются опять.
Перед тем, как я глаза закрою,
Мне бы снова звезды повидать.

Ночь степная!
Той порой меня ты

Под крыло прими и успокой.
Не меня ли девушка когда-то
Укрывала так своей косой?!

СНЫ

Нет, я не мучаюсь в кошмарах,
Не брежу в думах об одном.
Ну что мне смерть?
Ее недаром
Все называют вечным сном.

Я часто с ног валюсь устало,
Чтоб утром бодрым встать опять.
Что смерть?
О снах своих немало
Я мог бы смерти рассказать.

Напевы слушаю степные,
Седыми тайнами богат.
А иногда верховным бием
Сужу – кто прав и виноват.

Бросаюсь в волны,
Ссорюсь с милой,
Бреду с повязкой на глазах,
Стою над собственной могилой –
И просыпаюсь весь в слезах.

К покою тропку проторить бы!
Но я – какой уж тут покой:
Во сне выискиваю рифмы,
Тружусь упорно над строкой.

Беспечно вроде засыпаю.
И вдруг, всему наперекор,
Уже, глядишь, с самим Абаем
Вступаю в бесконечный спор.

Грущу,
Мечтаю напряженно.
Но хуже – покарай их бог! –
Когда во сне чужие жены
Ко мне ступают на порог...

Беда с душою человека:
Ведь я совсем другим живу
И ни о чем чужом вовеки
Не помышляю наяву.

Со смертью
Справиться не в силе,
Я опасуюсь неспроста
Лишь скуки в собственной могиле...
Но будь нетленною, мечта!

ВЕТЕР

Он то легонько трогает цветы,
То яростно кружит не без причины.
Знакомы с ним дороги и хребты –
Родного края древние морщины.

Его весна зеленым назовет,
Когда одеты травами поляны.
А осень золотую в свой черед
Гнетут порывы «желтого шайтана».

Недаром все моря до одного
Не верят ветру – он приносит бурю.
Гадают тучи: что за волшебство
В себе таит он, вечно балагурия?

А тот играет вихрями в ответ,
Чтоб жизнь и смерть

Повергнуть в изумленье:
В каком краю родился он на свет?
Где встретит он последнее мгновенье?

Когда мне ветер преграждает путь,
Я, улыбаясь, выгляжу счастливо,
С особым чувством подставляя грудь
Его прохладным утренним порывам.

Он зеленью и свежестью пропах,
И, различая ветра очертанья,
Я смутно ощущаю на губах
Неведомой красавицы дыханье.

Печали или радуя меня,
Великие поведывая тайны,
Он в сумраке ночном
И в свете дня
Дарит мне вдохновенье не случайно

Так пусть порыв
Спешит меня обнять,
Лица и рук приветливо касаясь.
Ведь все ветра – красавицам под стать,
А кто не умирал из-за красавиц?!

Мне по душе стремительная прыть
И страсть в преодолении пространства...
Готов я ветру многое простить...
Но как ему простить непостоянство?..

ПИК АБАЯ

Поэзии вершина – пик Абая!
И кажется, хребта веретено
Туда, где лишь равнина голубая,
Могучим вдохновеньем взметено.

Внизу уступы, пропасти и склоны.
На скалах белоплечие орлы.
Алма-Атою, как арчей зеленой,
Любуется гигант из полумглы.

Абай стоит там тоже
И в потемках,
И в золотистых солнечных лучах.
Он уступил бы пьедестал потомкам,
Поднявшим к небу песенный размах.

Но погоди!
Не так была богата
Великими Абаями страна.
А воспарят – народ рассудит свято,
Каким вершинам дать их имена.

НАРЫН

Таиру Жарокову

Друзей я и в разлуке не покину,
Хоть чем утешит их моя строка?..
О край поэта!
О пески Нарына!
Я свой привет вам шлю издалека.

Смерть беспощадна.
Смерть свирепо косит
И тех,
Кто жизни преданней стократ.
Ну, что бы я ответил на расспросы:
– А где, скажи, Таир, –
Твой старший брат?

Склоняясь над цветами с интересом,
Он словно бы судьбу держал в руках.
Ах, как Таир бы радовался лесу,
Поднявшемуся в сумрачных песках!

Да, смерть...
Но на каких широтах мира
Могилу песен и стихов найти?
И как молчать умершему Таиру,
Когда Нарын находится в пути?!

Искусству смерть не преградит дорогу!
Она Таиру не заступит путь.
Поэт устал.
Он отдохнет немного:
В труде не удастся отдохнуть.

Кто говорит, что стих его не вечен?
Подхваченные песни – не балласт!
Его заботы лягут нам на плечи,
И нам свои он крылья передаст.

Но все-таки зачем он вас покинул,
Луна и солнце, степь и облака?
О край поэта! О пески Нарына!
Я свой привет вам шлю издалека.

ВИНО

Кровь вызревших плодов!
Презрев усилья,
Она и так вином предстанет в срок.
Чтоб старило одних ее обилье,
И молодил других ее глоток.

Царям всегда вина казалось мало,
Поэты с ним расстаться не могли.
И на его характер повлияло
Общение с владыками земли.

Вино приносит людям наслажденье,
Бочонок породнит тебя с быком...
Кровь вызревших плодов и вдохновенье
Я с близнецами этими знаком!

В КРАЮ РОДИМОМ

(Отрывки)

Песни озера Акколь

Зейнолле Оксикбаеву

Смутить его покой ветра не могут сразу,
Как бреющий полет над ним ни торопи!..
И озеро вдали
Блестит стеклянным глазом,
Неведомо когда потерянным в степи.

И жаждут берега сомкнуться, словно веки,
И помощь им с утра оказывает зной.
Что делать, если все живительные реки
Просторы этих мест обходят стороной?

Что делать, если здесь
Была не сладкой доля,
Никто морских глубин не видел никогда?
А впадину степи, что названа Акколем,
Питала по весне лишь талая вода.

Я к озеру пришел не в пору половодья,
А в дни, когда лицо сушила мне жара.
Казалось, утверждал сам вид его:
«А вот я
Осталось и теперь таким же, как вчера!»

Но все-таки и здесь, под знойным поднебесьем,
Моих открытых строк коснулась красота.
Народ трудился, жил.
И самой лучшей песней
Со мною земляки прощались неспроста.

Казах готов отдать добро свое и душу
За звуки, что ведут сквозь темень и туман.

Так слушай же, поэт!
Акколь прозрачный, слушай,
О чем поют Айсулу, Слуай и Айымжан¹

Певунии, чья краса покажется неброской,
Мелодию ведут как будто в забыты.
И чудится, что им,
Луны далекой тезкам,
Секрет своих удач открыли соловьи.

Бездонный свод небес прошла песня эта,
В немыслимую даль развела пути.
И, грянув с вышины,
Как белый ливень лета,
Заставила на миг долину зацвести.

Заставила забыть о расставанье грустном,
Напомнила о том, чем жизнь нам дорога.
В краю, где есть простор отваге и искусству,
Любое озерцо раздвинет берега.

До встречи, мой Акколь!
Повсюду без помехи
Мухтаров и Куляш я новых замечал.
Пускай в тиши ночей, как песенное эхо,
Преследуют меня Нарын и Жалпактал.

Пускай вдали от них мне будет одиноко...
Но ты, Акколь, тогда тоску мою рассей,
Чтоб строки о тебе – отточенные строки
Сверкнули,
Как сейчас глаза моих друзей.

---

¹Девичьи имена, в которые входит слово «ай» – луна.

ТОРАТБАСЫ¹

Издали виден Торатбасы.
Что же никчемных рожать на беду?
Враг под аулом? В ночные часы
Я от любимого не отойду!..

Из народной песни.

Камень схож с головою коня.
И недаром
Темно-рыжие пятна на нем залегли.
На граните сидит молчаливая пара,
Отпустив скакунов погулять невдали.

Может, юные ветру подставили лица?
Может, свадьбе назначили срок?
А пока
Перед искренним чувством хотят
преклониться
О котором легенда дошла сквозь века.

Говорится в ней:
Мчались столетия мимо,
И раздоры кровавили холку в пути.
Быть всегда и везде неразлучно с любимой –
Словно по волоску через пропасть идти.

Эх, красавиц немало в аулах, однако,
Лишь с орлом настоящим они не горды.
Их большие глаза,
Как глаза аргамаков,
Даже в робкой душе оставляют следы.

Их улыбки навеки лишают покоя...
И, хоть злоба людская любви не щадит,
То скорбя, то надеясь,

---

¹Торатбасы – голова гнедого коня, название местности.

С одною такою
Повстречался один небогатый джигит.

Над порывами сердца рассудок не властен.
Но, чтоб тьма
Укрывала влюбленных от бед,
Удивленный доселе невиданной страстью
Не спешил со своим наступленьем рассвет.

А от них невдали, быстроног и отважен,
Тишины не тревожа железом удил,
Конь гнедой,
Словно друг неподкупный на страже,
По высокой траве осторожно ходил.

Он влюбленных хранил
От людского коварства...
Вдруг раздался почти человеческий крик,
И в куски разлетелось волшебное царство,
И от страха в ночи содрогнулся тальник.

«Лишь бы снова в траве зашуршали копыта,
И ни в чем этот сумрак я не обвиню!..»
Еле видимой тенью фигура джигита
Из девичьих объятий метнулась к коню.

Тот лежал, как бурдюк...
Струйкой алой и тонкой
Из него уходила горячая кровь.
Голова скакуна находилась в сторонке,
Словно был это кун¹ за ночную любовь.

Голова скакуна обратилась к джигиту:
«Не печалься на радость коварству и злу!
Будь в любви – как скала!
Твердым будь и открытым!»
И сама вслед за тем превратилась в скалу.

---

¹Кун – выкуп.

У нагорий ветра вспоминают о чем-то
И в дневную жару, и в ночные часы,
«Лучше жизни не знать,
Чем родиться никчемным!..»
Есть пословица в местности Торатбасы.

Ныне юный порыв откровенней,
Чем прежде...
Но, все так же заветные чувства храня,
Камень верности,
Камень любви и надежды
Смотрит вдаль головою гнедого коня.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В УРДЕ

Нарын лежит,
Как пастбище страданий,
Вскормившее несметные стада.
Землей легенд, дастанов и сказаний
В его краю покоится Урда.

...Боявшийся степей
Сухих и голых,
Звериной злобой поразивший мир,
Под крылышком российского престола
Ждал случая свирепый хан Джангир.

Ждал случая,
Лисой вдали плутая,
Народных смут вынюхивая след...
И засвистели стрелы Исатая,
И песни взвил бесстрашный Махамбет.

Здесь любят
Поэтическое слово,
Не забывают предков никогда.
Старел и омолаживался снова
Степной аул по имени Урда.

Дворца остатки...
Прошлого завалы...
Когда-то здесь, не зная горьких дум,
От слез чужих
Все краше расцветала
В парче и шелке Фатима-ханум.

По вечерам
Сюда съезжались гости,
Привыкшие с рожденья к грабежу.
Не хан,
А представитель «черной кости», –
Я по дворцу задумчиво брожу.

Отделку стен рассматриваю строго...
В иное время разве бы я мог
Приблизиться к дворцовому порогу
Или ступить, как нынче, за порог!..

На родине батыра и поэта
Истлели ханы, рухнули дворцы.
Лишь скачут гордо
Песни Махамбета,
Как вестники побед, – во все концы.

Поры весенней наступили сроки,
И обновилась древняя Урда.
Отсюда неспроста
Таир Жароков
Смотрел на мир сквозь дали и года.

Отсюда ветры не доносят вздохов,
Отсюда свет свободы виден всем.
Так пой и расцветай
Во все эпохи,
Урда, – земля героев и поэм!

БАЗАРТЮБЕ

Отплатой –
Зримой и немалой –
За вековечные труды
Отражены в воде Урала
Аулов тучные сады.

Любая даль
Мечте открыта,
Мечтой приближена стократ.
И в юном возрасте джигитов
Леса зеленые шумят.

Да, здесь была суровой доля:
Пот запекался на губах,
Горели на руках мозоли
И тупо ныли на ногах.

Здесь длился труд
До ночи поздней...
А ныне тихо на реке.
И лишь огней густые гроздьа
Все ярче зреют вдалеке.

И я слова чеканю с чувством:
Не пропускаю и строки,
Сердцами тянутся к искусству
Мои друзья и земляки.

Я взглядом обнимаю землю,
И мне подсказывает мир,
Что неспроста
Поэту внемлют
Бисен, Василий и Шимыр.

Часы мелькнули
Кратким мигом...

Я помню шепот ветерков,
Свои автографы на книгах
И пожеланья стариков.

И щедрого Урала воды,
И скупость высохшей земли.
Капризной женщиной природа
Лежала рядом и вдали.

И степь в лицо
Дышала жаром,
Чтоб был разительней контраст.
Лишь тем, кто не потеет даром,
Скупец сокровища отдаст.

Здесь новых рек
Возникнут русла,
Деревья встанут на песке.
Забудь о старости и грусти,
Мой добрый дядюшка Токе!

Я верю: будущее чудо
Еще откроется тебе,
Как некогда открылся люду
Разбуженный Базартюбе.

Его делам и судьбам новым
(Хоть есть и краше уголки!)
Я подотчетен
Каждым словом
Своей взволнованной строки.

ИСПОВЕДЬ

Жанбулату Мавлетову

Хоть нет, мой друг,
К минувшему возврата,
С годами я тому открытию рад,
Что ты не зря зовешься Джанбулатом:
Душою мягок, духом – как булат!

Да, это имя не случайно вместе
Придумали твои отец и мать.
Тебя я знаю,
Если в годы бедствий
Другого можно, как себя, узнать.

Ты капитаном в памятную пору
Брел по болотам с дерзостью в глазах.
Был, как сама мишень, уже майором
Невозмутим под пулями в лесах.

И там твоя душа
Невзгод суровых
Была сильнее по качествам своим,
Где уцелеть и повстречаться снова
Случается из тысячи – двоим.

Не девушка – удача нас с тобою
Свела однажды на исходе дня.
Ты был осыпан гарью после боя,
Как ватный пласт, спасенный из огня.

Иной хвалу
Воспринимает с пылом.
Но ты приучен к горечи в судьбе:
Тебя солило время и коптило,
Чтоб никогда не портиться тебе!

Свои у молодежи интересы.
А вот ко мне
В полуночную тишь,
Отодвигая прошлого завесу,
Приходит Таскараев Куаныш.

Горячий, юный, стройный, смуглолицый,
Он чем-то был на девушку похож,
Хотя, как шашка, рассыпал зарницы,
Которые врага вгоняют в дрожь.

Его мечту еще тогда мы знали,
Когда была победа вдалеке:
Прийти с войны, наплаваться в Урале
Да вволю поваляться на песке.

Но в хлябях
Не затем ли мы тонули,
Чтобы забыл тревоги мирный кров,
Чтоб над землею не носились пули,
Как стаи беспощадных комаров?

Пусть люди плачут
Только лишь от счастья,
Пусть не от взрывов прячутся в лесах.
Пусть блеск,
Когда мы станем возвращаться,
Вновь оживет в родительских глазах.

Жизнь станет песней, огласившей дали,
Любовью, раем, оттеснившим мглу.
Мы пламя ради этого вдыхали –
И выдыхали серую золу.

Любовь? О ней мы думали украдкой.
Рай? Но каким он будет для земли?
Да, наши строки первые в тетрадках
До слуха многих так и не дошли.

Но там мы все пытались сделать прежним,
Где нас, пылясь,
Домбра ждала с войны.
Дорогой к нашим чувствам и надеждам
Тогда казались две ее струны.

Знать, потому суровою порою
Остались мы.
Минувшему под стать,
Натурами высокого настроения,
Способными смеяться и страдать.

Встречал ли ты вторично Куаныша?
Навеки разминувшись с земляком,
Я от кого-то, между прочим, слышал
О том, что он командовал полком,

Что там, в бою, нашла его кончина
И не пришлет он весть издалека...
Доныне, слышал, ожидают сына
Два дряхлых и несчастных старика.

Им приходится за пенсией неловко.
Но разгоняет тягостность минут
Мечта о том,
Что сын в командировке,
А им его зарплату выдают.

Где радости беспечной ликование?..
Порою степь в полуночную тишь
Тревожит вздох, исполненный страданья,
И приглушенный оклик: – Куаныш!..¹

Друзей, чьи судьбы – темы для дастанов,
У нас с тобою отняли бои.
И сам булат не вечен – слишком рано
Снег заметает волосы твои.

---

¹Куаныш – радость.

На фронте смерть за все была расплатой,
И хоть ее мы помним с давних пор,
Трудней нам строить,
Чем взрывать когда-то,
Страшнее смерти – совести укор.

В ответе мы за то, что в наши сроки
Для неурядиц есть еще места.
И волосы от каждого упрека
Седеют год от года неспроста.

Зато мы не знакомы с льстивым тоном,
Вовеки не снисходим до слезы.
Ведь мы солдаты,
Мы под стать бетону,
Становимся лишь крепче от грозы.

Да, суд погибших строг.
Но ведь не даром
Есть счастье в испытаньях наших дней.
Хочу, чтобы в движенье, как тулпары,
Мы искры высекали из камней;

Чтоб, как Джамбул,
Достигли лет преклонных,
Волненья в душах грязью не глуша:
В отличие от рубашки из нейлона
Не просто отмывается душа!..

Пусть исповедь моя
Пространной вышла –
Она тебе, мой друг, посвящена.
За это даже чокнуться не лишне
И выпить, не поморщившись, – до дна!

КРАТКИЕ РАЗДУМЬЯ

***

Проявите о прутиках заботу –
Потянутся березы к высоте.
И пусть уже не сами мы,
А кто-то
С годами удивится красоте.

***

Поверь,
От взглядов хмурых и колючих
Над белым светом не сгустится тьма.
Поверь,
Того не испугаешь тучей,
Кто слышал настоящие грома.

***

Бывает, кукушка,
Все снова и снова
Себя окликает средь белого дня.
Бывает, в раскатах ослиного рева
Теряется гордое ржанье коня.

***

Лишь маленький аул я прежде знал веками.
Потом – свой край.
Потом, лишась земных оков,
Я устремился ввысь,
Чтоб вскоре земляками
Назвать народы всех шести материков.

* * *

Писатель!..
Но словом большого полета
Любили себя и писцы величать.
Когда ты поймешь окончательно –
Кто ты, –
Считать себя можешь Сократу под стать.

* * *

Не будь, о аксакал, –
Для нас бедою.
Хоть много повидал ты на веку,
Зря не кичись седой бородою –
Повыщиплют ее по волоску.

* * *

Давно считаясь признанным поэтом,
Я поздно
Мудрость творчества постиг..
Знать, в боль души, во все ее секреты
Не так-то просто посвятить других.

* * *

Я рифму к рифме подбираю строго,
Я постигаю сущность бытия.
Действительно, поэт бывает богом!
Но был ли бог,
Страдавший так, как я?

* * *

Я подлости
Не мог простить от веку,
Смириться с лицемерием не мог.
Ошибка – просто промах человека,
А преступленье – подлости итог.

* * *

Я с вами шел вперед,
Терпел лишенья,
Я с вами побеждал, мои мечты!
Вас потерять – лишиться вдохновенья,
Вас обрести – достигнуть высоты.

* * *

– Скачи, порыв!
Пусть резкий ветер свищет,
Лучей восхода длится торжество!
Без вас себя я чувствовал бы нищим,
Минуты вдохновенья моего!

О НЕМ И О ЕГО ГЛАЗАХ

О нем не знающие ничего невежды,
Людей ругают прозвищем «верблюды».
Мой дед с такими сталкивался реже,
Боялись –
Был он, сумрачен и крут.

Конечно, слышал он такую кличку,
Но сам невеждам этим не родня.
В крови была надежная привычка –
Верблюда ставить выше, чем коня.

Мой предок,
Я верблюда знаю хуже,
Но, без обиды, знаю о тебе –
Есть родственное с участью верблюжьей
В твоей далекой тягостной судьбе.

Ты, знаю,
Сорок дней жары и жажды
Мог побороть, спасаясь от беды.

Ты, как верблюд, бывало, не однажды,
Шел по земле без соли и воды.

Мой дед,
        худого слова я не брошу,
Сочувствием к тебе живет мой стих.
Ты сам пронес свою большую ношу,
Не перекладывая на других.

Брели, качаясь мерно, караваны
Кочевьями невидимой тропы.
Молотили тогда цари и ханы
И твои плечи,
И его горбы.

Верблюд плевал и шел своей походкой,
Мечтая о прохладе буйных трав,
Его не сбить ни привязью, ни плеткой,
Мы,
Дети ваши,
        знаем его нрав.

Сыны степей, живем мы в мире громком,
Но, тихо наклонясь лицом к лицу,
Ребенка называем верблюжонком,
«Нар» – говорим любимому отцу.

«Аруаной»¹ мы маму величаем
Не находя в душе нежнее слов.
От любвей других.
«Глазами верблюжонка» называем
Любимую, царевну наших слов.

Я, внук твой,
Человек иного века.
Тебе и в грезах не были даны
Мои пути.

---

¹Аруана – верблюдица. В казахском обиходе с верблюдом связывается все самое доброе, ласковое, человеческое.

Смотрел ты в небо редко,
Из Байконура не видал Луны.

Не то чтоб все на золоченом блюде
У нас. И наша ноша не легка.
Но ходят безработными верблюды.
На нас самих
взирая свысока.

Ах ты верблюд!..
Пою его и славлю,
Он сопечальник деда моего.
Вершины снежных гор
я озаглавлю
Горбами многотрудными его.

Верблюд мой!
Жаль, что род твой убывает.
Я пью шубат во здравие твое!
Прекрасней глаз на свете не бывает,
Напомнишь мне всегда
глаза ее.

А здесь, в Алма-Ате, толпа густая.
Гудит, проснувшись, улица-краса.
Я вдруг,
в глазах казашки утопая.

Припомню
Твои вечные глаза.

ВКУС СОЛИ

Скажу везде я
И скажу всегда:
Еда без соли –
Это не еда.
Да, соль завязывает узел жизни,
И нету ей замены
Навсегда.

В рассол ребенка окунешь –
расти,
Будь крепок костью
и широк в кости.
Верблюд пройдет пустыню,
если солью
Накормишь вволю.
А не то – прости.

То жар поймет,
То холод бросит в дрожь,
Все в этой жизни противоречиво,
И в новом старое бывает живо,
В соленом – сладость тонкую найдешь.

Все связано внутри –
Не разорвать,
Как ценность одного
с ценой другого.
Познав одно – другое будешь знать:
Как горечь,
Или сладость,
Или слово.

Любовь – вершина. На нее взойди,
Узнай ее и в радости и в горе,
А то любовь твоя ослепнет вскоре,
Не зная, что там дальше, впереди.

Ты выжмешь соки мозга своего,
Пот на спине проступит крупной солью,
И отдыхай, справляя торжество,
А тяжесть счастья сядет к изголовью.

Свет жизни оценил я на войне,
В бою друзья навеки стали любы.
Потом,

В послевоенной тишине,
Любовь узнал с любимой –
губы в губы.

Разлуку постигаешь нелегко,
Чуть выпустив из рук родные плечи.
Насколько был от счастья далеко,
Ты полностью поймешь
В минуту встречи.

Добытое трудом –
Украсит дом.
Все остальное потеряешь тут же.
После зимы метельной, жесткой стужи
Приходит лето светлое потом.

А соль!
Когда ранения горят,
Солили раны, раны заживлялись.
«А если не дает покоя зависть –
Соль приложи», –
в народе говорят.

Сокровища акынов –
соль земли.
И песни не рождаются без боли.
Сама земля богата
соком соли,
Чтоб жили люди и сады цвели.

ВДОХНОВЕНИЕ

Взревела буря на просторе,
Седой волной плеснуло море
В мир,
Разлученный с тишиной.
Не в силах развернуться круто,

Эпоха сплющилась в минуту
И властно овладела мной.

Степь освежило ливнем рьяным,
И губы алые тюльпанов
Раскрылись утренней порой.
Мечтою осеняя детство,
Мать выше подняла младенца,
К лицу прижала:
– Мой герой!..

Сердца слились в едином стуке,
Переплелись в порыве руки,
В права любви вступила страсть.
С барханами затеяв споры,
Дробя и сокрушая горы,
Взрывчатка проявляет власть.

В атаку!..
Залегла пехота,
Но к амбразуре пулемета
Матросов дерзостно припал.
Могучий молот бьет упорно
И в заготовленную форму
Теснит расплавленный металл.

Да, эти мощь, любовь, цветенье,
Самоотверженность, волнение –
Все вдохновеньем рождено.
И неспроста водой живою,
Бессмертьем, радостью, судьбою
Спешит лишь к сильному оно.

Я в будни всматриваюсь строже:
Да, вдохновенья час дороже,
Чем прозябанья тыща лет.

Час – и стихи задышат страстью,
Душа взыграет, рвясь на части,
Как будто вновь рожден на свет!

ЗАВЕЩАНИЕ

Болезнями измученный в ту пору,
На книжные тома я поднял взгляд.
– Теперь они моими станут скоро? –
Спросил меня сынишка Азамат.

И вдруг смутился, отошел в сторонку...
Не находил я для ответа сил:
Со мной, казалось, голосом ребенка
Потусторонний некто говорил.

Знать, что-то же толкнуло Азамата
Задать такой двусмысленный вопрос?
Не зря сейчас он смотрит виновато,
Не зря краснеет до корней волос.

А может, стал я
Мнительным не в меру.
И от моих страданий и тревог
Расходится по швам былая вера,
Как старый и изношенный сапог?

На плечи мне легли ручонки сына...
И все же,
Что оставлю я ему,
Когда однажды этот мир покину,
Навек уйдя в безрадостную тьму?

Конечно, я перед печальным мигом
От близких ничего не утаю.
Вот сбереженья скромные,

Вот книги.
Заполнившие комнату мою.

Но плюнь, мой сын,
На эти сбереженья,
В себе мещанской страсти не тая.
Взгляни – алеет у тебя на шее
Мое наследство, словно кровь моя.

Трепещет твой флажок –
Твой галстук красный,
Храня моих усилий торжество.
Ты знаешь, октябренок, не напрасно
Сражался я когда-то за него.

Я капелька поэзии.
Но вскоре
Ты вникнешь в сокровенные слова,
И тайну поэтического моря
Тебе откроют книги – острова.
А чтобы жил ты честно и богато,
Простую биографию свою,
Судьбу и коммуниста и солдата,
Тебе я в вечный дар передаю.

Сражайся за свободу, если нужно.
Передаю тебе в заветный миг
Наследство предков и мое оружие –
Казахский нескудеющий язык.

Да, ты получишь не листок в конверте,
Не в сундуках хранимое тряпье.
Ступай...
Я буду думать не о смерти,
А о стихах, не верящих в нее.

Копыт

Сквозь время мчащего тулпара, –
Когда я внемлю топоту коней,
стремительному гулу.

Лесные чащи,
Полнясь тайным мраком,
Полощутся, как гривы аргамаков,
Под ветром, налетающим сильней.
И облака, скользя по небосклону,
Напоминают потную попону,
Когда я внемлю топоту коней,
грохочущему гулу.

Сквозь тысячи лишений
Век за веком
Прошли вы, кони, рядом с человеком,
Хоть схватка с жизнью, –
Что сравниться с ней?..
Хоть ваши спины ныли до рассвета...
И память мне подсказывает это,
Когда я внемлю топоту коней,
стремительному гулу.

Эх, весь народ мой
Полон был отваги,
Когда он к седлам приторочил флаги,
Под грозное «ура»
Октябрьских дней,
Под «суюнши», потрясшее равнину...
Как не припомнить мощную лавину,,
Когда я внемлю топоту коней,
ликующему гулу.

Над краем без границы и предела
И зим и лет немало пролетело.
С конем степи,
Что всех других верней,

И у степных, и у садовых
Свой вид, свой нрав, свой аромат.

Душа к ним тянется любая.
И, очевидно, неспроста
Порою, даже погибая,
Мирами правит красота!

***

О цветок!
Твои настали сроки
Изменять привычного удел.
Лучше бы уж ты
В степи далекой
Незаметной травкой зеленел.

Вот стоишь находкой и потерей,
Капли рос,
Как слезы, не тая,
И, в удачу веря и не веря,
На тебя поглядываю я.

Я скрываю горечь и досаду,
Мести за неслыханное жду.
Между нами
Власть чужой ограды,
Всем моим надеждам на беду.

И хозяин строгостью известен,
Им надежно спрятаны ключи...
Я тебя, не будь законов чести,
Все-таки похитил бы в ночи!

СКАЗАНИЕ О КОЛОДЦЕ

1

Колодец, окольцованный бетоном,
Чей желоб – как ручья прямая нить.
Одни отары
Вдаль уходят сонно,
Спешат другие жажду утолить.

Не ветер, а палящий зной объемлет
Степные дали.
Кажется, вот-вот
Отколется от солнца и на землю
Расплавленный кусочек упадет.

Слепя солончаковой белизною,
Пот на спине – подобием коры.
Но не скудеет русло водополя,
И скот не изнывает от жары.

А сам чабан – степняк темноволосый,
Загар, как бронза, на его щеках.
Чабан в губах сжимает папиросу,
Баюкает транзистор на руках.

Он беззаботно выглядит недаром,
Оглядывая солнечный простор.
Конечно,
Это он пригнал отару,
Но воду для нее пригнал мотор.

2

Когда отара тучная напьется
И за козлом
На пастбище уйдет,
К пустынному и тихому колодцу
Один старик приходит в свой черед.

На корточки присев,
Забыв про годы,
Не чувствуя, что плавится жара,
Сквозь пальцы он процеживает воду,
Как ниточки живого серебра.

Подкатит рукава
И у колодца
Неторопливый, сдержанный, седой
Умоется, задумчиво утрется,
Кряхтя, на грудь побрызгает водой.

А только лишь утихнет гул мотора.
Сапар,
Ища к минувшему следы,
Припоминает канувшую пору
И видит бури в тишине воды.

И паутинкой в узелках
Недаром
Встают года далекие, грозя.
Со дна колодца смотрят на Сапара
Округлые и темные глаза.

3

Сапар был юн.
Он сто колодцев вырыл
На сотне мест – вдали и невдали.
Хоть влаги было меньше в них, чем ила,
И та была горька, как пот земли.

Но бай Жабас, прикрикивая строго,
Велел опять швырять за комом ком.
Казался бай
Бессильным перед богом
И всемогущим – перед бедняком.

Доныне позабыть не удастся
Тот день,
Когда, прищурившись во тьму,
Сапар на дно сто первого колодца
Помог спуститься другу своему.

И друг остался в сырости унылой,
Хоть под обвалом
Не согнул спины.
И долга над песчаною могилой
Звучали причитания жены.

С тупой лопатой,
В одежонке старой
Друг оживает, прошлому в укор.
Его глаза, как чудится Сапару,
Блестят на дне колодца до сих пор.

4

Колодец, был ты силой и надеждой,
Цня и тот глоток,
Который мал...
О, сколько жизней сохранял ты прежде,
И сколько их порою отнимал!

Вода была страданьем и бедою
Тому, кто молод,
И тому, кто стар.
Пожар тушили русские водою,
Казах водою разжигал пожар.

Из-за глотка воды
Стремилась в дали,
Размахивали саблей у лица,
Роды между собою враждовали,
И дети поднимались на отца.

И падал беркут,
Опаливший крылья,
И нестерпим был солнечный накал,
И слезы проливались в изобилье,
И скот по-человечески страдал.

Да, дно колодца –
Как простор сожженный,
Где отшумела давняя гроза.
А сам колодец – око верблюжонка,
Задумчивой красавицы глаза.

5

Жизнь у колодцев закипала с толком,
Кочевников влекла к себе вода.
Казах вздыхал, отчаявшись:
– Иголкой
Копать колодец легче иногда!

Колодцы именами знамениты,
Названиями мест, краев, племен.
Здесь девушкам
В любви клялись джигиты,
Поэты брали песнями в полон.

Тот Горьким,
Тот Крутым у нас зовется,
Того Песчаным помнят времена.
По всей степи
Колодцы да колодцы
Друг друга повторяют имена.

Как памятники зною и морозам,
Как сотни исторических страниц,
Они ведут рассказ, роняя слезы
Из темных и ввалившихся глазниц.

История воды не оборвется.
Но, чтоб ее продолжить на века,
Да не отнимет имя у колодца
Ни слог певца,
Ни дерзость смельчака!..

6

Трясло Сапара время,
Гнуло, мяло
Лишало прежней удали и сил.
Он полных ведер вытянул немало
И тысячи колодцев пережил.

Теперь встречает сына что ни вечер:
Бредут отары, словно в забытьи,
Гудит мотор,
Чтобы спина и плечи
Не чувствовали тяжести бадьи.

И целых сорок лет искавший воду
Сапар дождался счастья
В свой черед:
Ведь то, что он вытягивал за годы,
Движок за час из глуби подает.

Сапару это дорого и мило,
Как дорог он грядущему движку:
Раз есть такой мотор,
Его могилу
Не замести сыпучему песку.

Всегда лежит
На дне колодца море,
Хоть пламя это место обступит.
Причина многолетних тяжб и горя
Теперь – источник радости в степи.

ЧАБАН

«И суть казахских душ,
И ширь степей великих,
И щедрость, что влечет в родимые края,
Сумела отстоять в веках не только пика,
Но с ней и посох мой, профессия моя!»

Я внемлю, о чабан, словам твоим гортанным.
– Да, это так! –

Готов сказать тебе любой.
Прошли перед тобой набегов караваны,
И злоба и любовь прошли перед тобой.

Ни тяжбы без овцы, ни торга, ни закона,
Ни мира,
Хоть и враг не схлынет без овцы.
Ты видел, о чабан, как время рушит троны,
Как падают к ногам монаршие венцы.

Ты джут и благодать переносил недаром:
Смело десятки ханств
Усилиями борьбы,
Но остаешься ты, да посох, да отары –
И нет без вас судьбы и для самой судьбы.

И солнце, в вышине сияющее юно,
Часы свои с тобой сверяет день-деньской.
Приляжешь – ночь замрет.
Уснешь в тиши – и луны
С темнеющих небес уходят на покой.

Ты, словно саксаул,
Познал и зной и холод,
Чинарой на скале казался в час беды.
В степях и на горах
И в праздники и в голод
Оставлены тобой привычные следы.

Вершины вдалеке белесо хмурят брови,
Хотя ты проторил
К ним тропку не одну.
Я чистым сердцем рад вокруг кипящей нови,
Пою о городах и славлю целину.

А на тебя смотрю по-детски,
С удивленьем:
Как шири без тебя представить до сих пор?
Я знаю, что на жизнь, на годы обновленья
Тебя благословил степной мудрец-простор.

Сполна ты заслужил почет.
Не ради денег
Долины орошал и твой соленый пот.
Вчера еще чабан, а ныне – академик,
И хорошо, что так, а не наоборот.

Все шире наша мысль,
Все выше взлеты жизни,
И все ж душа твоя заботой стеснена,
Когда пасти овец доверяют механизмам,
То кто их наделит душою чабана?

Венеры и Луны
Мы рано или поздно
Достигнем навсегда безмолвие дробя.
Но до любых высот дотянется твой посох,
Как степи в наши дни – не степи без тебя!

ТРАДИЦИЯ И МОДА

Я рад тому,
Что модно мы одеты,
Под стать тонам красавицы весны.
Душой тянусь я к новому рассвету,
К моей Отчизне – краю новизны.

Люблю дома московского Арбата,
Просторные громадины – дома.
Они звучат, распахнуты крылато,
Как будто бы поэзии тома.

В Останкино,
Взметнувшись к высям хмурым,
Крутая башня правду шлет в эфир.
Предел высот – высоты Байконура
Влекут отвагой молодость и мир.

Как девушка
С приданым из столицы,
Помолодел и посветлел аул.
Степные моды – море, лес, зарницы,
Могучих ГЭС неповторимый гул.

Я слушаю мелодии эстрады
И вижу твист
Немало лет подряд.
Я мимо не пройду, не кинув взгляда
На выполненный мастерски наряд.

И, наслаждаясь новым не от скуки,
Все моды изучил не как-нибудь.
Мне раза три обуживали брюки –
Теперь им прежней шири не вернуть.

Да, красота и женская природа
Влекут мужчин впопад и невпопад.
Одежда Евы – вот истоки моды,
А мини-юбки – нынешний наряд.

Нет, я не против стройных и красивых.
Нет, я не на критическом посту!
Пусть мода подчеркнет
В мужчине силу,
А в женщине – полет и красоту.

Мы помним о традициях далеких.
И потому, служба не просто так,
Нам бурка и чекмень годятся к сроку,
Папаха, тубетейка и тымак.

У красоты капризные замашки.
Вон складки –
Как они разметены!
Ну, кто осудит девушку-казашку
За сборчатое платье старины?

Былой Восток не изменяли годы:
Мужчины в белом спорят горячо,
А женщины вышагивают гордо,
Конец сари закинув за плечо.

Одним тулуп, другим чалма знакома.
Традиция и мода сквозь года
Прошли рядком,
Как две страницы тома,
Который не закончить никогда.

Стремясь к вершинам вечного искусства,
Как к золоту в глубинах рудника,
Я за находки,
За открытья чувства –
Но ни к чему мне модная строка.

Знакомая и с радостью и с болью
Поэзия – заветных дум полет.
Поэзия – великое раздолье,
И мини-юбка ей не подойдет.

Конечно, можно стать мини-Абаем
А кто и мини-Пушкин – не беда.
Но лучше
В полный рост мы прошагаем
Лишь в собственной одежде – сквозь года.

Нас не смутят левацкие загибы,
В трясину погруженье с головой.
Иные мать оклеветать могли бы,
Когда бы мода стала таковой.

Иные подожгли бы землю нашу,
Чтоб личной славы справить торжество.
Недаром, как флажками, ими машут
Все недруги народа моего.

Они
Не безрассудству ли в угоду
Глядят на мир с неверьем и тоской?
Да, я за красоту и разум моды
С традициями совести людской.

СТЕПНОЙ РОДНИК

Есть родники в горах.
Они, как водопады,
Ревут, набравшись сил у скал и ледника.
И все же я люблю
Встречать спокойным взглядом
Прозрачные глаза степного родника.

Он, чудится,
Течет в размеренном молчанье,
Не зная грязевых потоков и камней:
Ведь голос родника –
Чуть слышное журчанье,
Вплетенное в покой сменяющихся дней.

Скрывая глубину в раздумчивом теченье,
Не славе и тщете
Родник приносит дань.
Он верен своему прямому назначенью –
Простору освежать горящую гортань.

С такими мать-земля
Нежна не без причины:
Шумливая река всегда неглубока.
К тому же,
Если нет поблизости мужчины, –
И карлик за него сойдет наверняка.

Спокоен, тих родник.
И у него природа
Насилие и муть не ставит на пути.
Степной родник – как песнь,
Рожденная народом,
Чтоб жажду утолить и силы обрести.

ГИМН ЛЕСУ

Гонялся я мальцом за перекасти-полем,
Мне тайны отчих мест понятны и близки.
А в город сын степи попал –
И поневоле
Метался, словно стриж, попавшийся в силки.

Мне вспоминались тишь, степей сухие звуки,
Зимовки, что к земле
Припали, как к плечу.
И дерево одно в родимом Сайкудуке –
Как шапка, что казах повесил на камчу.

Каким я был тогда – сложнее или проще, –
На гибкий детский лук выламывая прут?
Потом Уральск...
Потом знакомство с Ханской Рощей,
Открывшейся юнцу десятками причуд.

Загадочна, темна, повязана не туго
Косынкою небес, коснувшихся земли...
Смущаясь, я бродил вдали,

Пока подруги
Меня под сень ветвей, смеясь, не привели.

Пьянили, как вино,
И сумрак темно-синий,
И легкий ветерок, и шорох озорной.
Казалось, мир иной открылся мне...
Доныне
Картины той поры живут передо мной.

Доныне о садах я думаю все чаще,
Как думаю о тех, кто рядом и вдали.
Друзья мои
Сарман, Шолпан, лесные чащи
Меня и в дни войны от смерти берегли.

Да, видел я, как сад губили злые грозы,
Как древние дубы валились, тяжелы,
Да, слышал я не раз,
Как плакали березы,
Как сдерживали вздох сосновые стволы.

Я помню, не клонясь перед напором грубым,
Бесстрашный тополек
В чаду гремящих дней
Держался, как боец,
Что молча стиснул зубы,
Пока не поддались сплетения корней.

Ослабшие от ран держались сосны прямо
И верили, что вновь наступит их черед.
Наверно, и сейчас
В глубоких старых шрамах
Утрами спит роса и стынет дикий мед.

Деревья – я познал их дух и откровенья,
Степи моей к лицу тенистый их навес.
На прутик тальника

Смотрю я с восхищеньем,
Меня волнует ночь, как будто темный лес.

Гонялся я мальчонкой за перекасти-полем,
Мне тайны отчих мест понятны и близки.
Но жажду, чтоб простор
Дождался лучшей доли,
Чтоб к шелесту лесов привыкли степняки.

НЕРАЗЛУЧНОСТЬ

Пусть удачи и счастье пройдут стороною,
Пусть лишусь языка – никого не вина,
Буду счастлив я тем,
Что с землею родною
Перст судьбы моей не разлучает меня.

Пусть лютуют морозы.
Пусть вьюга ярится –
Мне вовеки не нужно чужого тепла.
Я полжизни в пути.
Но всегда на границе
Грусть-тоска меня за сердце крепко брала.

Плыть ли буду я морем,
По воздуху мчать ли –
Мой порог неразлучен с моею судьбой.
Вот на выезд
Прихлопнули паспорт печатью –
Словно с грохотом хлопнула дверь за тобой.

Словно край вдохновенья прощается с сыном...
И лишаешься сил, и теряешь покой,
И охота хоть горстку земли на чужбину
В этот миг захватить напоследок с собой.

Но вернешься – и дух обретает высоты,
Ярче зори, доступней сиянье луны.

Спрыгнешь с поезда,
Спустишься ли с самолета –
Ты опять полновластный хозяин страны.

Будешь плыть ли морями,
По воздуху мчать ли –
Твой порог неразлучен с твоею судьбой.
Вот на въезд твой
Прихлопнули паспорт печатью –
Дверь Отчизны распахнута перед тобой.

Ветерки затихают, и, радуясь встрече,
Край небес золотится
В предутренней мгле,
Ты легко расправляешь усталые плечи,
Понимая, что твердо стоишь на земле.

Внемлешь прежнему смеху,
Тому же волненью,
Восхищаешься жизнью, исполненной сил.
Лишь потом настигает тебя утомленье,
Словно сам ты на цыпочках долго ходил.

Ну, так пусть же удача пройдет стороною,
Пусть лишусь языка – никого не вина,
Счастлив буду я тем,
Что с землею родною
Ласка, верность сыновья связали меня.

ВЫСОКИЙ ОГОНЬ

Быть любимым, любить –
Что на свете чудесней!
Словно счастья ключи золотые – твои,
Словно стала душа твоя музыкой, песней,
Словно вдруг поселились в груди соловьи.

Взгляд, внимавший кому-то,
Зовущий кого-то.
Трепет слова «люблю»,
Всколыхнувшего тишь.
Ты – одна.
А другие красавицы – фото
На поблекших листах многодневных афиш.

Тот надеждой томим,
Этот – ревностью злою.
Посмотри на себя,
Как глядят на ладонь:
Не заметишь ожогов – владеешь золою,
А высокое чувство – высокий огонь.

ДРАГОЦЕННОЕ СЛОВО

«Люблю» – это клятва.
И если по кругу
Бесчувственно пущена клятва была,
Становится словно тяжелым недугом,
Хрипит, будто загнанный конь без седла.

В любви признаются
И водке и луку,
Беззубой расчески касаются лбом,
Привычно ссылаясь на смерть и на муку
В любое мгновенье и в месте любом.

Минуты любви
Предпочесть мы готовы
И тысяче жизней без этих минут.
Как все-таки жаль драгоценное слово,
Которое, словно закуску, жуют...

ПУСТЬ ПРИДЕТ ЛЮБОВЬ

От всей ли души,
Утверждать я не стану,
Но как-то джигит заявил мне один:
– К чему было гибнуть Козы и Баяну,
Страдать понапрасну Фархаду с Ширин?

Свободнее жить современным джигитам!
Нас робость не гонит от девушек вспять.
Чтоб после
При всех целоваться открыто
И, словно бы клещ, на плече повисать!

Ну, что же, они и меня заставляли
Не раз отвернуться...
Но юноша прав:
Без сильного ветра над степью едва ли
Пригнутся вершины поднявшихся трав.

Ну, что ж, и алмазы бывают с изъяном...
Но, светлого чувства в душе не тая,
Я многих
Винить за немногих не стану:
Есть дочь у меня и мои сыновья!

Нет, я не за робость сердец,
Не за тайны –
Мне тоже знакомо волнение в крови.
Но лучше не ведать объятий случайных,
Не знать поцелуев и встреч без любви.

Нет, я не за то,
Чтобы гибнуть напрасно,
Чтоб всем, как Козы, уходить за черту...
Я сердцем за пламя, гудящее страстно,
За скромность любви и ее чистоту!

С...

Друг к другу мы
Тянулись без оглядки.
Вот так союз супружеский возник,
Так стали жить без крова и достатка
И ты и я – вчерашний фронтовик.

Мы не давали клятв многословных,
Довольные судьбою без прикрас.
Хотя б в наследство
Сломанный половник, –
Но и такого не было у нас.

Я всю тебя постиг в иные даты,
Твой ум и твой характер люблю.
Я миллионы раз
Судьбу солдата
Благодарил за жизнь и за тебя.

Твои глаза и тоненькие руки
Сильнее бурь, сильнее меня в борьбе.
Ты не трибун,
Не деятель науки –
Но сколько женской мудрости в тебе!

***

Слетает пух с небес и днем и на рассвете,
Три дня прядется снег трехмесячной зимы.
И мечется, хрипя,
Давно уставший ветер
В объятьях вихревой и стылой полутьмы.

Скрипят стволы.
Для них в такое время года
Несбыточна мечта – безмолвие полян.

На мир и на себя озлоблена природа,
Не чувствуя конца симфонии «Буря».

Я мыслью уношусь за снежные преграды.
Как будто ни на ночь с разлукой не знаком.
Как будто бы три дня
Дышу с тобою рядом
У щек и у ресниц, припудренных снежком.

Вот ты идешь ко мне
Сквозь непогодь и стужу,
И я бросаю снег тебе за воротник.
Язык мой нынче груб, и шутки неуклюжи,
Наверно, потому, что радость я постиг.

И ветры улеглись,
Лишившись буйной силы,
И солнце в тишине свершило полукруг.
Ты мне дала понять.
Ты щедро мне открыла
И горечь, и тоску, и трепетность разлук.

Я ПРИДУМАЛ ТЕБЯ

В тебе, в тебе одной искал я исцеленья.
Тебе я поверял минуты и года.
Наверно, если б вдруг
Исчезло вдохновенье,
И сердце бы в груди умолкло навсегда.

Пусть не пришлось ему увидеться с тобою.
Но ты,
Хоть я и сам с тобою не знаком,
То пламенем взлетишь в пространство голубое.
То сникнешь на пути увянувшим цветком.

Ты дух или мираж?
Реальность или небыль?

Слепящая ли явь?
Немое ль забытьё?
Влекущая ль постель?
Кружащая ли в небе
Пыль атомной грозы – отчаянье мое?

И радость, и печаль, и новые высоты
В тебе я открывал – и не был одинок.
Но пусть читатель мой не мучается:
– Кто ты?..
Я выдумал тебя для искренности строк.

Затею относя к никчемности, не скрою:
Я создал твой портрет
Лишь твой – не чей-нибудь,
Чтоб ты могла меня нелегкою порою
И твердо поддержать, и нежно упрекнуть.

Ни имени, ни черт, ни адреса квартиры...
Пожалуй, я тебя смогу, не разлюбя,
Поэзией назвать:
Ведь нет в подлунном мире
Ни женщин, ни цветов, прекраснее тебя.

Тревожишь ты меня тревогою чудесной,
То свежестью строки, то образом дыша.
Вот так коснешься струн –
Домбра ответит песней,
А песне в тот же миг откликнется душа.

Душа!
Ведь мы и с ней те песни до рассвета,
Те тайны пополам делили долгий срок.
Вот – жизни перевал...
Так в чем же грех поэта,
Что выдумал тебя для искренности строк?

***

Забудешь ли меня когда-нибудь?
Тогда, мой друг, и бога забудь...

Из народной песни.

Верность клятве и руки, сплетенные туго,
Для казахов священны.
Недаром у нас
Не хулили жених и невеста
Друг друга,
Даже если размолвка случалась подчас.

Верность клятве и руки, сплетенные туго,
Были святы.
Не зря оскорбленная страсть
Лишь законами чести судила
Друг друга,
Почитая любовь, словно высшую власть.

***

Сними сапоги, пробираясь в тени...
А если поймают – меня не вини!

Из народной песни.

Кого звала в ночи?
О ком вздыхала тяжко?
Кому вручала ты и сердце и житье?
Едва ли кто познал,
Как девушка-казашка,
И всю печаль любви, и мужество ее.

***

Хоть прошла моя оспа, все жаждет спина,
Чтоб ее почесала девчонка одна...

Из шуточной песни.

Колдунья ты моя,
Мой врач и сладость меда,
И воздух мой,
И яд, разящий наповал!..
Рыдать или шутить я должен в эти годы,
С успехом одолев опасный перевал?

***

Чтоб сон не отпугнуть холодной рукой,
Я шелковым платком нарушил твой покой...

Из народной песни.

Все юные сердца в одном порыве слиты,
Тая в себе и страсть,
И чувств орлиный взлет.
Где благородство душ,
Там рыцарю-джигиту
Красавица и жизнь, как сердце, отдает.

***

Сделай лодкой серьгу и меня переправь...

Из народной песни.

Не бойся нежных чувств и слов,
Джигит отважный,
Коль где-то рядом та, кому они близки.
И сам я те слова
Мог повторять вот так же,
Когда б вернулись вновь беспечные деньки...

ОТКАЗ ОТ ПОБЕДЫ

Случалось мне внимать
Ревущим грозам,
Кичилась пустота передо мной.
Меня трясло в жару, как от мороза,
И жгли морозы, словно лютый зной.

Страдания,
Справедливые отмщенья
Я нес в себе и видел их кругом.
Я видел, забывая о прощенье,
Как лучший друг становится врагом.

Коварство.
Зря гналось за мной по следу...
Но тот, кто бой желает обойти
И жаждет отдалить мою победу,
Пусть женщиной предстанет на пути.

И подниму я дрогнувшие руки.
«Смирись!» –
Скажу себе же самому.
Кто не подвластен в трепете и муке
Поэзии, природе, волшебству?

Кто отличит находку от потери,
Узрев сестру, возлюбленную, мать?..
Мой враг не станет женщиной,
Я верю,
Как женщине врагом моим не стать!

Уж лучше,
Чем ее обидеть слепо,
Враждой к своим стремленьям наделя, –
Пусть, надо мной нависнув, треснет небо
И подо мной разверзнется земля!

ЗАКОНЫ БОКСА

Бокс – это честность:
В поединке пылком
Запрещены и свалочный угар,
И тайные удары по затылку,
И подлый – ниже пояса – удар.

Но почему на жизненных дорожках
То сто на одного идут стеной,
То все еще встречается подножка,
То резкий взмах соила за спиной?..

То зависть,
То слепое исступленье,
То чистых дел нечистый пересказ...
Какое ж это, люди, оскорбленье,
Что есть еще такое среди нас!

Мечта порой вопрос решает живо:
Всю мощь добра
Подняв на силы зла,
Поколотить бы злобных, подлых, лживых
Не просто так – за черные дела.

И пусть они узнают цену боли,
Пускай признают все-таки как есть –
Хотя б на час,
Хотя бы поневоле –
Законы бокса и людскую честь.

МУЖЕСТВО

В это утро звенит от приветствий округа,
В это утро, к земле головы не клоня,
Рад я скорби врага,
Горд я верностью друга
Перед миром, глядящим сейчас на меня.

Горд эпохи своей небывалым размахом,
Счастьем, преданным мне от весны до весны.
В шири новых степей,
В судьбах новых казахов
Наших предков дерзания воплощены.

Много братьев у нас,
Много яркого света,
Хоть завистник порою нагрязнуть не прочь.
Мне припомнилось прошлое,
Словно планета
День сменила, вращаясь, на темную ночь.

Орды хана Чингиза, кровавые зори...
Ну, а если бы в глуби минувших веков
Наша степь,
Расколовшись под тяжестью горя.
Навсегда поглотила моих земляков?

Ну, а если бы не сохранилось поныне
Ни преданий, ни песен про наше житье, –
И народ,
Как ребенок от черной рабыни,
Потерял для истории имя свое?..

Что ж!
Тогда, покрывая мозолями руки,
Разрывая курганы вдали от воды,
Стал бы кто-нибудь

Доктором мудрой науки,
Открывая казахских кочевий следы.

Что заменит народа живое дыханье?
Это, друг мой,
Не зря мы сумели постичь:
Нам отличие жизни от существованья
Объяснил на словах и на деле Ильич.

Полстолетия наши – столетиям впору.
Край степной, ты нас к новым высотам зови.
Казахстан –
Это символ бескрайних просторов,
Символ мужества, символ труда и любви.

Казахстан объясняется
С космосом хмурым,
Посвящает грядущему вечность и миг.
Крылья стартовых плит самого Байконура
Взметены за плечами джигитов лихих.

Край, исполненный солнца
И творческой жажды,
Край, чьи силы раскованно рвутся вперед,
Он заботится не о себе, а о каждом,
Тяжесть времени честно сквозь время несет.

Горд эпохи своей небывалым размахом,
Счастьем, верным ему от весны до весны.
В шири новых степей,
В судьбах новых казахов
Наших предков дерзания воплощены.

Я душой благодарен рассветам над миром,
Рад напеву,
Летящему в степь и в поля.
А народу-джигиту, народу-батыру
Благодарна и рада планета Земля.

ПРОЩАНИЕ

Ну, вот и я не юн, хотя по всем приметам
Мальчишкой в Жиланды считал меня любовью.
В том паспорт виноват или моя анкета?
И кто я, о судьба, сейчас перед тобой?

Как перышко, легко
Мог на байге скакать я
И в альчики играл с ватагой крепышей.
Джигитом пламенел в порывистых объятьях,
Познал сырой уют окопов и траншей.

Хоть жизненных даров достаточно я видел,
Былые, о судьба, порывы не таи!
А может, я и сам себя до срока выдал
Словами «дочь моя» и «сыновья мои».

Смешались в тех словах,
Давно парящих близко,
Огонь моей души с росой моей души.
Я был из года в год
В твоём, о юность, списке,
Кто сердце из него мог вычеркнуть, скажи?

И сердцу неспроста
В стихийности бессонной
Далекого певца поэзия слышна:
«Аллах, не жаль за то и тысячи поклонов.
Что дряхлости моей не видит ни одна!»

Поэзия слышна...
Да вот природа прозой
Выносит приговор от имени годов.
А взгляд, что действовал подчас сильней гипноза,
Сегодня, встретив взгляд, потупиться готов.

Минувшее – мираж.
За ужином, однако,
Закашлявшись, винишь болезненность свою.
И думаешь порой: чем умирать от рака,
Не лучше ли упасть под пулями в бою?

Кончина не страшна – к чему судьба Коркута,
Мечтавшего в веках продолжить долгий срок?
Я жажду, чтоб судьба
Над миром взмыла круто
Не ради долгих лет, а ради новых строк.

Дразнить я не любил того, кто в шубе драной.
Чья кляча чуть бредет, – такое, знать, житье...
Из юности уйдешь ты поздно или рано,
Но к сроку можешь стать наставником ее.

Осталась бы душа всегда открыта свету,
Остались бы глаза доступны чистоте.
Кто вправе осудить
Печальный взгляд поэта,
Прикованный на миг к расцветшей красоте?

Герои красотой не зря назвали вечность,
Я дух ее и плоть сегодня воспою.
Восславлю, как смогу,
Любовь и человечность,
И молодость других – наследницу мою.

СТЕПНЫЕ КАРТИНЫ

Горизонт и космос

Как будто спеша за отарами следом,
Она к горизонту плыла в забытыи.
В ней дед мой,
С ней беды мои и победы,
Над нею рассветные зори мои.

Плыла и плыла, возвращаясь к началу,
Плыла сквозь заботы, лишения, дела.
Плыла и грустила, вздыхала, мечтала
Да горе, как рану, под сердцем несла.
И желтой, и серой, и даже седою
Ее называли столетья подряд
Так, словно бы
Внешность считали бедою,
Так, будто бы цвет ее в чем виноват.

А кто понимал,
Что под пепельным прахом
Невзрачная Степь сохраняла в пути?
Кто мог догадаться – в груди у казаха
Шайтан или ангел молчит взаперти?

Загадкой
Годам в караванном движенье
Казалась степная моя сторона.
Кто знал, что,
Достигнув черты в отдаленье,
В немеряный рост распрямится она?

Кто знал, что дерзания станут судьбою.
Что, мир удивляя судьбою не раз,
Она, горизонт раздвигая собою,
Коснется плечами космических трасс?

Гость

Пути, пути,
Как паутину, множит
Земля, где я и вырос и окреп.
Уставшего с дороги «гостем божьим»
Во все эпохи называла Степь.

Пусть отдохнет на самом лучшем месте,
Кто б ни был он,

Куда бы ни спешил.
Пусть заночует в доме честь по чести,
Для новых далей набираясь сил.

Пусть о заботах вспоминает реже.
А Степь, такая хмурая на вид,
Глядишь, овцу последнюю зарежет,
А нет овцы – водою угостит.

Хоть и со дна ведерка – непременно
Вода для гостя и его коня.
Пусть на арбе
Хоть пол-охапки сена –
И это не для своего коня.

Вот так, делясь богатствами своими.
На тяготы не сетовала Степь.
Потом у гостя спрашивала имя
И о пути расспрашивала Степь.

Гость уезжал,
Расставшись без помехи
С преданьями, смущавшими покой.
Сказанья гостя, как степное эхо,
Звучали долго в памяти людской.

Пылило Степью путников немало –
Сплошной дорогой через свет и тьму.
Степь и в нужде друзей не предавала,
Себя не продавая никому.

Считалась чище бога.
Двери в дрожжи
Не запирала с чувством непростым.
Так пусть теперь приходят «гости божьи»
Мы целый мир на славу угостим.

– Степь – имя наших солнечных земель!
Степь – щедрости казахской колыбель!

Нет закоулков у нее

До горизонта,
Чуть гордясь
Своей особенностью тонкой,
Она – насколько видит глаз –
Открыта, как душа ребенка.

Поскольку нет в Степи теней,
Заметны все ее щербинки,
Дороги, холмики, тропинки,
Ночные сумраки над ней.

Озера на ее лице
Блестят глазами верблюжонка.
Пустыня на ее лице –
Как пламя, воющее тонко.

Тюльпаны на ее лице –
Румянец юного кумира.
Горячность на ее лице –
Характер смелого батыра.

Провалы на ее лице –
Следы безумного аллюра.
Морщины на ее лице –
Поверхность высушенной шкуры.

И радость нынешних высот
Я на лице знакомом вижу.
И дум возвышенных полет
Я на лице знакомом вижу.

Что отдал – на ее лице,
Что принял – на лице знакомом.
Что сделал – на ее лице,
Чем дышишь – на лице знакомом.

Нет закоулков у нее,
Привыкшей к солнечности лета.
Нет и зигзагов у нее,
Вобравшей прямизну рассвета.

Такая Степь по духу мне,
Сердцам
Простор ее не тесен.
Над нею солнце в вышине
Да переплеск медвяных песен.

ГОЛОС ВО МНЕ

Я, друзья, на досуге и в честной работе,
Как влюбленный,
Счастливых часов не таю:
Все мне кажется: я не из клеточек плоти,
А из клеточек долга теперь состою.

Я в долгу перед Евой, Адамом, планетой,
Перед плеском воды и дыханьем огня.
Перед высью и глубиью, зимою и летом,
Перед соком эпохи, вспоившим меня.

Я в долгу перед солнцем, цветами и небом,
Перед полднем и ночью, зовущей ко сну.
Долг кумысу, и соли, и черному хлебу –
Как, друзья, и когда этот долг я верну?

Все, что светлого есть у меня и со мною,
Я другим отдаю и судьбу не корю.
Но какую же будет оплачен ценою
Долг народу и долг моему Октябрю!

Новый миг начинается в новой заботе,
Предвещающая и правду, и долг, и борьбу.
Если скажет мне время:

«С тобой мы в расчете!» –
Я верну ему жизнь, обрывая судьбу.

День за днем убывают года постепенно.
Увядая, отходят цветы в забвенье.
И звучит во мне,
Кровь разгоняя по венам,
Голос долга, как гулкое сердце мое.

БОГ

Без мыслей о поэзии, о божестве
Спешило детство, таяло вдали.
С приятелем мы как-то
По дороге
В церквушку православную зашли.

Церквушка миром необыкновенным,
Просторным домом показалась мне.
На потолке, и в нишах, и на стенах
Картины проступали в тишине.

И взгляды,
Взгляды прожигали душу,
Мальца в грехах неведомых вина.
Приятель спохватился и наружу
Увлёк поспешно за руку меня.

И мой испуг растаял на пороге...
А друг-приятель, подаваясь вспять,
Открыл мне тайну:
– На иконах – боги,
Чтоб к ним мольбы земные обращать!

Промчался год.
Я удивился, право,
Не в церкви – в школе увидав портрет.

А бог был молод, волосы курчавы,
В живых глазах – задумчивости свет.

– Он русский бог? –
Я, смело вопрошая,
Пытался разобраться что к чему.
Учитель стал серьезным:
– Что ж, пожалуй!..
Хоть сами боги не чета ему!..

...О, сколько же богов являлось свету
Во имя тех и этих перемен,
И сколько же потом
Икон-портретов
Смахнула ты, история, со стен!

Поэты не случайно к поднебесью
Возносят смертного – не божество.
Со смертным пьют вино они.
А песни
Слагают до кончины – про него.

Так, не прельщен ни святостью, ни раем,
Я не хожу ни в церковь, ни в мечеть.
Икон старинных я не собираю –
Казаху трудно в этом преуспеть!

Что мне коран? Что библия мне?
Жженья
Они в моей душе не исцелят.
Я поклоняюсь богу вдохновенья,
Увиденному сорок лет назад.

Его я открывал, Абаю внемля,
В словах учителей, в своей груди.
Им жив,
Пока не спустится под землю
Вершок последний моего пути.

Он шествует по солнечным дорогам,
Аулы, степь, поэзию любя.
Прости, о Пушкин,
За сравнение с богом –
Но с кем еще я мог сравнить тебя?!

СТАРОЕ ФОТО

Оно на мир
С ковра взирает немо
Залогом встреч, мечтаний и разлук.
На фото недвижим под сенью шлема
Решителен и юн – замполитрук.

Четыре треугольника в петлице –
Как молодости лучшие черты.
Короче,
Вот еще, как говорится,
Глашатай комиссарской правоты!

Возникло фото старое, не скрою,
Не в дни боев – за месяц до войны.
Но мой сынишка Азамат
Порою
Подолгу не отходит от стены.

Кого отец напоминал когда-то
Тревожным выражением лица?
И чудится, наверно,
Азамату,
Что он во всем походит на отца.

Неярким фото
Жизнь моя согрета:
Ведь и сегодня придает мне сил
Сознание того, что шлем вот этот
Меня с семьей буденновцев сроднил.

НАШИ СЕРДЦА

Хоть дней промелькнуло в разлуке
Немало,
Мгновениям встречи не видно конца –
И, соприкасаясь, искрятся бокалы,
Разносятся тосты, вскипают сердца.

Клокочут сердца в постоянном волнении,
В груди у влюбленных не молкнут на миг.
В них все отзывается:
Боль, исцеленье.
И траур, и праздник касаются их.

Какая же сила их вызвала к свету?
Быть может, горячая сила огня?
Не кровь, а любое событие планеты
Доносит к ним пульсом тревожного дня.

То вспыхнут они, то укроются тенью,
То, будто бы кони, расходуют прыть.
Болят от чилийского землетрясения –
А что о Ташкенте родном говорят!..

Хоть море сердца наши перекачает,
Трудом и борьбой подорвать их нельзя.
Но там, где враги отступали, отчаясь,
Сработают ваши обиды, друзья...

Спасают лекарства...
Но там их не нужно,
Где наши сердца от весны до весны
Пропитаны соками искренней дружбы,
Любовью и радостью закалены.

Пусть будут им годы
Ступенями счастья,

Пускай из конца поднебесья в конец
Крылатые голуби-песни промчатся
Над ритмом здоровых и юных сердец!

КРАСНАЯ БЕРЕЗА

Крас-на-я бе-ре-за! Крас-на-я бе-ре-за!
Вехой ты видна из края в край.
Из листвы осенней светит ствол белесо.
Ха-ля-ля! Ля-ля-ляй!

1

Я, в тишине мурлыча безголосо,
Благодарю аллаха самого
За верный слух.
А «Красную березу» –
За пламенность судьбы и волшебство.

Меня Курман
Тревожит звуком новым,
Рожденным в глубине степной росы.
И снова, снова родником медовым
Пленяет навсегда Курмангазы.

Напев вначале иноходью ветра
Плывет в просторе,
Утопает в нем.
И, овладев душою незаметно,
По жилам разбегается огнем.

Какая тайна в музыке сокрыта?
Быть может, еле сдерживая шаг,
Под той березой
Встретила джигита
Судьба джигита с серьгами в ушах?

Стук двух сердец влюбленных
Понемногу
На время покорил себе в тиши
И степи, и забывшее тревогу
Большое сердце мудрого кюйши.

Так забывает мир о пыльном зное,
Пока росу не высушит восход.
Курман не знал,
Свое или чужое
Волнение он нам передает.

Как птицы,
Думы ввысь взлетают косо,
Чтоб сесть опять,
Когда придет пора.
Напев, быть может, обращен к березе,
К той, из которой сделана домбра?

Но, в звуках ощущая
Привкус меда,
Ты веришь в то, что назван он «Балдыз»¹.
Да, шутка, грусть и красота народа
В мелодии причудливо сплелись.

Так думал я, мурлыча безголосо
Живые такты музыки степной.
И вот другая
Красная береза,
Как в сказке, поднялась передо мной.

2

Аул невзрачен. Юрты стынут немо,
Своей тоски не в силах превозмочь.

---

¹Балдыз – свояченица.

Они не гуще звезд в открытом небе,
Не реже их – в нахмуренную ночь.
Здесь знать не знают
Ни озер, ни птицы.
Здесь о садах не думают вовек.
Здесь лишь с одним желанием – напиться! –
Идут к колодцу скот и человек.

Здесь не приткнуться перекаати-полю.
Здесь режут скот.
Здесь щиплет скот ковыль.
Аул, как будто к жерди, поневоле
К березе приторачивает пыль.

Хранит кору березы от скотины
Глубокий ров
В груди сухой земли.
Строения из дерна да из глины
Ютятся беззащитно невдали.

Опалена и стариной, и новью,
И солнцем от зари и до зари,
Стоит береза:
Тронь – и алой кровью,
Сдается, соки брызнут изнутри.

Держась повыше,
Ветки смотрят в дали,
А ствол – девичьей талии стройней.
Сучки тверды –
Как будто струйки стали
Вошли в березу и застыли в ней.

Когда впервые горько и сурово
Открылся ей немереный размах?
И кто ее в степи,
Как часового,
Поставил – человек или аллах?

Скакун над рвом
Не заносил копыта.
Муллу с собою ветки не унес.
Здесь даже подрастающим джигитам
На прутиках скакать не довелось.

Блюла обычай древняя сторонка,
Не сторожа березу на ветру...
И лишь для одаренного ребенка
Срезалась ветвь
На звонкую домбру.

Но надо было проиграть немало
Старинных кюев в дремлющей тиши,
Чтоб вынесли сужденье аксакалы
Перед народом: «Истинный кюйши!»

Не ведаю,
Откуда вдруг берется
Традиция, чтоб продолжаться впредь.
Но знаю, домбры из простой березы,
Чуть их касались – начинали петь!

Аул сквозь время нес свое звучанье,
Была окрест
Молва о нем слышна.
На певческих стихийных состязаньях
Тут меркли и всходили имена.

Тут изливались тайны и печали.
Легко и робко трогая кору,
Тут до утра
Влюбленные молчали,
Чтоб в путь отсюда выйти поутру.

А нас Курмангазы пленял размахом:
В сорок четвертом,
В предпобедный срок

Влюбленных в песню нескольких казахов
Свел ненадолго летний Белосток.

Тоска по песне головы кружила.
Нашлись дела ножу и топору –
И натянули мы бараньи жилы
На тут же смастеренную домбру.

Хоть рев войны
Докатывался тяжело,
Поэт Хамит решился той порой
К стене приставить боевую шашку,
Чтоб самому склониться над домброй.

И представляя,
Как умолкнут грозы,
Под теплым взглядом польки молодой
Вдруг заиграл он «Красную березу» –
Так скачут козы горною грядой.

И как-то легче сделалось солдату
От звуков,
Рвавшихся из-под руки.
Была домбра похожа на лопату –
Но вспомнили березу степняки.

3

Как в небе звезд – домов в ауле новом.
Развеяв мрак былого, словно дни,
Аул стал соловьиным,
Стал садовым,
Стал белостенным,
Песенным,
Живым.

Домбра не просто
В каждой юрте стынет –

Домбра с любовью связана судьбой.
А где росла одна береза – ныне
Послевоенный парк шумит листвою.

Там и закат приветствуют деревья,
И наступленье утренней поры.
Там на одном из пней –
Большом и древнем –
Строг и отчетлив барельеф домбры.

Пень – монумент напевам стоголосым,
Большого сада маленькая часть.
Какой напор могучую березу
Заставил в травы
Некогда упасть?

Нет, нет, не годы дерево согнули,
Не знойное дыхание степей.
Талантов
Поприбавилось в ауле –
На дереве убавилось ветвей...

Еще о том я слышал,
Что когда-то
(Искусство, мол, и мужество равны!)
Вручалась ветка каждому солдату,
С победою пришедшему с войны.

А был любой побег
Началом песни,
Готовой вольно вырваться в зенит.
Как матери не радоваться, если
Вокруг семья счастливая шумит.

Шумит,
В листве накапливая росы,
Готова к встречам с новыми кюйши.
Не зря в ауле Красная Береза
Тепло душе и песне от души.

То в плавности,
То в страстных переборах
Мотивы счета не ведут часам.
И внемлют бесконечные просторы
Несущимся из парка голосам.

И мнится,
Сам Курмангазы в волненье,
Сойдя с недостижимой высоты,
Благословляет
Степь,
Людей,
Цветенье –
Свои осуществленные мечты.

А я иду,
Мурлыча безголоса,
И верный слух за все благодарю.
Пусть над аулом Красная Береза
Напев листвы приветствует зарю:

Крас-на-я бе-ре-за! Крас-на-я бе-ре-за!
Вехой ты видна из края в край.
Из листвы осенней светит ствол белесо.
Ха-ля-ля! Ля-ля-ляй!

МЕЧТЫ

У голодного хлеб на примете,
У семьи соловьиной – сады.
Заблудившийся лишь о рассвете
Помышляет. Мечты и мечты.

Карьерист рассуждает о чине.
Хворый верует в лучшие дни.
Ливни бурные снятся пустыне.
Все мечты.
Все они и они.

Юный славы и подвигов жаждет,
Мудрый – видеть счастливым народ.
В этом мире надеется каждый,
Каждый в мире мечтою живет.

Слабый

Смерть призывает поспешно,
Некрасивый – свою красоту.
Мелкий тешится мелкой надеждой,
Сильный верит в большую мечту.

То вдали она, то по соседству.
То, желанием став неспроста,
Словно кровь, горячая сердце,
В нас пульсирует наша мечта.

Наполняя бескрайние шири,
Пусть сбываются наши мечты
Так, чтоб больше мы
Видели в мире
Света, верности и красоты!

ГЛОБУС

Кем был он прислан –
В прошлом утонуло,
Но помню, как, усталые, в пыли,
Сходились в школу жители аула,
Чтобы взглянуть на «копию Земли».

И вот учитель, лысоват, тщедушен,
Хранивший дома «копию» не зря,
Степенно пояснял:
– Вот это – суша!
А это – океаны и моря!

Он нас учил.
И хоть в него за это

Враги стреляли в полуночной мгле,
Учитель отвечал за всю планету –
Не за один лишь глобус на столе.

– Земля кругла, но стать она не может
Ничьей игрушкой! – слышались слова.
Учитель!
Не на глобус ли похожа
Была его большая голова?!

Проплешины – моря и океаны,
А суша – клочья реденьких волос.
Морщины на лице – меридианы,
А шея на плечах – земная ось.

Старик был скор на точные ответы,
Как юноша, легко ронял слова.
Теперь уже не глобусом –
Планетой
Казалась мне большая голова.

Он называл нам множество событий,
Стихами перемешивая речь.
Он нам твердил:
– Ребята, не шалите!
Ребята, нужно глобус свой беречь!

За годом мчался год.
И стран немало
Объездив в ритме новых скоростей,
Вот этой фразой – чуть пора настала –
Я в школу провожал своих детей.

Земля от наших глаз
Себя не прячет.
В крови, в поту людей ее лицо.
Так не швыряй планету,

Словно мячик,
И не сжимай, как хрупкое яйцо.

Пусть смотрит небо на твою обитель!
А я знакомый голос узнаю –
И строг со мною
Первый мой учитель,
Как будто я на глобусе стою:

– Еще немало прогремит событий,
С Луной, с Венерой будет много встреч.
Но осторожно, люди!
Не шалите,
Чтобы планету-глобус уберечь!

Я ДЕЛЮ С НИМИ ЗРЕЛОСТЬ

И опять мне
Приснилась война отчего-то:
Будто вижу я целую вечность подряд,
Как пикируют вражеские самолеты
И дорогу нещадно бомбят и бомбят,

И хотя по соседству и на расстоянье
Что ни миг
Похищались ребята войной,
Эти не потускневшие воспоминанья
Много дней и ночей неразлучно со мной.

А сегодня мне снилась такая картина:
На былом перекрестке былых большаков
Повстречал я – седеющий ныне мужчина
Двух своих
Поседеть не успевших дружков.

Нас, ребят одного и того же призыва,
Сблизил год сорок первый.

Но выдался бой:
Смерть дружков за собой увела торопливо,
Жизнь меня все ведет и ведет за собой.

Были парни убиты...
И все же, и все же
Я их встретил, хотя и не вышел мне срок.
Разве мог обознаться я – вот он, Сережа,
Тот, который два танка когда-то поджег.

Лечь готова под памятник площадь любая
В городах, по которым мы шли через край.
Я смотрю на Сергея и на Казакбая –
Черным Снайпером
Прозван был наш Казакбай.

Улыбаются оба:
– Как верные долгу,
Мы и ныне планету храним от войны!
Нам в твой сон, понимаешь ли ты, ненадолго
В эту ночь увольнительные вручены!..

Усмехаются те, что убиты когда-то:
– Не заснежены наши виски и сейчас!–
И подмигивают:
– Не стареют солдаты!
В женихи выбирают красавицы нас!

Я поник у дороги.
Нет, нет, у могилы
Я во сне пораженно и немо поник.
Шевельнуться бы – тело оставили силы,
Закричать бы – свинцово недвижим язык.
Задыхаясь, очнулся ночью порою...

Хоть годами друзья мои отдалены,
Их черты подмечаю я

В новых героях –
В покорителях космоса и целины.

Вдаль, к вершинам,
Со мною идут не они ли?
Люди, павшие некогда в смертном бою,
Бескорыстную юность со мной разделили –
Как же мне не делить с ними
Зрелость свою?!

СЛЕЗЫ

Во всем беды и радости смешенье:
Недаром в этом мире испокон
Есть плач, провозглашающий рождение,
И плач в минуту скорбных похорон.

Мы слышим плач других,
Мы плачем сами,
И злесь, и торжествуя, и скорбя.
Вконец изводим мы себя слезами –
Слезами утешаем мы себя.

Но есть у слез особое умение:
Способны слезы, не сходя с лица,
Железо плавить и дробить каменья,
Пьянить сердца и иссушать сердца!

Хоть больше, чем тоски или обиды,
И счастья, и любви достоин ты, –
Плачь, человек:
В слезах твоих сокрыты
Высокой человечности черты!

Исторгнута в беде,
Надежде внемля,
Сверкнет на солнце тихая слеза.

Так и цветы, и ковыли, и землю
Вновь освежает чистая роса.

ХЛЕБ

Нет, нет, наставленья
Наскучили мне бы!
Но как нам без хлеба, что ни говори:
Бывало, мне корочка черствого хлеба
Казалась клочком золотистой зари.

Бывало, торгами сменялись раздоры
Над краем,
Бредущим куда-то впотьмах...
Я видел бесхлебье степного простора
И город, застывший в блокадных тисках.

Сегодня в домах изобилие хлеба,
Военные беды давно далеки.
Ты гость наш –
И солнцем, спустившимся с неба,
Тебе каравай поднесут степняки.

Дивлюсь я, однако же,
Древним казахам,
Знававшим и голод, и мор, и нужду.
Случалось, степняк, поклоняясь аллаху,
На деле, глядишь, поклонялся труду.

На небо бедняк не надеялся слепо
И так заявлял
В неоглядной степи:
«Коран подложи, если тянешься к хлебу,
А если к Корану – на хлеб не ступи»!

Поэзия ныне – Коран мой чудесный.
И пусть хлеборобы

Степной стороны,
Как будто по лестнице,
Всходят по песням,
Чтоб с ними сердцами достичь вышины.

РАБОЧИЙ

Он не в ожогах бедности,
Как прежде.
И не случайно на своем веку
Его я узнавал не по одежде,
Не по осанке, не по языку.

Не по мозолям да словам натужным,
Не по числу бесхитростных манер...
Он с книгою и с техникою
В дружбе,
Он мыслит дерзко, словно инженер.

Он ради дел великих
Делом малым
Бывает всенародно знаменит.
И революционным идеалам
Он преданность особую хранит.

Его я в жизни узнавал нередко
По широте, бунтующей в крови,
По чувству братства,
По хозяйской сметке,
По щедрости в работе и в любви.

Рабочий класс!
Вперед тропой крутою
Моим стихам идти в его строю.
Чтоб мне перед всесильной правотою
Склонять бесстрашно голову свою.

ПОЛЫНЬ

Мы знали бед немало
В минувшие года.
И все же нам
Хватало
Полыни, как всегда.

Она щедрей поленьев
Дарила теплоту.
В покое и в смятенье
Творила красоту.

Скоту годилась в пищу,
Хоть, помню я,
Металл
Полынным корневищам
Порою уступал...

Полынь снимала хвори.
Ее густую прядь
Ценили люди в горе,
Чтоб в счастье – забывать.

Полынь ветра колеблют.
Но, и лишаясь силы,
Она ни высь,
Ни землю
Смягчиться не просила.

Разгул ненастий шалых
В веках встречала смело.
Под осень – усыхала,
Весною – зеленела.

Тепло.
Лекарства.
Пища.

Все, чем ты жив поныне,
Вобрали корневица
Моей степной полыни.

Той,
Что невзгоды сносит...
Пьянящ и горьковат,
Мне вновь щекочет ноздри
Полынный аромат.

ПОЛУОБНАЖЕННЫЙ МЕЧ

Муслиму Базарбаеву

Уральск. Музей.
Скелет в гробу
Покоится в музее этом.
Таят какую-то судьбу
Все части желтого скелета.

На черепе железный шлем,
На ребрах – мятая кольчуга.
А рядом – недвижим и нем –
Меч, не посмевший бросить друга.

В моем воинственном краю,
Где рос я, набираясь силы,
Герой когда-то пал в бою,
Чтоб вновь подняться из могилы.

Он – прошлое.
Он неспроста
В других продолжил первородство.
Я в нем ищу, как сирота,
Черты связующего сходства.

Я жду, как юная вдова,
Ту песнь,

Что стихла ночью вьюжной.
Оружье. Стали синева.
Кто и когда ковал оружие?

Стою в музее, как слепой,
Который стал внезапно зрячим,
Мир древних тайн перед собой
Воображеньем обозначив.

Я верю, воин за других
Полег в далекую годину.
Из ножен плоских и тугих
Меч извлечен наполовину,

Как сожаленья тихий вздох,
Как нецелованные губы,
Как миг, застигнутый врасплох,
Как песня, прерванная грубо...

Быть может, воин со спины
Сражен предательским ударом?
И острый меч на полдлины
Из ножен выдвинут недаром...

Видать, не до пустых речей
Той стали,
Кровью обожженной.
Но есть ли польза от мечей,
Всего лишь полубнаженных?

Я силюсь в этом смысл найти;
Что здесь – традиция в основе,
Итог борьбы на полпути,

Сигнал «Оружье наготове!»?
Что б ни было тому виной,
Мечом люблюсь с уваженьем,
Как будто он и надо мной
Сверкающе летел в сраженьях.

Как песня, как людская речь,
Служил и честно, и открыто.
Ведь мой народ
В могилу меч
Кладет не трусу, а джигиту.

Так, не даваясь никому,
Мое перо со мною вместе,
Как меч, уйдет в земную тьму,
Не дописав последней песни.

ПЕШКА

Хоть ни в чем до поры
Не подаст он и виду,
Хоть играет он в шахматы смело, а все ж
Человек затаит непростую обиду,
Если ты его пешкою вдруг назовешь.

Оскорбленье?
Сведение счетов?
Насмешка?
Но не стоит обиду таить про запас:
Королей горделивых негодная пешка
Защищает или низвергает подчас.

Королей ли одних!
Стены крепости хмурой
Пешка в силах обрушить и в силах спасти.
Пешка сделаться может любой фигурой
На суровом и славном солдатском пути.

В чем величие званья простого солдата?
В том, что службу солдат терпеливо несет,
В том, что, даже нуждаясь,
Не примет он плату
За солдатскую храбрость, за кровь и за пот,

Пешка обороняется, ловит на мушку,
Наступает, играя солдатскую роль.
Пешка даже в игре – не пустая игрушка,
В чем не раз убеждался
Спесивый король.

Если б пешка порою ферзя не спасала,
Ферзь не раз и не два
Забирался в тупик,
Становясь удивительно слабым и малым
Из того, кто по сути силен и велик...

Тот грустит,
Тот рукой протестующе машет:
Признавать себя маленькими не хотят.
Но ведь был же солдатом
Прославленный маршал!
Но ведь пешка и шах объявляет, и мат!

ПРОХОДЯТ СОЛДАТЫ

Вот солдаты
Строй равняют строго –
И шаги их четки и тверды.
И глядят подолгу на дорогу
Девушки, подростки и сады.

Девушке любви дожждаться нужно,
К садоводу ветви тянет сад.
Рад подросток,
Рад сменить на службе
Хоть кого из нынешних солдат.

А солдаты холодом и зноем
На учениях обожжены.
Каждый парень чувствует спиною
Взгляд отца,
Как совесть всей страны.

Войн и скачек нам хватало в жизни...
Словно конь, привыкший быть в строю,
Я сегодня
В юности отчизны
Различаю молодость свою!

***

Крепок тот, кто идет, не боясь круговерти.
Честен тот, кто вовек не польстится на ложь.
Смел лишь тот,
Кто ни в чем не уступит и смерти.
Прям лишь тот, чьей спины и бедой не согнешь.

Пусть же люди от страха не стынут на месте.
Человек!
Пусть по праву вблизи и вдали
Будет чист перед совестью и перед честью
Тот, кто назван достойной опорой Земли!

***

Пескам капчагайских долин,
Садовому шелесту вторя,
Гудит молодой исполин –
Волнуется новое море.

Равнины вокруг залегли.
И море, слепящее ранью,
Негромкой речушке Или
Обязано существованьем.

Бросает то в холод, то в жар
Ковыль от морской непогоды.
Вчерашней дорогой отар
Степенно плывут пароходы.

И волны, дробящие ряд,
Как тигры, кидаются к небу.

Смеются, грохочут, ворчат,
Вперед устремляются слепо.

И гибнут, и рвутся в полет,
И скачут, и топят друг друга.
И, вновь устремляясь вперед,
Из глубей поднимают друг друга.

Хоть молоды волны – взгляни:
Стремительно и откровенно
Стареют, седеют они,
Разбавлены светом и пеной.

Но берег предчувствует тишь
В грохочущем натиске вала.
И вот, распрямляя камыш,
Смиряются волны устало.

Теряют недавний разбег.
И здесь, у воды, не случаен,
Вникает седой человек
В тревожные окрики чаек.

Нет, он от борьбы не устал.
С гранитностью духа не споря,
Последний пластается вал
У ног сотворителя моря.

***

Люблю, чтоб даль меня звала,
Чтоб волны полнились значеньем.
Чтоб два весла, как два крыла,
Азартно спорили с теченьем.

Пусть волны там, на быстрине,
Меня укачивают с целью...

От века суша служит мне
Единственную колыбелью.

Да, поцелуи волн страшны,
Волн, не хранящих хоть порою
Ни верности, ни тишины
И ни кургана над героем.

А пенные валы со дна
Встают, рыча и балагуря.
Спины не гнула бы волна,
Когда б могла сравниться с бурей.

***

Одни, земля, живут твоей судьбою,
Другие – как в потоке камыши.
Одни бесстрашно
Жертвуют собою,
Другие созерцают миражи.

И, «запалив» медлительных от века,
Из мелочей великое кроя,
Иной и смертью славит человека,
Красу и смысл земного бытия.

Иной и смертью
Обращен к бессмертью,
Другой – позор из-за него терпи.
Одни творят людское долголетье,
Другие притворяются людьми.

Одни тепло и свет
Несут сквозь годы,
Другие копят стылый мрак в судьбе,
Одни пекутся о своем народе,
Другие – днем и ночью о себе.

Один, глядишь,
Желает счастья многим,
Другой их прокликает что ни миг.
Одни чужого выведут к дороге,
Другие роют ямы для своих.

Но честных больше
Будет, есть и было.
Народ мой, нагружай меня, любя:
Все выдержит твой сын,
Берущий силы
У солнца, у земли и у тебя!

***

Оспаривать, о человек, я не стану
Того, как могуществен ты и велик.
Но разве же боги или обезьяны
В минувшем стоят у истоков твоих?

Ты жил,
Ты страдал,
Ты боролся с обманом.
Царил над истоками жизненных рек.
Возможно, господь сотворил обезьяну.
Богов же всегда создавал человек!

ВЕСЕННЯЯ СТЕПЬ

Степь исполнена света.
И вскипают слегка
Травы знойного лета –
Будто озеро это
Под крылом ветерка.
Нет картины чудесней!
Чуть дрожат ковыли,
Словно с тихою песней

Жаждут взмыть в поднебесье
Над простором земли.

Здесь подснежников знаки
Робко радуют взгляд.
Здесь тюльпаны и маки,
Точно звезды во мраке,
Алым светом горят.
Трав тихонько касаясь,
Мчатся тени, легки.
И джигитам на зависть,
Будто губы красавиц,
Чуть влажны лепестки.

Здесь емшан и поныне
Славен силой огня.
На знакомой равнине
Горький привкус полыни
Вновь волнует меня.
Вновь щекочет мне ноздри
И вливается в грудь.
Здесь со свежестью росной
Я целебнейший воздух
Рад поглубже вдохнуть.

Песни. Долгие годы.
Богатырский размах.
Да глубокие своды.
Да упругие всходы
На колхозных полях.
Как могуче, гляди-ка,
В травах катится вал.
От него ль эти блики?
Океан ли Великий
В степи откочевал?

Выбирай же дороги
И судьбу торопи!

В этом счастье для многих –
Сила нашей эпохи,
Сила нашей степи!
Свет стирает границы.
И недаром, пойми,
Здесь торопятся птицы
Радостью поделиться
С травами и людьми.

Здесь рассветную ранью
Дышишь новью судьбы.
Здесь сквозь все расстоянья
Круто, по-великаны
Вдаль шагают столбы.
Мне бы, мне бы былинно
Так шагать без дорог,
Чтоб от горной вершины
И до каждой ложбины –
Все увидеть я смог!

Чтоб хребты, перекаты
И каналов штрихи
Вновь успел бы к закату
Нанести я на карту
Под названьем «Стихи».
Знаю, ветра призыванье –
Быть прохладой самой.
Манит ветра дыханье,
Словно это дыханье
Той, что рядом с тобой.

Травам сладко и стыло
В росах, выпавших сплошь.
Полнясь огненной силой,
Играм душу раскрыла
На лугах молодежь.
Месяц всходит двурого.
В этом щедром краю

Не подступит тревога:
Мол, годам понемногу
Сердце я отдаю...

Сколько весен лукавых
Над землей пронеслось?
Помню, слева и справа
Поредевшие травы –
Точно прядки волос,
Травы серого цвета...
Почему же ясны
Надо мною рассветы?
Так откуда же эта
Жажда новой весны?

ДВЕ ВСТРЕЧИ С МАРШАКОМ

Мы встретились в Москве – и он с охотой
Стихи мои просматривал, не строг:
В тот год солдаты
Кровь и пыль походов
Едва успели обмахнуть с сапог.

Учел ли все ж писатель знаменитый
Войну и то, что перед ним степняк?
Но он тогда заметил:
– Есть джигиты,
Рожденные не для одних атак!

Я долго совершенства добивался,
Я лишь на труд отстаивал права.
И до сих пор
Готов считать авансом
Мне столько лет светившие слова.

Хоть много было встреч иных,
Не вскоре

Свела нас вновь дорога, далека:
Сам Тихий океан в своем просторе
Баюкал «Самуила Маршака»!

Как будто в детской сказке
Без обмана,
Был долго-долго теплоход в пути,
Чтоб, счета не ведя меридианам,
С подарками до Индии дойти.

Крутых штормов он
Выдержал немало.
Любая буква на его борту
И честность, и душевность восславляла,
И дружбу, и любовь, и красоту.

Я шел по трапу,
Юность вспоминая.
И чудилось мне несколько минут,
Что вся Отчизна – палуба стальная,
Родимый дом – любая из кают.

Живой Маршак мне снился до рассвета
И на разлуку не хватало сил.
Верней и глубже понял я поэта,
Хоть он меня в тот раз
И не хвалил...

МУЖЧИНЫ

Адаму пришлось
С небесами проститься,
Но нет нам от женщин покоя на миг:
Подобно поджаренным зернам пшеницы,
С младенчества мы на ладонях у них.

Винить ли в том
Милое божье создание?

Пока над планетой сменяются дни,
Нам дочери Евы приносят страдания,
Но счастье ведь – тоже приносят они.

Мы в пору седую на дикого зверя
Ходили, скрывая постыдную дрожь,
Чтоб женщины,
Чувству капризному веря,
Судили: тот плох, мол, а этот хорош.

За них мы горели,
За них мы тонули,
Грызущую ревность в душе затая.
Один на дуэли валился под пулей,
Другой погибал от шального копья.

Без женщин
Иной бы предстала планета.
Они отдают нам приказы свои
И правят мужчинами
Именем Света
Любви,
Красоты,
Материнства,
Семьи.

Кто видит их слабыми,
Пусть-ка их тронет:
Не сам ли он слабость скрывает, кичась?
Недаром тиран, забывая о троне,
Склонялся и перед рабыней подчас.

Нас женщины звали в небесные выси,
Без них не давались
Ни труд и ни чин.
Не зря и сегодня от женщин зависят
И взлеты мужчин и паденья мужчин.

«Мужчины – кормильцы и воины!»
Вот как
Мы обособлялись опять и опять.
А сами все богом, законом да плеткой
Старались главенство в семье удержать.

«Все это приписано было мужчине!» –
Пытаемся мы положенье спасти.
Мол, женщине
Мужество ведомо ныне,
Мол, женская мудрость
У мира в чести.

Мол, мы расцветаем
Под женскою властью,
Мол, женщина может коснуться луны.
Мол, это она,
Побеждая напасти,
Бывает опорой семьи и страны.

Мужская суровость?
В минувшие сроки
Ценили как главную эту черту.
Кто жил от красавицы неподалеку,
Шел первым на бой за ее красоту.

Теперь мы другими становимся, вроде:
Храни, дескать, бог нас от сплетни иной!
Мужчина, мол, тот,
Кто, глядишь, при народе
Ковром расстилается перед женой,

Кто перестирает завалы пеленок,
Кто даже иголкой владеет вполне,
Кто,
Ревности не ощущая спросонок,
Под вечер цветы преподносит жене.

Но все это шутки.
Не больше. Не меньше.
Нам плохо тогда лишь, когда мы одни.
И если б нам рай предложили без женщин,
Мы выбрали б ад: лишь бы рядом – они.

Мы в свете их
Рады прожить без остатка
Смешенье счастливых и горестных дней.
Без нас и красавицам тоже не сладко,
Но с нами им часто намного трудней.

Вину нашу не на весах напряженных
Они уточняли, устало клонясь.
Что ж, мы не безгрешны.
Однако ни жены,
Ни матери не отрекались от нас.

Отчизну мы матерью гордо назвали –
И шли на врагов не бойцы,
А сыны.
Мы сделаем райскими вечные дали,
Любовью над буднями вознесены.

«Мужчина» и «мужество» – тезки поныне.
Адам, уходивший в нерайскую даль,
Не знал,
Что придется любому мужчине
С годами в огне закалиться, как сталь.

ДА БУДЕТ МИР

Морозам не сковать планету.
И дни за днями неспроста
Навстречу солнечному свету
Спешит земная красота.

Спешит,
С душевностью людскою
Не забывая о тепле:
Ведь без тепла не быть покою
Ни на Луне, ни на Земле.

Мы помним дни,
Когда раскаты
Тревожили солдатский слух.
Мы так привыкли к ним когда-то,
Что позабыли их не вдруг...

Разрывов грохот в ночи мира
Не стал,
Казалось нам, слабей.
И просыпалась вся квартира
От крика сдавленного: «Бей!»

Нас петля галстука стесняла,
Пиджак подхватывал
Под грудь.
Солдат, отбросив одеяло,
Мог под шинелью прикорнуть.

Воспоминанья
Сказкой старой
Плывут в вечерней полумгле.
Но и сейчас еще пожары
Не затухают на земле.

Доныне в мире неспокойно.
У дальних сел и городов
Планете
Поставляют войны
Сирот и безутешных вдов.

И тут нужны крутые меры:
Ведь войны

В стужу и в жару –
Как эпидемия холеры
Или как пламя на ветру.

Что значит
Мирный день над нами –
День без прицельного огня?
Ведь были люди во Вьетнаме,
Не знавшие такого дня.

Не знавшие минут без риска,
Без веры в будущей покой,
Без строго взвешенного риса,
Без автомата под рукой.

Вот и арабы...
Ну, не тем ли
Они живут за мигом миг,
Что помнят, кем дома и земли
Сегодня отняты у них?

Над Кубой пролетают годы
Непостоянной тишины.
Но бури острову Свободы,
Как всей свободе,
Не страшны.

Свинец высвистывает остро
Любою ночью или днем.
И крохотный,
Но гордый Ольстер
Объят губительным огнем.

И слезы катятся открыто,
И стережет детей беда.
Нет, ни убийц и ни убитых
Мы не забудем никогда!

Вот человек
На фото старом,
Уставший от недобрых дум.
Ракетовидная сигара
Роняет искры на костюм.

Молчит отец «войны холодной»...
Но прежде там шумел пожар,
Где искры
Сыпались свободно
С его воинственных сигар.

Тревожным вспыхивали светом –
Свободе чьей-нибудь в ответ...
Но для людей Страны Советов
Чужого горя в мире нет.

Мы, горе изводя под корень,
Растим хлеба из года в год.
Ракеты наши,
Словно кони,
Хороший чувствуют уход.

Но слишком скоры «кони» эти.
И, обойдась без них вполне,
Да будет мир на белом свете –
И на Земле,
И на Луне.

ПИСЬМО, НАПИСАННОЕ ДРУГОМ

Письмо пришло, исполненное света,
Ведь свет так много
Значит для поэта.
(Иные адресаты у того,
Кто даже песню требует к ответу...)

Друг пишет:
«Мне твои попались строки,
Когда уборки подоспели сроки,
Когда погожих дней у нас в обрез,
А из очей небес текут потоки.

Смешались дни,
Рассветы и закаты.
Но мы не унываем, как солдаты,
Хоть и грохочут мощные грома,
Как – помнишь, друг? – орудия когда-то.

Мы, хоть гроза
Коварством знаменита,
За урожай сражаемся открыто.
На золотой от хлеба целине,
Как танки, тракторы ревут сердито.

Их рев – желанный звук
В степном размахе.
Накал восхода – как сигнал к атаке.
Там о наградах думать недосуг,
Где думают о каждом хлебном злаке.

Мы и тогда, когда горели дали,
О подвигах заботились едва ли.
Мы просто честно выполняли долг,
Мы просто смерть
Бесстрашьем побеждали.

За долг
Чинов не требуют по плану.
Я день ценю, который начат рано.
И, окажись я снова рядовым,
Писать начальству жалобы не стану.

История!
В веках ее движенье

Определяют не бумажным рвением.
Обычным днем – великим днем труда –
Истории дается озаренье.

Я не для спора поднял тему эту:
Вопросы и поглубже ждут ответа.
Сегодня ночь ясна – пора в поля...
Пора!
Желаю долгих дней поэтам!»

Так пишет тот, кому важна не слава,
Кто на обиду не имеет права.
Но видел я,
В зрачках серьезных слов
Вдруг вспыхивали искорки лукаво.

И хоть ненастий у меня не густо,
Мой долг – мое ответственное чувство.
О, если б, как степную целину,
Поднять однажды
Целину искусства!

Я рад
Мечтать об этом дни и ночи.
Рад новым песням долгий век пророчить:
Ведь горд я непростым своим трудом,
Как хлебороб, чабан или рабочий.

Пусть кто-то всем толкует по секрету,
Что плох я,
Что медлителен при этом.
Коль после смерти буду я забыт,
Что мне при жизни в звании поэта?

И в чем тогда мой долг?
Нет, если надо,
Я и в ином труде найду отраду.

Смогу и сеять хлеб, и скот пасти,
И удержать тяжелую лопату.

Пуškai любой живет в больших тревогах,
Толкует гордо о своих дорогах.
Привычные и тихие слова
Не всюду к месту:
«Я один из многих...»

В бою с врагами я – один из многих.
В пути к вершине я – один из многих.
Зато о том, кто струсит,
Никогда
Не говорят, что он – один из многих.

Один из многих и в минуту счастья.
Но не один из многих –
В день ненастья.
Один из многих – в дни своих удач.
Но не один из многих – в день напасти.

А люди пишут
Снова мне и снова –
И крепнет поэтическое слово.
Так партия моя и мой народ
Всегда поэта поддержать готовы.

Их имена в ночи и утром рано
Я окликать стихами не устану.
Всегда дышать строкою и в строке –
Не нужно лучшей участи Жубану!

СМЕРТЬ МЕДНОГО КОГТЯ

(Баллада)

Мутней туман.
Слабей усилья.
И пулей Медный Коготь впредь
На дряхлых и тяжелых крыльях
Не сможет в небе просвистеть.

И колпачок из грубой кожи
Лежит без дела в стороне.
Но день и ночь
Одно и то же
Тревожит беркута во сне.

Одно дремоту затмевает:
Все замечая на лету,
Он черной молнией взмывает
С луки седельной – в высоту.

Внизу –
Расщелин горных знаки
И степь, впитавшая лучи:
Точь-в-точь седло на аргамаче,
Седло под гибким беркутчи!

Внизу лиса к норе несется,
Волк прижимается к траве,
А беркут – родинка на солнце –
Почти недвижим в синеве.

Сейчас он камнем устремится
К простору
В смерчах и лучах.
И только красные лисицы
Протяжно вскинутся в очах...

Но длится миг оцепененья,
Осталось небо за чертой...
– О-ах! – звучит как сожаленье.
Как вздох прощания с мечтой.

Нет, под крылом
Не гор величье,
Не набранная высота...
И слепнет беркут в клетке птичьей
От слез, от пут и от стыда.

Он наблюдает в сонной грусти
За тем,
Как хвалится петух
И как еду из клетки суслик
Ворует, нагл и толстобрюх.

Мир тонет словно бы в угаре.
Вдруг беркут, набираясь сил,
Крылами стылыми ударил
И клич забытый обронил.

А значит,
Срок пришел проститься
С тобою, благостный покой.
И отвязал хозяин птицу,
Знакомую с его рукой.

Да, Медный Коготь нынче летом
Свершил последний свой полет.
Все вспоминает он об этом,
Все медлит,
Все чего-то ждет.

Все смотрит вдаль,
Словам не внемля.
И, прежде чем рвануться вверх,

Крылами хлопая о землю,
Он начинает свой разбег.

В себя и веря и не веря,
За взмахом совершает взмах.
Он грозным кажется – и звери
Внизу испытывают страх.

Лисицы прячутся недаром.
И волк
К земле припал сейчас.
Эх, если б это беркут старый
Увидеть мог еще хоть раз!

Эх, если б
Так сумел он взвиться,
Чтобы врага настичь опять!
Но тяжела одышка птицы,
И хрипа в легких не унять.

Полет не легок и не светел.
Но Медный Коготь горд и смел,
Спеша, наметил цель – и ветер
Под грудью остро засвистел.

Быть может, беркут
Рад разбиться,
Кончины чувствуя канун?
А может, счел он вдруг лисицей
Внизу желтеющий валун?..

Но трясса враг
Дневной порою!
И беркута в степном краю
Похоронили как героя,
Бесстрашно павшего в бою.

ТРУБЫ

Мчит состав,
Как само воплощенье
Сокровеннейших мыслей земли.
И отары бредут в отдаленье –
Словно к травам они приросли.

На верблюдов в окно погляди-ка!
Расстоянье уменьшило их.
И горбы – точно горные пики
Над раздольем просторов степных.

Трубы тянутся к синему своду.
О, степная
Моя сторона –
Вслед за трубами новых заводов
Поднимается ввысь и она.

Видишь, пламя у труб то и дело
Проявляет строптивости дух.
Дым струится
То черный, то белый,
Словно ветром тревожимый пух.

И припомнились давние годы:
В том краю,
Что с войны знаменит,
Погибали дома и заводы –
Трубы грозно смотрели в зенит.

Над немymi руинами зданий
Коротая печальные дни,
Как свидетели бед и страданий.
Одиноко стояли они.

Как сегодня об этом расскажешь?
Охраняли пожарищ следы

Черных стражей,
Обугленных стражей
Уходящие в дали ряды.

Обнимали мы трубы смущенно,
Как спасенных от плена родных,
И свои боевые знамена,
Помолчав,
Водружали на них.

Мы смотрели на них,
Узнавая
Превращенные в прах города.
Мы смотрели на них, узнавая,
Как страдала Отчизна тогда.

Но настали спокойные годы –
И в ряду наступивших чудес
Крыши зданий
И трубы заводов
Богатырски коснулись небес.

Раньше в трубах
Лишь пламя да сажу
Отмечал мой ревнительный взгляд.
Ныне вспомню былое – и стражи
На руинах священно стоят!

Эта тайна себя не раскрыла,
И вопросы всплывают на миг:
Трубы –
В чем их волшебная сила?
В чем гарантия стойкости их?

Степи
С небом веда на сближенье,
Снова трубы мелькают вдали.
Поезд мчит, как само воплощенье
Сокровеннейших мыслей земли.

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Мое поколение за время в ответе,
За цель, что намечена
Каждой судьбе.
Не зря мы полвека живем на планете
В учебе, в походах, в труде и в борьбе.

Но есть среди нас и погибшие рано,
Чей след в этом мире –
Заметнейший след,
Кто в землю ушел, возвышая курганы,
В свои восемнадцать каких-нибудь лет.

И там, где вскипали сражения грозно,
Где ветер взметал
Над могилами прах,
Застыли ребята в граните и в бронзе
На шумных проспектах и на площадях.

Их слава – в веках раздвигает границы.
В моем поколении, правам вопреки,
Мужчина, как женщина,
Может смутиться,
А женщина часто смела по-мужски.

Страна воспеваает мое поколение.
Бывает в нем,
Счастьем и горю открыт,
Мужчина, как женщина, полон терпенья,
А женщина пламенна, словно джигит.

Мои одноклассники порою иною
Без хлеба – о крыльях мечтали с утра.
Их лица смуглы от мороза и зноя,
В их прядях – возвышенный блеск серебра.

Встречают их лучшие залы Отчизны,
И жалоб не слыша в трагический миг,
Все чаще друзей
Вырывают из жизни
Не годы – лишенья походов былых.

Заслышав протезы, скрипящие грубо,
Не надо надламывать в жалости бровь.
Застонет от боли герой –
Так сквозь зубы,
Споткнется – так сам и поднимется вновь.

Редет наш строй,
Хоть пока на планете
Не все еще сделано и решено.
И вот остаются и вдовы, и дети,
И рюмки, в которых темнеет вино...

Вздыхать ли над внуками нам,
Пригорюнясь?
Свободой страны, прямизною строки
В тебе мы клокочем, о новая юность,
Как вы продолжались в нас, о старики!

Врагов разгромив,
Мы ходили в сраженья
За свет в отношениях между людьми.
Встань, сын мой, и перед моим поколеньем,
Склоняясь признательно, шапку сними!

ОБ ИСТОРИИ

Я школьником учил ее с охотой.
И мне казалось у былой черты:
Она – сплошные джунгли
У кого-то,
А у казахов – редкие кусты.

Не пресыщаясь ей в родной сторонке,
Я, схватывая знанья на лету,
Сам ощущал:
Сижу на жеребенке,
Ногами попирая пустоту.

Но пробуждалась степь!
И, словно вторя ей,
Вставали люди, зори, цепи гор.
Оценивалось новою историей
Забывтое, казалось, до сих пор.

И хоть порой
Случалось нам на деле
За год уйти вперед на целый век,
Мы зорко во вчерашнее глядели,
Не отрывались от минувших вех.

Спасибо, жизнь!
Мы сами заполняли
Достойными делами пустоту.
Теперь, уча историю, едва ли,
Как прежде, схватишь знанья на лету.

Она теперь не кустики, а чаща,
В которой светлый разум не заглох:
Ведь сколько нужно
Мыслей настоящих,
Чтобы постичь превратности эпох!

Вражда и ханы.
Холода и страхи.
Грабеж и безнаказанность властей.
И дня не жили древние казахи
Вне общечеловеческих страстей.

Нас покидали свет, надежда, сила.
Но мудрость степняков брала свое,

И мы вздыхали:
«Мертвому – могила,
Живущему – просторное жильё!»

Мы день за днем
Вбирали мудрость эту,
В грядущее разматывая нить.
А ты, историк, словно бы комету,
Мечтаешь факт неведомый открыть.

Мечтаешь в ясность
Напустить туману,
Проверенной реальности назло.
Ты глаз косишь на древние курганы,
Архивной пылью дышишь тяжело.

Зовешь куда-то,
Сотни веж бумажных
По бездорожью расставляешь, хмур.
У нас, коль гуси Рим спасли однажды,
Ты не ищи на них похожих кур.

Коль были где-то умные владыки,
Не находи нам хана-мудреца.
Соседствуя в степи
Со зверем диким,
Конечно, света жаждали сердца.

Я верю,
Деды бились в тучах пыли –
Не верю в их счастливые края.
Я верю,
Деды нашу степь любили,
Но не поверю, что сильней, чем я.

Я верю в наши смелые дороги,
Но я не верю
В избранность народа.

Не верю,
Что степняк слабей кого-то,
А верю, на него равнялись боги.

Я верю, к разным землям прикасался
Великий гений солнечной степи.
И я не верю,
Что тымак казахский
Единственно к лицу аль-Фараби!

История – не род обогащенья,
И каждый век – не внук ее,
Так сын.
История – дорог переплетенье,
Подножий, перевалов и вершин.

История – грядущего разведка,
И флаг ее над нынешним постом.
Она потомка
С отдаленным предком
Соединяет сказочным мостом.

Мостом,
Который на пути к победам
В цвета слепящей радуги одет,
Которому противен, хоть и ведом,
Цвет грубого насилья – черный цвет.

Что есть, то есть.
Горой не делай крохи,
Не смешивай в одно огонь и лед.
Не полагай, что правдой об эпохе
Вдрут с веком век история столкнет.

Живу я в днях сегодняшних,
Которыми
Оценено и прошлое житье.
Живу я современником истории
И рядовым создателем ее.

НА БЕРЕГУ УРАЛА

Все ту же верность,
Мой Урал,
Я вновь принес в твои объятия:
Начало всех моих начал
Не может быть простым понятием.

Здесь выростал я,
Как тростник.
И пусть простят меня откосы
За то, что на глазах моих
Блестят непрошенные слезы.

В них отражение тревог,
И радости,
И сожаленья.
В слезах скрестило сто дорог
Одно недолгое мгновенье.

В них счастье кроется, слепя,
Таится горечь человечья.
Непросто сдерживать себя,
Назначив молодости встречу!

Урал!
Моя ли в том вина,
Что чаще в старости груститесь?
Усну – шумит твоя волна,
Летит, воды касаясь, птица.

Печаль и радость – как мои
Глаза.
Как вскинутые руки.
И в две дорожных колеи
Ведут нас встречи и разлуки.

Что ж, видно, я немного сдал...
Но обратись к моей надежде:
Мелет кое-кто, Урал,
А я люблю тебя,
Как прежде.

Зачем тебе людской язык?
Шумя волною по соседству,
И в мысли ты мои проник,
И в гул взволнованного сердца.

А я стою на берегу –
И город ощущаю рядом,
И все поверить не могу,
Что стал овраг зеленым садом.

Где дни сменялись
Столько раз,
Названья мест иные, в общем...
И я не знаю, как сейчас
Мне обратиться к Ханской роще.

Но никого тут не вини:
Меня сегодня не узнала
Та, что платком в былые дни
Махала мне призывно, шало.

Да и ее ли видел ты,
Стареющую так открыто?
Ее...
Но как узнать черты
Когда-то юного джигита?

Прости Жубана, мой Урал,
За то,
Что слез не мог сдержать я.
Начало всех моих начал
Не вправе быть простым понятием.

***

Я днями не испытывал тревоги,
Но, различая дальние огни,
Платил ночами
Щедрые налоги
За беззаботно прожитые дни.

Я не был днем
Сомненьями источен.
Но, оттесняя свет за перевал,
За вечерами наступали ночи –
И я от мыслей смутных уставал.

Я днями не испытывал печали,
Меня пьянили
Жизнь, любовь, цветы.
Да, стоило во имя дней ночами
Не спать во власти душной темноты!

Я днями не был слабым.
Но, однако,
Когда за тенью укрывался свет,
Случалось мне перед полночным мраком
Держать за дни минувшие ответ.

Я ночью мыслю, собираю силы,
Чтоб утром труд
Впустить в свое жилище.
Ночь для меня – готовые чернила,
А каждый новый день – перо мое!

***

Кто слаб и тих, завидует, наверно,
Тому, кто и силен,
И в драке крут.
Но конь всегда пасется против ветра –
По ветру овцы пастбищем бредут...

***

Люблю я дождь стремительный и шаткий,
Люблю смертельной скорости разгон.
Люблю того,
Кто, словно бы взрывчаткой,
Порывами и страстью начинен.

Ему скалу смахнуть, пожалуй, легче,
Чем от скалы в тиши податься вспять.
Пусть засвистят осколки:
Трусы в плечи
Давно успели голову вобрать!..

***

Красивый. Мудрый. Искренний. Великий.
Введи слова такие в разговор,
Людей при жизни
Оцени без крика
И полюби, как братьев и сестер.

В чьей жизни нет обидных упущений?
Но честь и совесть в судьи призови:
Ведь после смерти
Не прочтет и гений
Печатное признание в любви!

***

Пока ты не устал и не измучен,
Не торопись передохнуть в тени.
Ни зной, ни холод,
Ни народ, ни тучи
В своих грехах напрасно не вини.

Без хмурых туч
В бездонье небосвода

Дождя не будет, честно говоря.
Поэт не состоится без народа –
Без солнца не появится заря.

***

И солнца луч порой ложится косо.
Но я тепла душевного певец:
Ведь что там, право,
Зимние морозы,
Когда б не холодок иных сердец.

В какой тоске подчас ни окажись ты,
Взгляд дружеский
Ее развеет вмиг.
Одно лишь слово теплое – при жизни –
Нужнее монументов золотых.

ДИЛЯРА

Диляра!
Щебетаньем этим
Ты мне сегодня без затей
Напомнила, что есть на свете
Язык природы и детей.

Диляра!
Ты смеешься звонко,
Мне исцеление суля.
Весь день твердят твои глазенки
О том, что солнечна земля.

Дилярочка моя!
Диляра!
Ты мне напомнила о том,
Что шумом южного базара
Детишки наполняют дом.

Ты всех прекраснее на свете!
Твоим раздумьям нет цены!
(Такими качествами дети
В глазах родни наделены...)

Лишь ты напомнить мне сумела
О том, какой идет мне год.
И нет тебе, Диляра,
Дела
До множества моих забот.

А я, следя за каждым слогом,
Произносимым мне в ответ,
Уже смиряюсь понемногу
С чуть грустноватым
Словом «дед».

ОДНОМУ КРИТИКУ

Не стоит и за труд научный браться,
Чтоб отличить
Талант от верхоглядства.
Как на батыров, я смотрю на тех,
Которые дипломами кичатся!

Конечно, в мир,
Как нечто дорогое,
Мысль выносить – деяние благое.
Но то, что написал я сам, – одно,
А то, что приписал ты мне, – другое.

Мне это и во сне не снилось, кстати.
Дивлюсь я прозорливости в собрате,
Хоть и не понимаю дум твоих –
Ни тайных и ни тех, что для печати!

Что ж, статья хороша, если я без заботы,
А соперник мой ходит, заботу кляня.
Критик – друг мне,
Коль он задевает кого-то,
Критик – недруг мне, если он метит в меня.

Нет, с тобой мы несхожи,
И это не странно:
Ты за правду, а я, получается, нет.
Ты суровому критику даришь тюльпаны –
Все колючки степи укрывает букет.

По спине ухитришься
Похлопать назавтра
Так, что тот на спине не уснет никогда.
Словом, горечь хлебает критический автор,
А тебе достается простая вода...

К СВЕДЕНИЮ ЖЕЛАЮЩИХ

Желали мне,
Чтоб стал я дедом,
И я шутил:
«Аминь! Идет!»
Я дедом стал – и тут же следом
Желаю в свой уже черед

Джигиту – чести и полета,
Зиме – чтоб залегли снега,
Пчеле – целительного меда,
Старухе – просто старика.

Птенцу – для крыльев оперенья,
Столетним – совести сполна!
Тоской объятому – терпенья,
В путь вышедшему – скакуна.

Речам – взаимопониманья,
Седым – разумной седины.
Мужчинам – мудрого братанья,
А странам – мирной тишины.

Беспечной юности – открытий,
Строптивости – надежных пут.
Швее – послушно легших нитей
И веры – там,
Где люди ждут.

Писателю – горячей фразы,
Фельетонисту – остроты.
Завистнику – четыре глаза,
А пустозвону – пустоты.

Всем матерям – большого счастья,
Березам – белизны в тиши.
Неполной рюмке – пьющим часто...
Мои порывы от души!

А вот друзья твердят:
– Не ново!
Подумаешь, какая честь! –
Да, лучше было б, право слово,
Свои желания учесть...

***

Календари сменились,
Но мчит за годом год.
Пластинки изменились,
Но молодость поет.

Все дальше с утром новым
Беспечные следы.
Все четче с мраком новым
Знакомые сады.

Какие дали ближе
Душе в заветный миг?
Кто мне сегодня ближе –
Юнец или старик?

Не верю я возврату
К тебе,
Мой прежний пыл:
Не я тебя когда-то,
А ты меня забыл.

Поэт слывет ушедшим,
Коль он
С тоской в крови
Во времени прошедшем
Вздыхает о любви.

И все ж «люблю» – как чудо,
«Любил» – в текучке дней,
«Горел» встречаешь всюду,
«Горю» найти трудней.

«Он» в деле слишком часто,
«Я» прячется в туман.
Винить ли мне
В несчастьях
Свой дух, как тот шаман?

За мной дорог немало,
А новь зовет,
Строга!
Выводят к перевалу
Цветущие луга!

И рвется в наступленье
Поэзии поток.
К чему мне повторенье
Уже звучавших строк?

Стихи мои не тшятся
Знакомое постичь.
Вперед уводит счастье.
«Вперед!» –
Бросаю клич.

Я новых жду терзаний
Над ратью новых строк.
Жду трудных расстояний
От будущих дорог.

Хоть несколько бы строчек
Не повторить – создать.
Пусть станет шаг короче –
Лишь вел бы он не вспять!

И я спешу куда-то.
Но все длиннее тень...
Когда ж успел
К закату
Склониться ясный день?

***

Хоть сам соловей –
Этот символ искусства –
Всего только с палец мой величиной,
Он будит во мне неумное чувство
Мелодией, кажущейся неземной.

В садах, забывающих зимнюю стужу,
В садах,
Где цветущей весны торжество,
Певец изливает влюбленную душу –
Пусть даже никто и не слышит его.

Он счастлив и горд
Беззаботностью этой.

Хоть общих немало найдется примет,
Никак соловью не сравниться с поэтом:
Без внемлющих слову поэт – не поэт!

Чем больше ты нужен, тем больше удача,
Тем лучше тебя понимает народ.
То зябнет поэт,
То смеется, то плачет,
То в пламени гибнет, пока он поет.

Не к богу – к поэту спешат обратиться,
Ища на вопрос вдохновенный ответ.
Нет, нет, соловью –
Удивительной птице –
С тобою никак не сравниться, поэт!

***

О, как скор самолет, разрывающий тучи!
С ним сегодня и звук
Состязаться б не смог!
Но едва ли что-либо окажется лучше,
Чем движение с помощью собственных ног.

Ты постигнешь и книги, и звездные кручи,
За учителем следом
Пробьешься сквозь тьму,
Но едва ли что-либо окажется лучше,
Чем словечко в науке сказать самому.

Утомишься, отстанешь –
Поддержку получишь,
Потому что друзья не оставят в пути.
Но едва ли что-либо окажется лучше,
Чем осилить усталость и дальше пойти.

Как бывает отрадно подыскивать нити,
Создавая своими руками узор!

В этом мире
Даются тебе для открытий
И горячие губы, и пламенный взор.

Что оплатит твой долг
Перед целой вселенной?
Без борьбы и усилий себя не познать:
Можно определить совершенному цену,
Если сам ты плечо подставляешь под кладь.

Даже малый ребенок – и тот понемножку
Семенит,
Сотни раз спотыкаясь на дню.
Он едва научился удерживать ложку,
А глядишь, уже тянет ручонку в огонь.

Где дорога
К секретам людских ощущений?
В чем таится от горечи к сладости нить?
Надо по человечности дел и решений
О самом человеке пристрастно судить!

***

Я помню,
Бесконечные мгновенья
Едва передвигались, тяжелы.
И солнце замирало в отдаленье,
Как бы задев за краешек скалы.

Так и она, и я встречали вечер,
Тоску и нетерпение терпя.
Мы не о поцелуях –
Мы о встречах
Стеснялись думать даже про себя.

В ауле хватит дел
До поздней ночи.

К тому ж отцы и матери подчас
Со взрослых сыновей – не то что с дочек!
Ни на минуту не спускают глаз.

В ту пору
Честь влюбленных, как святыню,
Крутые сохраняли времена!
Мы чувство не растратили доньше:
Знать, у тоски высокая цена!

Да, помню я, как время замирало:
По-птичьи малый миг,
Как долгий год,
Под градом раскаленного металла
Я проклинал и снова полз вперед.

Мне не забыть и мирные ненастья,
Когда за мною смерть пришла опять.
И славит стих мой не тоску,
А счастье
И те сердца, что научились ждать.

Что ж, новый ритм
Сменил былую пору.
И время скачет, бешено кружит,
Как часовая стрелка, над которой
Поддерживает кто-нибудь магнит.

Уже меня не ждут под звездной сенью,
И я не жду других, скрывая грусть.
Из-за меня грядущие мгновенья
Пусть бег свой не придерживают...
Пусть...

***

Зачем девчонку я обидел, право?
В тот день простор

Дышал осенним сном,
В тот день ломило все мои суставы,
Березы грустно стыли под окном.

Писать?
Но настроенья не хватало –
И дело с места даже не сошло.
К тому же и газеты, и журналы,
Конечно, запоздали как назло.

А кто следит за жизнью увлеченно,
Тот завтракать
Не сядет без газет.
И я в сердцах заметил почтальону:
– На улице закат, а не рассвет!

– Подводят типографии немного...
А, в общем,
Почта этому виной! –
Ответила девчонка от порога
И попрощалась вежливо со мной.

А взгляд ее
Скользнул за мною следом,
В безмолвии договорив ответ:
«Подумаешь!
Как будто наши деды
Совсем не обходились без газет!»

Меня виденья прошлого догнали:
Отец мой в дни,
Что ныне далеки,
От кляксы букву отличал едва ли
И собирал утрами кизяки.

К отцу годами вести поспешали.
И, светом сердца
Разгоняя мрак,

Он обходился «длинными ушами»¹
Под звонкий лай собаки Майляк.

Что было, почтальон, в твоём ответе?
Но есть, наш век,
Среди твоих примет
И эта: сокрушаются соседи
По поводу задержанных газет.

Один – ученый,
Двое – из рабочих,
Но в чем-то одинаковы они.
Ах, милая девчонка,
Ты не очень
Сегодня нас за вспыльчивость вини!

Попробуй вникнуть в наше огорченье:
За веком век скрывался без следа –
Казахи поздно
Пристрастились к чтению,
Зато и горячо, и навсегда.

И за себя мы приобщились к свету,
И за того,
Кто жил у тьмы в плену...
Я утром в нетерпенье жду газету –
Прости мне, почтальон, мою вину!

БЛАГОДАРНОСТЬ

Сто раз тебя благодарю,
Сто раз тебя благодарю
За согревающее лето.
Хоть стылый ветер завывал,
Хоть круто вился перевал,
Хватало мне тепла и света.

---

¹«Длинные уши» – слухи, передаваемые в степи от юрты к юрте.

Сто раз тебя благодарю,
Сто раз тебя благодарю,
За верность свежести крылатой.
Не просто я вернул себе –
Вернула ты моей судьбе
Потерянное мной когда-то.

Лишь прикажи – и в миг любой
Готов поднять я над собой
Груз, равный тяжести планеты.
Так боевой, но старый копь
В копытах чувствует огонь.
Хоть время катит не к рассвету.

Я не заметил – счастлив, рад,
Как полдень перешел в закат,
Перевалил излишне скоро.
Алеет небо до поры,
Но нет уже былой жары,
И солнце клонится за горы.

Не угасай в любой ночи –
И солнце вновь вернет лучи,
И луны высветятся ими.
Шуршат под ветром ковыли.
Я слышу в шепоте земли
Твое волнующее имя.

Все то, чем громок я и тих,
Чего достиг и не достиг,
Несут мои стихотворенья.
Сто раз тебя благодарю,
Сто раз тебя благодарю,
За эти годы вдохновенья!

СЧАСТЬЕ

А счастье – это что?
От хвори исцеленье?
Сон, вверивший тебе на сказочность права?
Нет, счастья не объять таким определеньем,
Условием таким, как, скажем, дважды два!

Ведь счастье для одних в почетном долголетье,
А для других – в рублях
Из тех, что подлинней!
В растущих сыновьях и дочерях – для третьих,
А для меня – в смешенье солнца и теней!

Любое торжество беспечно лишь отчасти,
Хоть мне других винить в оглядке не дано,
Я лично сам за то,
Чтоб радоваться счастью,
Коль кровью и трудом заслужено оно.

Мы делимся с народом счастьем постоянно,
И снова нам народ его передает.
Так капли
Создают стихию океана,
А люди, мы – твое могущество, народ!

ТВОИ ОГНИ

Твои огни мигают. Но доньине,
Как горизонт, они всегда вдали.
Мои следы
Под сводом темно-синим
Травую и годами поросли.

А помню, искры рассекали воздух,
Как чайки, что кружить не устают.
В тепле их грелись утренние звезды,
Луна по ним сверяла свой маршрут.

Твои огни пространство прорезали –
И я в морозы ощущал жару.
Я мог их и с закрытыми глазами
Сыскать под утро или поутру.

Твои огни мигают. Но едва ли
Найду я силы,
Чтобы их раздуть:
Они ли нынче отступают в дали?
Мои ли чувства вспять относит путь

СВОЯЧЕНИЦЫ

(Шутка)

Спасают или губят
Манящие зрачки?
Смеющиеся губы
Нежны,
Как лепестки.

Сестрицы
С полсловечка
Тотчас поймут меня.
Придержут за уздечку
Горячего коня.

Расстелют одеяло –
И я усядусь, горд.
Их щеки
Рдеют ало,
Как зреющий апорт.

Не смолкнут на минутку
Дразнящие уста.
Пленяет справа шутка,
А слева – красота.

Одни смеются кротко,
Другие – все бойчей.
Летящая походка!
Двусмысленность речей.

Для гостя
Стол и слово.
Насмешницы слегка
Похвалят молодого,
Утешат старика.

В напев сольют дыханье.
А то,
Грозны на вид,
Устроят состязанье –
Чья ловкость победит?

И станут веселиться,
Любого тормоза...
Где ныне озорницы –
Балдыз и кудаша?¹
Где прежнее веселье?
Ведь в давние года
И мы
Не от безделья
Резвились иногда.

Таких проказниц ныне,
Пожалуй, не найдешь.
Чего же ты
В гордыне
Дичишься, молодежь?

Зачем же мне
В молчанье

---

¹Кудаша – старшие сестры жены, балдыз – младшие. По обычаю, зять подолгу выслушивает их поддразнивающие речи.

Скучать за часом час,
Коль держишь ты
И знанья,
И песни про запас?

Влеки,
Теряй рассудок,
Волнуя и дразня.
И не жалей
Ни шуток,
Ни смеха для меня!

Пусть к лицам
До заката
Не прикоснется тень!
Смотрю я виновато
На отшумевший день...

Не с ним ли это
Вместе,
Как зять, стою я, тих,
В кругу поющих песню
Своячениц своих?

Почет мне не случайно
До самой темноты
Все мне –
И смех,
И тайны,
И шутки,
И цветы.

ЗАВИСТНИКУ

Копашь ты скрытые ямы,
Тайком заметаешь следы,
Все время

Темно и упрямо
Желая кому-то беды.

Кому-то желая провала
И в мыслях
Кого-то губя.
А тот не виновен нимало,
Что сердцем богаче тебя.

Какие, скажи,
Он напасти
Твоей уготовил судьбе?
Вдруг перехватил твоё счастье
И не возвращает тебе?

Похитить сумел у природы
Тебе предназначенный дар,
Чтоб мозг твой
Сушили не годы,
А зависти душной угар?

Невзгоды его и кручины
Твое улучшают житье?
В болезнях его и кончине
Сокрыто бессмертье твоё?

Бывает,
Что миг угасанья
Ценней продолжительных лет,
Когда, прерывая дыханье,
Зовут справедливость и свет.

А ты авторучку
Все чаще
К лихим привлекаешь делам.
В себе, словно мусорный ящик,
Хранишь бесполезнейший хлам.

В тебе озлобленье роится.
Ты в ранние годы свои
Вспоен
Молоком материнским
Иль ядом коварной змеи?

Таланты встречаются – плохо...
Счастливые всюду – беда...
Но к прошлому
Нашу эпоху
Ты не повернешь никогда.

Есть люди –
Опасны для мрака
Сердца их, светлее лучей.
Но есть и такие, однако,
Чья совесть темнее ночей.

Хотя и поменьше их стало,
Я знаю не со стороны
О том,
Что в природе шакалы –
И те для чего-то нужны.

Зверинцы содержат от века
Бесчисленных тварей земли.
Ты нужен там,
Чтоб человека
Принять за тебя не могли.

***

Ему талантов видимых не нужно:
Ведь он и так удачливей других.
Да и с людьми
Водить умеет дружбу,
Верней, не с ними – с должностями их.

СПАСИБО ВАМ, МЕЧТЫ МОИ

Коль стрелок я,
Вы – блестящие монеты
На шестах передо мною.
Вижу в срок я,
Как взмываете вы к свету,
Наполняясь вышиною.

Коль ветряк я,
Вы – мои большие крылья
Под родными небесами.
Коль корабль я,
Вы – шальных ветров усилья,
Принятые парусами.

Коль джигит я,
Обгоняете вы вести,
Мчась степями, как лисицы.
Вам открыт я:
Наяву прожить нам вместе
И во сне не разлучиться.

Коль цветок я,
Вы – густые ливни лета,
Утоляющие жажду.
За глоток я
Серебристой влаги этой –
Песней отзовусь однажды.

Ввысь ползти мне,
Вы – заснеженные скалы,
Вы – приют орлов могучих.
Вдаль брести мне,
Вы – полночных звезд кристаллы,
Млечный Путь в небесных кручах.

Голос звонок –
Это жизнь зовет по праву:
«Смей, гори, страдай и ведай!
Лишь ребенок
Увлекается забавой,
Шалостью, а не победой!»

Знать вам цену –
Знать и помнить цену чуду,
Вечной жажде и размаху.
Неизменно
Будьте вы со мной повсюду,
Чтобы я без вас – ни шагу.

С вами вместе
Никогда не знать мне фальши.
Вы лихим конем смогли бы
Или песней
Вечно мчать меня все дальше...
Вам, мечты мои, спасибо!

ВЕРЮ В ЛЮДЕЙ

Не малость, а сполна
Познал я в детстве
Голод
И в юрте чабана
Меня баюкал холод.

Но к детству
Сквозь года
Не обращу упрека:
Мне не было тогда
На свете одиноко.

Хоть отпускалось зла
Тогда мне

Щедрой мерой –
Вперед меня вела
В людей святая вера.

И в самый трудный миг,
И ночью самой вьюжной
Я верил братству их,
Любви их,
Ласке,
Дружбе.

Когда ревел металл,
Я в скорби и тревогах
Поддержку ощущал
На фронтовых дорогах.

Страшна и ныне
Сплошь
Безлюдная округа:
Без воздуха умрешь
Не раньше, чем без друга.

Я с тем делюсь всегда
Удачей,
Горем,
Счастьем,
Кто зной и холода
Делил со мною часто;

С кем я порою мог
Забывать про все тревоги...
Без веры – и у строк
Ни жизни,
Ни дороги.

ЗЕМЛЯ КОКЧЕТАВСКАЯ

Степная ширь казаху мать –
Не дам ей имени другого:
Ведь в ней
Вершка не отыскать
Мне чуждого или плохого.

Как лысина – солончаки...
Но я пустыню
Клясть не стану:
Веками жили степняки
И на безжизненных барханах.

Где рот сводило жаждой злой,
Сегодня луг
Укрыл просторы:
Очнулись под Бетпак-Далой
Веками спавшие озера.

Ну, что же!
От черты к черте
Пусть земли разнолики будут –
Так по уму и красоте
Между собой несхожи люди.

Но здесь ли подойдет пора
Жить обобщениям в угоду?
Наш Кокчетав –
К нему щедра
Была великая природа!

Она,
Чтоб людям видеть даль,
Приподняла над миром горы.
Она,
Чтоб оттеснить печаль,
Вокруг раскинула просторы.

И с незапамятных веков
Здесь с небом
Подружила землю,
Чтобы просторы, грому внемля,
Вбирали влагу облаков.

Здесь в ясный полдень
И в ночи
Пьянят цветением степь и горы.
Здесь все озера,
Все ключи –
Очей синеющие взоры.

Здесь стужа властвует зимой,
Слышны метелей завыванья.
А летом опаляет зной,
Как юной девушки дыханье.

Зимы размах.
Весны размах.
Но мудрые во всем порядки –
И вот колышутся в полях
Колосьев золотые прядки.

Здесь недра не таят чудес,
Здесь ветры крепкого настоя!
Народ,
Как древний Окжетпес,
Здесь побратался с высотой!

Леса,
Сады,
Луга,
Поля
Сегодня радостью согреты.
Вся кокчетавская земля
Исполнена сегодня света.

Край тихих зорь,
Что так ясны,
Твоим певцом я вечно буду.
Край новизны,
Край целины,
Край праздников и мирных буден.

Хоть здесь Биржаном
Мне не слыть,
А может статься – и Аханом,
Не к ним ли песенная нить
Меня уводит неустанно?

О рае думали они,
До срока в горестях сгорая.
Я утверждаю:
В наши дни
Стал Кокчетав превыше рая!

ЗОВУТ МЕНЯ ДРУЗЬЯ

Мне друзья мои все то же
Говорят в который раз:
– Приезжай в Казань!
Быть может,
Ты напишешь про КамАЗ!

Сердце трогают советом,
О былом заводят речь,
Строя планы,
Чтоб поэта
Ими как-нибудь увлечь.

А печаль поэта точит:
И без приглашений я
Вижу, вижу дни и ночи
Памятные мне края.

Вижу как из-под ладони
Степи Арские вдали.
И тоскую по гармонии,
По живым цветам Шали.

Сабантои!
Помню, каждый
Радовал весельем долгим.
В песнях озеро Лебяжье
Восславляло синь над Волгой.

Вдаль текли Кабана струи.
Мне – в заботе о стихе –
Открывал Казань ночную
Минарет Суюнбике,

Я нефтяникам
С усильем
Руки пожимал не раз.
Чем не новых песен крылья –
Ваша нефть и ваш КамАЗ!

Ах, друзья, не умолкая
Даже в дальней стороне,
Стих Джалиля,
Стих Тукая
Памятью горят во мне.

Навестить бы мне могилы
Тех своих однополчан,
Чьи оставшиеся силы
Таяли от старых ран...

Сколько мне бывать усталым?
Что сказать мне?
Что воспеть?
Да, друзья, долгов немало –
Надо многое успеть!

Приглашать меня вы бросьте
В край, где всем до одного
Свой я:
Ведь не будешь гостем
У себя у самого!

Дружбу я ценю такую,
Что сильней любой молвы:
Вам удача – я ликую,
Я грущу – в печали вы.

Хоть друг другом мы богаты,
Как объездишь
Столько стран:
Ждут Якутия, Карпаты,
Балтика и Абакан.

Сам Кавказ корит виною.
Я подсуден на века
За не пройденное мною,
За не спетое пока.

Ах, друзья,
Людьми размаха
Оставаясь в деле этом,
Приезжайте в край казахов,
Навестите в нем поэта.

Хоть за то,
Что ранней ранью,
Ночью, в ливень и в пургу
Я в мечтах брожу Казанью,
Без которой – не могу!

***

Меня хребтов таинственных
Громады
Всегда влекут к себе издалека.

Охотно я брожу тенистым садом
И слушаю журчанье родника.

О, степь! О, степь!
Я славить не устану
Все, что впервые здесь случилось мне, –
Преподнести красавице тюльпаны,
Услышать жаворонка в вышине.

Здесь детство
Свет предвидело во мраке:
Вот я бегу за смерчем во всю прыть.
Вот руку, словно в гриву аргамака,
Я в молнии пытаюсь запустить.

Со мной восходы солнечные дружат,
Меня закатом радует краса.
Не здесь ли мне
И обжигали душу,
И грели душу черные глаза?

Не здесь ли
Мудрость утвердилась стойко?
Сегодня лёт космических ракет,
Каналы, города и новостройки –
Все, все обязан воспевать поэт.

Но и о том сегодня помнит каждый,
Что главное на свете – Человек.
Вот потому сердце святую жажду
Поэту утолять и в новый век.

Да, Человек – во всем моя опора!
Не вправе прохлаждаться в забытии
Чужое счастье и чужое горе
Поэт воспринимает как свои.

Пусть будет стих
Написан сердца кровью,

Пусть жизнь его пребудет широка.
Пусть в нем схлестнутся
Ненависть с любовью...
Но где же, где такая вот строка?!

***

Свет, пламя и вода.
По их маршрутам
Жизнь торопилась в счастье и в беде.
Но человек и сам замешен круто
На пламени, на свете, на воде!

Из века в век питают море реки –
Так подвигам дано народ питать.
Клокочет пламя в сердце человека –
И каждый может Прометеем стать.

Есть взоры,
Что исполнены привета,
А есть – непонимания и зла.
Глаза людские – вот источник света,
А значит, и целебного тепла.

Не знала наша мысль пересыханий,
Связуя время, как живая нить,
Как бег воды.
Недаром жажду знаний
Лишь только ею можно утолить.

Смешались в людях три стихии эти,
Из нас самих – грядущих нас лепя.
А значит,
Жизнь на нынешней планете,
О человек, зависит от тебя!

НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ

Бесконечной рекой,
Позабывшей покой,
Там и тут, там и тут
Люди тихо идут,
Люди всходят на древний курган.
Люди света полны,
Люди потрясены,
Словно мертвым пора
Подоспела с утра
Проступить сквозь безликий туман.

Все идет и идет
Ныне мирный народ.
Сколько лет, сколько дней
Длится песня камней –
Говорит о былом Сталинград:
Забывая про страх,
Рвется к городу враг.
На Царице-реке
И на Волге-реке
Насмерть смертные люди стоят.

И свинцовый буран
Дышит зло на курган.
И, поднявшись вдали,
На страданья земли
Солнце тускло глядит с вышины.

Синева не пуста –
Солнце светит всегда.
Дым и копоть ему
Уготовили тьму –
Дым и копоть ему не страшны.

В мире нет немоты –
То как вести беды,

То как вести побед
Сводки памятных лет:
«Прошлым вечером наши войска...»
Песнь летит по стране
О священной войне.
И под посвист свинца
Строже бьются сердца,
И любая слезинка горька.

Явь грохочущих дней
Восстает из камней.
И сквозь годы вперед
В бой идет и идет
Под резцами воскресшая рать.
Тонко взвизгнул металл –
Сын на землю упал.
И над мертвым бойцом,
Над бескровным лицом
Держит знамя скорбящая мать.

В дни сражений стократ
Духом крепнет солдат.
Но смирилась гроза –
Что ж мы прячем глаза?
Что же взор их не тверд и не сух?
За стеною стена
Здесь несет имена:
И сникает вдова,
Ни жива, ни мертва,
Словно муж ей откликнулся вдруг...

Это памятник тем,
Кто, от ярости нем,
Встал здесь давней порой.
Этот каменный строй –
Как войска на святом рубеже.
Здесь сраженье – и все ж
Ты отсюда уйдешь,

Унося не войну,
Не печаль, а весну,
Унося обновленье в душе,

С постамента в зенит
Гордой песней летит
Год за годом подряд –
Сталинград, Сталинград –
Символ мощи и чести страны.
Здесь сраженье – и все ж
Ты отсюда уйдешь,
Как другой человек,
Давший клятву навек
Быть достойным героев войны.

ПОСЕЛОК ДЖАМБЕЙТА

Открыт поселок ста ветрам.
И все же
Не ждет он для себя иной судьбы.
Здесь нет лесов, как нет и гор, похожих
То на девичью грудь, то на горбы.

Великих рек
Не встретишь в месте этом.
И солнце знойно смотрит с высоты,
Как Шидерты пересыхает летом,
А с ней – Калдыгайты и Уленты.

«Река Тамды могуче катит воды,
Река Тамды качает пароходы.
Ты лебедью, я соколом над ней.
Моя рука – крыло твоей свободы!»

Вот так в поселок девушку когда-то
Зазвал джигит,
Вернувшийся с войны.
А на речонке нет

Ни перекаатов,
Ни пароходов,
Ни крутой волны.

Речонку перепрыгивают дети,
И курице речонка не страшна.
Но тем, кто сердцем
Любит дали эти,
Всегда широкой кажется она.

Вода ее слегка солоновата,
Как будто это чистый пот земли.
Здесь люди
Впечатленьями богаты.
Их сказочные были увлекли.

Сердца людские здесь непобедимы,
Они в стремление к свету и добру
Способны укротить любую зиму,
Смирить любую летнюю жару.

Какая благодать – рассветной ранью
Проснуться в голубых лугах Тамды,
Когда вокруг,
Как городские зданья,
Стоят рядами сенные скирды!

Вдали хлеба раскинулись привольно.
Светла, трудолюбива и строга,
Речонка верит,
Что однажды волны
Ударят здесь с размаху в берега.

Уже в квартиры, словно дар чудесный,
Пришла артезианская вода.
Мелодии бурлят в домах,
И песни
Взлетают над поселком Джамбейта.

Проснись и встань однажды
Утром рано:
Хоть мало все еще садов вокруг,
Здесь степи за весенние тюльпаны
Не требуют ни денег, ни услуг.

На стройках, упоенных высотой,
Здесь собрались все говоры страны.
Здесь дни влекут рабочей красотой,
Здесь ночи, словно дни, озарены.

Здесь праздник вынуждает к откровенью.
Здесь,
Точно специально для пиров,
Деревья, как шатры, богаты тенью,
А степь – что дастархан земных даров.
Здесь говорят:
«В труде устанут руки,
Но будут хлеб, отары и стада.
Но знать не будут ни нужды, ни скуки
Красавицы, попавшие сюда!»

И веришь, веришь
Тем словам открытым.
А чем тут вы, красавицы, горды?
Вы – крылья верные своих джигитов,
Орлов, парящих в небе Джамбейты.

Питают землю здесь
В мечтах о чуде
Снегов и ливней щедрая вода.
Здесь землю потом орошают люди,
Рожденные для подвигов труда!

ОСЕНЬ

Пока еще жара ее крута,
Пока цветов не меркнет красота,
Похожа осень на мои полвека,
Не верящие в злые холода.

Росой умыта – в чем ее надлом?
Но осень летним держится теплом.
Но в главном осень – как мои полвека,
Чьих дней в грядущем
Меньше, чем в былом...

Еще сверкает молния, строга,
Но не поджечь ей сенные стога.
И с грустью осень, как мои полвека,
Глядит, глядит
В зеркальность родника.

То снег, то дождь,
То вестниками тьмы
Вновь наползают облаков холмы.
И стынет осень, как мои полвека,
На зыбкой грани лета и зимы.

Сады, пустея, грустно смотрят вдаль,
Их веток оголяющихся жаль.
И осень, осень, как мои полвека,
Таит под сердцем тихую печаль.

Желтеет степь, куда ни посмотри.
Но то не отсвет золотой зари.
То просто осень, как мои полвека,
К таким тонам приходит изнутри.

Холмы, деревья – все, что на виду,
Подчас горят в лучах, презрев беду.

Но знает осень, как мои полвека:
Двум веснам не бывать в одном году.

Зато каков сейчас ее размах!
Какой итог работ в ее плодах!
Такая осень, как мои полвека,
Как труженик полей,
Всегда в делах!

***

В этот миг посланцам красоты
От людей не надо утешенья.
Посмотрите,
Вон стоят цветы –
Все в слезах живого обновленья.

Грусть растений,
Быстро проходя,
Никогда растения не губит.
Вон сверкают влагою дождя
Лепестков пылающие губы.

Радостно,
Естественно,
Легко
Плачется цветам в минуты эти.
Матерей грудное молоко
Так вбирают маленькие дети.

Пусть цветы задремлют –
В свой черед
Их разбудит мудрая природа.
Пусть к цветам предчувствие придет
Праздника и продолженья рода.

ТУРГАЙСКИЙ РАССВЕТ

Под солнцем
Даль светла,
Даль дышит теплотою,
Как будто бы снесла
Яичко золотое.

Тургаем в эту пору,
Как зеркалом чудесным,
Отражены просторы
И птицы в поднебесье.

Я слышу,
У реки,
Волнением объаты,
Вздыхают ветерки,
Ликуют лягушата.

Пугая карасей,
Пронзают щуки воду.
А в небе –
И гусей,
И уток хороводы.

А небо,
Как шатер,
Слепит голубизною.
Сары-Арки простор
Лежит передо мною.

Светлы ее деньки
От юности до лета.
Хлеба Сары-Арки –
Вот времени примета!

В рассветные часы
Увидеть довелось мне,

Как, словно бы усы,
Топорщатся колосья.

Нет, дерзких удалцов
Здесь не страшила гибель.
Амангельды бойцов
Давал твой край, Джангильдин.

И ныне здесь,
В степях,
Пылающие души:
То русский, то казах
Тебя в объятьях душат.

Здесь подняли они
Свободы нашей знамя.
Здесь подняли они
Трудов целинных знамя.

Пройди из края в край
Ты эту землю-птицу,
По имени Торгай¹,
По существу – орлицу.

Я всю ее прошел:
Вон там
Встречал рассветы,
А тут под вечер вел
С деревьями беседы.

Куда ни кинешь взор,
Здесь труд,
Борьба,
Цветенье.
Для подвигов – простор.
Для песен – вдохновенье.

---

¹Торгай – воробей.

Подобно соловью,
Хлеба,
Березы эти,
И души, и рассветы
Я честно воспою!

***

Без солнца утро не настанет снова,
Не будет силы у меня в плечах,
Из века в век
Судьбу всего живого
Проносит солнце на своих лучах.

Я славлю солнце!
Без тепла и света
Любые блага жизни не по мне.
И сердце – образец ли солнца это?
Иль солнце – образ сердца в вышине?

***

Хоть сто тюков тащи он неустанно,
Один из нас – еще не весь народ.
Так карлик и в одежде великана
За великана все же не сойдет.

***

Мы очень непросты.
И оттого-то
В нас столько граней, как их ни таи!
Все знают про чужие недочеты –
Но многие ли знают про свои...

***

Судьбу я заклинаю жизнью всей:
Глаза и речь мне сохранить сумей!
А будут споры – так не с честью споры.
А ссоры – так не с женщинами ссоры!
А если враг – так хоть не из друзей!

***

Меня ли, критик,
Ты ослабишь рвением –
И родинка бывает украшением.
Коль худший из поэтов равен мне,
К чему мечтать о большем возвышеньё?

Меня ли, критик,
Ты ослабишь рвением –
И родинка бывает украшением.
Коль самый невезучий равен мне
Из всех певцов, – умру без сожаленья.

ГОДЫ

О, годы!
То, как в забыты,
Песком текут они жестоко,
То трудятся, как муравьи.
То все сметают, как потоки.

И, глядя на окрестный мир,
Я славить время не устану:
Оно – великий ювелир –
Отшлифовало объезяну.

Но иногда двадцатый век
И сам теряется уныло:

Она ли – падший человек?
Иль человек – прогресс гориллы?

Нет, мы горды своей судьбой.
Мы – люди, хоть не без изъяна.
Сейчас работать над собой
Не станет только обезьяна.

Но это шутки.
А всерьез –
В веках жила мечта о чуде.
И вот уже коснулись звезд
Сквозь время рвущиеся люди.

Да, человек разумно смог
Идти,
Спешить,
Лететь сквозь годы.
И человек сегодня – бог
Живой и неживой природы.

Знаком он с гибелью самой.
И все ж признателен за это
Жаре, валившей с ног зимой,
И стуже, сковывавшей летом.

Когда б не те уроки зла,
Смогли б мы оценить едва ли
И садоводские дела,
И хлебоборбские печали.

То ожидание беды,
То свежий ветерок удачи.
Спасибо, годы,
За труды
Сердец, умов и рук горячих!

Спасибо, годы,
За полет,
За невозвратные усилья!
Тоска и сокола берет,
Когда уже слабеют крылья...

И вряд ли время породнит
Живое творчество с разрухой,
Хоть станет стариком джигит,
Красавица – седой старухой...

Вот так
За годом год мелькал,
Чтоб дать дорогу обезьяне.
Стирает время гребни скал,
Чтоб снова вскинуть их в тумане!

ДАУЛЕТКЕРЕЙ

Тот край лежал,
Зеленою заплатой
На рубище сухих песков держась.
Там озеро с отливом синеватым
Похоже было на верблюжий глаз.

Тот край казался одеялом нежным,
На землю посланным
Самой весной.
Там три-четыре юрты белоснежных
Нисколько не пугал нарынский зной.

Смертельна мука солнечных объятий.
Но, словно бы наперекор жаре,
Беспечный гомон,
Вспыхнув на закате,
Там затихал на утренней заре.

Кумыс весельем управлял с охотой.
Среди людей и пышного добра
Кобызу,
Что звучал пьянящей нотой,
Девичьим смехом вторила домбра.

Лишь изредка влекли ее страданья...
Истомой скован, страстью обуян,
То сладко пел,
То как бы в состязанье
Спешил вступить с гармониями баян.

Бапас¹ игрой не угрожает небу,
Не прокликает вечную нужду.
Нет, нет, он не кусает пальцы
В гневе,
Скорей сосет их, словно те в меду.

И затаенно внемлет мир окрестный
«Печальной деве»,
«Соловью»,
«Невестке».
«Прелестная» влечет к себе сердца,
«Девичья радость» рвется в поднебесье²

Да, трогают людей напевы эти –
И души отпускает суета.
И кажется,
Живут на белом свете
Лишь только торжество да красота.

Да, в том краю
Веселье шло открыто.
Да, край тот не тревожила беда.

---

¹ Бапас – певец.

² Названия кюев Даулеткерей.

Из белых юрт богатые джигиты
Красавиц выводили иногда...

Но и народ мечтал о светлом часе!
Стояла правда у твоих дверей,
Владыка звуков Даулеткерей,
Кюйши,
За песни прозванный Бапасом.

Плескалась нега
У тебя во взоре.
Ты, верно, думал годы напролет:
«Не надо в горе людям петь о горе –
И свой кумыс отравой отдает!»

Так в чем, скажи,
Секрет судьбы великой?
Не в том ли, Даулеткерей,
Что ты,
Давным-давно родившийся владыкой,
Слугою стал... Слугою красоты.

Тебя простые люди воскресили,
А не тираны,
Даулеткерей.
Твое искусство – это наша сила,
Богатство наше,
Даулеткерей.

Тебя народ
Своим считает сыном.
Твои напевы ясные дошли
От самых знойных рубежей Нарына
До самых дальних уголков земли.

УЧИТЕЛЬ

Ты нужен, нужен на веку
И юноше, и старику,
Чтоб их
Обогащать упорно.
Так добывается руда,
Так весны
Свет несут всегда,
И так выращивают зерна.

Ты многим суть приоткрывал –
Не так ли в формы
Льют металл
Струей слепящей и тяжелой?
И устремление вперед,
И первой мысли
Дерзкий взлет –
Все начинается со школы.

Твой труд...
Так ювелир подчас
Шлифует крохотный алмаз,
Так сообщают блеск булату.
Да, главным в нынешней судьбе
Земля обязана тебе
И высь, открывшаяся взгляду.

Ты –
Как над колыбелью мать.
Когда опять, опять, опять
Листаешь школьные тетради,
Ночами не смыкая глаз.
Ты знаниями питаешь нас
Добра и счастья в мире ради.

Учитель!
Пусть тебя стократ

Восславят, возблагодарят
И вознесут на трон из песен,
Чтоб с каждым поколеньем
Впредь
Тебе волшебно молодеть
В труде, который так чудесен!

СЕДОЙ ВОЛОСОК

Настал откровения срок:
Я в прядках, темнеющих строго,
Заметил седой волосок –
И в сердце плеснулась тревога.

Конечно же,
Часа ты ждешь,
Но все во мне похолодело.
И даже
Какая-то дрожь
Волной прокатилась по телу.

Я в зеркале видел:
Рука,
Идя произвольно на это,
Мгновенно коснулась виска
И вырвала старости мету.

Какой был от этого прок?
А с метой – с безжизненной тою
Я выдернул и волосок,
Блестевший живой чернотой.

Забывший о множестве дел,
Вздыхал я с безличным укором.
И в зеркало мрачно глядел,
И думал о старости скорой.

О скорой?
Нет, я не вполне

Был искренен в этом сначала:
За весточкой весточку мне
И прежде она подавала.

Приход ее не был сокрыт.
Но в миг неминуемой встречи
Не станет же славить джигит
Свой день,
Повернувший на вечер...

Хоть с вами, любовь и война,
Имели мы в юности дело,
В далекие дни седина
Коснуться меня не посмела...

Полвека прожить довелось
Под высью,
То хмурой, то синей.
И все же донине волос
Не трогал серебряный иней.

А впрочем, всерьез говоря,
Нисколько он мне не помеха.
И я растревожился зря –
Свой срок у жары и у снега.

Военный буран был готов
Завьюжить мне голову белым,
Хоть знал,
Что никто для голов
Частей запасных не наделал...

Белы облака в синеве.
И может, присутствие снега
Горячей моей голове
На пользу, как новая вежа?

Не знаю, не знаю, друзья,
Как с песнею быть лебединой...
Я слышал,
Без моды нельзя,
А в моде сегодня – седины.
Не знаю, не знаю, друзья!

Нет, я не расходовал прыть,
За модой гонясь без оглядки.
Я рад бы огнем растопить
Морозные ниточки в прядках.

В дерзаньях, а не в забытии
Усваивал я понемногу:
Слова твои – годы твои,
Шагай – и осилишь дорогу!

Дни не возвращаются вспять,
Февраль не порадует жаром.
И вновь жеребенком
Не стать
Вошедшему в силу тулпару.

Зима – так метельна она,
У гор – высота на примете.
Должна быть еда – солона,
Для матери главное – дети.

Земли украшение – сад,
Достойным –
На смену идти нам.
А если вам за пятьдесят,
Пора появляться сединам.

Так смог я волнение смирить,
Бровей, как вначале,
Не хмуря:
Подумаешь, белая нить
Блеснула в моей шевелюре!

Пусть заиндевеет висок
Зимы непременно вестью!
Но жалко мне тот волосок,
Что с белым я выдернул
Вместе...

ГИМН ЛЮДЯМ

Мы капли по сравнению с морями,
Песчинки – по сравнению с горами.
Весы докажут:
Ноев бы ковчег
Не очень-то отяготился нами.

И все-таки мы, люди, – силачи.
Сам бог нас
Не скопировал доньше:
Подбрасываем горы, как мячи,
Моря приводим в знойные пустыни.

Кто б смог коснуться нашей высоты?
Мы – средоточье сил,
Ума
И знаний.
Коль надо, в Ледовитом океане
Мы жарким атомом растопим льды.

Мы с виду статны.
И всегда о счастье –
Любая наша песня, каждый спор.
Кивнем мы – и улягутся ненастья,
Поманим – змеи выползут из нор.

Наш взор лучист,
Как солнце в поднебесье.
Лишь в нашей, в человеческой крови
Живут понятия совести и чести,
Пылают чувства братства и любви.

Жаль, мы порой бываем мелковаты
И жизни у самих себя крадем...
Да, друг на друга,
Точно брат на брата,
С ножом еще нередко мы идем.

А надо б так нам поделиться ношею:
В ад захватить,
Допустим, злость свою,
А щедрость, ум, любовь и все хорошее
Здесь, на земле, оставить.
Как в раю.

СЛОВО К ЖИВЫМ

(Монолог погибшего)

Живые –
В чьих сердцах и свет и песни!
Живые – граждане своей Земли!
Живые –
Те, с кем мы когда-то вместе
На смерть
Сквозь пламя и страданья шли!

Живые –
Те, кто рад бывает детям,
Кто слезы льет –
Несчастней всех на свете,
Когда от смерти близких не спасти..
Живые –
Те, кто как сама природа,
Работает бессменно год от года,
Те, перед кем неторные пути.

Живые –
До сих пор открыты взгляду
И вы и дни, похожие на сны.

Я – память о далеком Сорок Пятом –
По праву неизвестного солдата
К вам обращаюсь в пору тишины.

Победный день!
Он весь не потому ли,
Казалось, был из света сотворен,
И я, как будто в мирном карауле,
Стоял себе, не ожидая пули,
Которой из засады был сражен.

Я падал, падал.
Трепетен и звонок,
Напев в моих ушах смыкал круги.
И материнский голос:
«Мой ягненок!» –
И горькое стенанье сыбызги¹.

Вдруг пламенем лицо мне опалило,
И сладкое, желанное до слез,
Целительное слово – слово «милый»
Из сыбызги до слуха донеслось.

«Мой милый...»
Я дышал неровно, тяжело...
В признаньях не легка и не смела,
Ты даже в письмах, юная казашка,
Меня ни разу так не назвала.

Вот занавес.
Вот он исчез – как не был.
Рыдает вновь казашка-сыбызги.
На грудь мне рушится немое небо,
Неся роями звезды-светляки.

Но, может, то не звезды,
А в прощанье

---

¹Сыбызга – народный музыкальный инструмент.

Глаза друзей, над воином склоненных:
Ведь я губами чувствую касанье
Каких-то капель, жарких и соленых...

А вот и мать лицо мое
Поспешно
Косынкой прикрывает в тишине.
Напев верблюдицею безутешной.
Колебля траур, плачет обо мне.

И тем дыханьем, что слабее слабых,
Последний миг мне встретить привелось.
И ветром доносило
Тонкий запах –
Цветов или девических волос?

Последний миг щедрей иных, однако:
Кольцо на пальце – золотой кружок...
В глазах багряный цвет
Степного мака –
Как тот прощально машущий платок...

Да, многое мелькнуло перед взором,
Уже открытым для кромешной мглы.
Но вот глухая ночь сомкнула шторы –
И рухнула чинара со скалы...

Когда случались бури без пожаров,
И есть ли сожалениям предел?
Старик умрет –
Еще бы жил, пожалуй...
Юнец умрет –
Пожить-то не успел...

Там мать с отцом свалило вестью лютой,
А тут вдова рыдает до восхода.
Как обо мне тужили?

Пал в минуту,
К которой сам, мол, шел четыре года?

Да, жалко было уходить из жизни,
Когда я сам поверил: не умру!
Когда я зорями своей Отчизны
Мечтал налюбоваться поутру.

В лугах зеленых поваляться мне бы,
Женитьбою порадовать бы мать.
Внимать степным бы песням.
Звезды в небе
Ночами бы безлунными считать!

Мир рисовало мне воображенье:
Большие города. Леса в тиши.
Достаток. Радость. Славные свершенья.
И – ангельски девчонки хороши.

И я в одной-единственной заботе
Баюкал сокровенную мечту:
Уже тогда я думал о работе,
Не зная, что обратно не приду.

Когда вперед рвались фашисты слепо,
Когда они хлеба и рощи жгли,
Вздыхал я:
«Хоть клочок увидеть мне бы
Освобожденной от врага земли»!

И вот сбылись заветные надежды:
Мы разгромили тех,
Кто шел на нас.
Моя страна свободна,
Как и прежде,
Народ советский
Всю Европу спас.

Тот о самом себе вздохнет едва ли,
Кто дошагал до вражьей стороны:
В жизнь верили и те,
Что погибали
Еще в начале грянувшей войны.

(Понятно, боль, страдания и тревоги
Приносит гибель множества людей...)
Но гордые победные дороги
Как раз и начинались с тех смертей.

Остался ли в живых я в Сорок Пятом?
Тот вечно жив, кто пал в счастливый миг.
Ты сделал, мой народ,
Меня солдатом –
И я твоим доверием велик.

Лишь те герои, кто судьбу народа
Своей считают в пору тяжких лет.
Живые!
Завещаем вам свободу,
Отчизну и наследственность побед!

Вам завещаем человечность, страсти,
Любовь, которых сами лишены.
Пусть ваши внуки радуются счастьем,
Спасенному навеки от войны.

Живые!
И с годами, скажем честно,
Не вправе вы героев забывать.
Поверит в гибель жениха невеста –
Но в гибель сына не поверит мать.

И пусть она ночами спит вполглаза,
Пусть вспоминает в продолжение дней
Мои словечки, детские проказы
И верит в чудо: сын вернется к ней.

Чтоб ведать нам –
Мы памятью согреты, –
Наедине или в кругу живых
Вы лишний раз вздохните над букетом,
На стройке проведите лишний миг.

Вы лишние часок или минуту
Помешкайте и в поле, и в саду.
Пусть наши песни ввысь уходят круто,
Пусть всюду ценят веру в доброту!

Живые!
Да не ведать вам недуга!
Да будет только к свету ваш маршрут!
Планета – хрупкий дом наш.
Но друг друга
Сердца без переводчиков поймут.

Чужие беды не судите строго,
Не хмурьтесь,
Зависть в душах поселя.
Пусть вечно Человека чтит за бога
Трудом перерожденная Земля!

Что от тебя, читатель мой, я скрою?
Во сне я слышал этот монолог.
А наяву за павшего героя
Лишь долг живущих говорить бы смог.

Но разве мы погибших забывали?
Они повсюду с нами там и тут
Работают, преодолевают дали,
Встречают зори ясные – живут.

Живут незримо с каждым по соседству
В том гуле строек,
Что простор донес.

Живут, живут в любом ударе сердца,
И в детском смехе, и в листве берез.

Живут в крылах, чей вымах занебесен,
Живут, грядущих лет наметив ряд.
Живут в названьях городов и песен,
В строю героев нынешних стоят.

Они – и памятник гранитный этот,
И светлый дождь, и молнии излом.
И среди тех,
Кто празднует Победу,
Они за нашим дружеским столом.

КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК

В веках кочуя кто куда
Степной немереной округой,
Когда-то близкие рода
Все отдалялись
Друг от друга.

И города, и цепи гор
Здесь становились
Горсткой пыли.
Пестро врываясь на простор,
Захватчики в степях сорили.

Да, разобщенность тех веков
Могла, замучивая слово,
Рождать и десять языков
От языка-первоосновы.

Гнала рода по сторонам,
Лишала жузы
Общей цели –
И те, подобно табунам,
Брели куда глаза глядели.

Хоть голова цела едва,
Ее ли
Руки защищали?
Но разве знала голова,
Что волки за ноги хватали?

С пришельцем – бой,
С соседом – бой.
И люди, не щадя усилий,
Жилье делили меж собой
И даже матерей делили.

Делили скот в победный миг.
Делили
Душ разъятых части.
И только наш родной язык –
Он не был дележу подвластен.

Не поддавался дележу,
С любым владычеством рассорясь.
Не поддавался дележу,
Как правда,
Солнце или совесть.

Не поддавался дележу
И в черные, что уголь, годы:
«Я общий.
Я принадлежу,
Как жизнь и смерть, всему народу».

Собрать, как будто зерна, смог
Он множество сердец казахских.
И победителем эпох
В конечном счете оказался.

Не истощался в старину,
Какое б ни давило бремя.

В себе морскую глубину
Он сохраняет в наше время.

Он нужен сам
Морям иным.
И в мире сыщутся едва ли
Не постигаемые им
Заботы, мысли или дали.

Кто превзошел наверняка
Язык и его омоложение?
Какая древняя река
Похвалится таким теченьем!

Но, понимающий других,
Язык наш не застыл уныло.
«Гордись, – внушает наш язык, –
Коль многое тебе под силу!»

Постыдно сыном слыть того,
С кем ты душой не слился вместе.
Язык наш!
Пусть живут его
Во мне слова, понятия, песни.

Цвет кожи и лица черты –
Быть узанным по ним не ново.
Земля!
Меня узнаешь ты
По действиям без суеты
И звукам языка родного!

ЗНАКОМ КАЗАХ МНЕ

Памяти Мажикена Бутина

Знаком казах мне тот,
Что в сердце носит
Вас, окрыленность, мысль и широта:
Хоть сам он смуглый и темноволосый,
При нем светло становится всегда.

Знаком казах мне, о котором люди
Толкуют как о дерзостном борце:
Пусть тучи гром над ним
Роняют люто –
Покой и ясность на его лице.

Знаком казах мне.
Хоть его победам
Земных рулей касаться не дано.
Считает он, что для него планета
Не тяжелее, чем веретено.

Знаком казах мне – и мое желанье:
Пусть каждому познать бы повезло
И ум его,
И щедрость,
И дерзання,
И редкое сердечное тепло.

Знаком казах мне смуглый,
Но с душою,
Ни разу не темневший ни на миг,
Хотя подчас к лицу ему такое,
Что, верно бы, смутило у других.

Он, встречному протягивая руку,
Преград не опасается при этом.
И словно бы испытывает муки

При звуках слов
«Никак» или «да где там».

Хотя и свой для всех,
Но по-пустому
Нигде не заведет он разговора.
Он в жизнь влюблен, как в женщину.
Он дома
В любой из четырех сторон простора.

В пути,
В делах почти что постоянно,
Готов он к дружбе всей своей судьбой:
У чабанов несут ему барана,
В цыганском таборе – и там он свой.

Краса и скорость в пору аргамаку,
А человеку в пору доброта.
«Вот образец джигита и казаха!» –
О нем повсюду судят неспроста.

...Такого знал казаха я, поверьте,
Который не кичлив был и не слеп.
Казалось мне.
Отмечен он бессмертьем,
Как наше время или наша степь.

Я стал писать о нем
По зову долга –
Но вот в печали дети и вдова...
Виню себя за то, что слишком долго
Копил о нем сердечные слова.

Я знаю многих истинных джигитов
(На одного их меньше стало вдрут)...
Я знаю тех,
Кем время знаменито, –
Умей их только различать вокруг.

БАЛЛАДА О МАТЕРИ

Я слышал, все сравненья не в новинку
Ей были – с чем же я ее сравню?
К ней все сердца клонились,
Так травинки
Под ветром сами клонятся к огню.

Я слышал, что джигиты без успеха
Вздыхали вслед красавице такой.
Ночами сна лишались,
Днями – смеха,
Теряли речь, беспечность и покой.

Я слышал, юрту старую тревожа,
Калым сулил ей тот, кто именит.
Но девушка сказала:
«Станет все же
Мне мужем не богатство, а джигит!»

Я слышал,
В песнях восхвалялась с пылом
Жена, нежней которой не найти:
Пять сыновей она в дому растила,
Едва достигнув двадцати пяти.

Все лучшее, что женщинам присуще,
Казалось, воплотилось в ней одной.
И мать ласкала сыновей, а мужа
Сердечно называла:
«Мой родной».

Но счастье –
Это ветреная птица:
То улетает,
То вблизи садится.

Но счастье – как зима:
То вьюгой жмет,
То согревает робкими лучами
Пришла война.
И женщина в печали:
«Прощай!» –
Шептала ночи напролет.

И шестерых мужчин в доме не стало.
Но женщина в слезах не билась шало,
А тайные рыдания ее
Подушка до рассвета приглушала.

Мать пятерых солдат, жена солдата,
Чтоб прежней
Твердость сохранить свою,
То за кетмень бралась, то за лопату,
То поднимала тяжкую бадью.

Седую стала, щедро тратя силы
В нелегкую военную страду.
К ней черная бумага приходила
Шесть раз – но мать не верила в беду.

Сынов сзывала каждую минуту
И мужа окликала: «Мой родной!»
Так и живет она.
Знать, потому-то,
Как матерью, мы дорожим страной!

Так и живет.
Рожденьями богаты
Теперешние семьи там и тут.
И не случайно многие ребята
Ее сердечно бабушкой зовут.

В ее дому приветливо от гула:
Гостей встречает радостно она.

Она им – мать.
И носит пол-аула
Ее сынов погибших имена.

Родился мальчик где-нибудь –
И снова
Ее глаза чуть-чуть увлажнены:
Он имя получил «ее родного» –
Солдата, не пришедшего с войны.

Признательность такая трижды свята.
И не молитвы шепчет в забытьи
Мать перед сном, а лишь:
«Мои ягнята!
Родной мой! Верблюжата вы мои».

ДОЙДУ ДО ГОРИЗОНТА

Он, как волшебная черта,
Манил, манил меня туда,
Где все,
Казалось, незнакомо.
Он краем скатерти степной
Всегда лежал передо мной
В одном лишь оклике от дома.

Как обруч,
Окаймлял поля.
И, словно синяя земля,
Скрывал загадочную небыль.
Как будто юрточный шанырак,
На нем покоился в веках
Невозмутимый купол неба.

А где ж соседний был аул?
Я, в дали всматриваясь зорко,
Сперва – мечтал,

Потом – дерзнул
Достичь однажды горизонта.

На прутике, как на коне,
Без спроса по родной стране
Я мчал,
Неведением объятый.
Чужой приблизился аул.
А синий берег ускользнул
И дальше отступил куда-то.

Сменился дней беспечных ряд.
И вот уже в иные сроки,
Как помнится,
Я был бы рад
Весь день проказивших козлят
Привязывать к черте далекой.

Потом, когда в упряжке лет
Я шел и шел вперед,
Согрет
Мечтой высокой и желанной,
Качался горизонт, маня,
Держась,
Как прежде, от меня
В одном лишь оклике гортанном.

Всех привлекала эта близь:
Отары шли в траве зеленой,
И кони падали со стоном –
Сминались потные попоны,
Подпруги гнили и рвались...

Плыла от горизонта ночь.
И солнце – древнее светило –
Там плавилось,
Скрывалось прочь,
А утром снова восходило.

За полстолетия дорог
Я столько прошагал,
Что мог
Длиной их обвязать планету.
Я к горизонту шел, удал,
И не заметил, как устал
Спешить к тому,
Что рядом где-то.

Устал?
Нет, сотни дел подряд
Мое отчаянье теснят,
Хоть с горизонтом-то, однако,
Все что-то разделяет нас:
Кто знает,
Вечность или час?
Кто знает,
Даль или полшага?

Сейчас никто не устает –
Крылатые настали годы.
Так пусть,
Как горизонт, вперед
Зовут и манят нас походы.
О горизонт!
Презрев опасность,
Достичь его я должен в срок –
Крылом мечты, иль парой строк,
Иль только кончиками пальцев...

ХЛЕБНАЯ ОСЕНЬ

О степь моя осенняя!
Недаром
Улыбками ты вся озарена.
И сплошь покрыто трудовым загаром
Твое лицо над кручами зерна.

Спит ветер в бороздах.
На вольной воле
Солома разметалась там и тут.
Лишь вымокшие перекасти-поле
Никак себе приюта не найдут.

Да, осенью в родстве вот эти шири
Живут,
Судьбу и радости деля.
Как женщина, родившая батыра,
Спокойно отдыхает мать-земля.

Батыру имя – хлеб.
О степь, всмотришься ты
В те дни. Ответь, смогла бы ты сама
Червонным просом, серебристым рисом
Набить мешки – не то что закрома?

Груз клячи
Конь везет порою в дали.
Добро в ответе за иное зло...
Голодной, степь, тебя мы называли.
Но ты прости нас – это все прошло.

Прости от имени садов и пашен,
Сменивших жизнью прежнее житье,
Чтоб всенародно
На просторах наших
Мы собирали золото твое.

Прекрасны, степь,
Дары твои, и цели,
И тот особый трудовой азарт.
Стать объясненьем мужества сумели
Два слова – казахстанский миллиард.

Они питают новые дастаны
Моих друзей вблизи и вдалеке.

И сам я тоже
Славить не устану
Тебя, о степь, тебя, о далеке!¹

НА ЗЕМЛЕ ПУШКИНА

1. Михайловское

Так своевольно времени течение,
Что не предугадать наверняка:
Каким событиям суждены мгновенья,
Каким – тысячелетья и века.

Михайловское.
Нет для песен пылких
И глуше, и безрадостней угла.
Но если бы не та царева ссылка,
Михайловское слава б обошла.

Глядишь, в безвестность канули навеки
И те, кто был, пожалуй, знаменит.
Но эти вот луга, леса и реки
Высокая поэзия хранит.

Михайловское – наша Мекка это,
Где век двадцатый, честно говоря,
Вознес и клетку соловья-поэта
Превыше трона самого царя.

Поэзия здесь властвует открыто.
Михайловским одним
Века подряд
И то была б Россия знаменита.
А в ней еще Москва и Ленинград...

---

¹Далеке – степь.

2. Святогорский монастырь

Да, славятся церкви обманом искусным.
Но я откровенно о том говорю,
Что добрые, теплые, светлые чувства
Питаю вот к этому монастырю.

Здесь был настоятель.
Тогда он поэта
За грешника принял иль за божество?
Но Пушкина все ж приютил до рассвета
И место нашел для могилы его.

Здесь своды обрушиться могут от жеста,
От шороха – сдвинуться кладка камней.
Теперь уже Пушкин
Нашел для них место
Под сенью немеркнувшей славы своей.

3. Памятный камень

На письменном столе в Михайловском доме-музее находится принесенный туда еще самим Пушкиным камень, о который якобы споткнулась Анна Керн.

Не знаю, это был иль небылица,
Но слышал я, – колени преклоня,
Молила бога не одна царица:
«О, сделай, сделай Анной Керн меня!

Любовью одари:
Ведь в дни заката
Не тешит и дворцовое житье...
Пусть памятник, что подороже злата,
Сквозь годы имя пронесет мое!»

Что ж, власти у цариц
Довольно много.

Но стоило ли им взывать с колен,
Коль адрес был вполне земным у бога –
У бога, создавшего Керн из Керн.

А впрочем, Керн, похоже, твердо знала,
Где следует споткнуться в самый раз:
Ведь позабыто, право же, немало
Былых красавиц
С солнцем в глуби глаз.

Когда создатель воскрешал кого-то,
Хоть многих наделял бедою он?
А Керн бессмертной
Сделали не годы –
Минуты, походившие на сон.

Она до нас донесена стихами
И впрямь, «как гений чистой красоты».
Неужто на столе тот самый камень
Оставлен в память женской глухоты?

Казался он поэту талисманом,
Порой до слез расстраивал певца.
Что ж ты в деревню
Не прислала, Анна,
Хотя б два-три пустячных письмеца?

Конечно же, тебе известно было
О смерти Пушкина.
Но и тайком
С цветами не пришла ты на могилу
Того, кого считала чудаком.

Кто бурю укротит в минуты гнева?
Кто с гениальностью сроднит покой?
Всегда ли вы и все, о сестры Евы,
Доступны нашей логике мужской?

Восславлены вы были и воспеты
Великими сердцами.
Но, увы,
Паденья ваши – горе для поэта,
Поэт сорвется – рассмеетесь вы.

Певцы за вас
Летели в бой над вами –
И страстью разрывало им сердца.
Но разве грех и Евы, и Адама
Не всех наследство – только лишь певца?

Пол-яблока – и рай предстанет адом?
Певец не ради прихоти пустой
Возлюбленную
Редкой красотой
Сам наделяет щедро и богато.

Сам ей дарует ангельские крылья.
О женщины!
Лишения терпя,
Для вас бы мы весь рай освободили
И все грехи бы взяли на себя!

О женщины! Простите за упреки,
За обвиненья, может, без вины.
Простите!
Память Керн вот эти строки
Задеть или принизить не должны.

Пристрастьем к Пушкину зовется это.
Как в дни былые, так и в нашу новь
Не зря глазами вашими
Поэты
Глядят на честь, достоинство, любовь.

Не зря джигиту Пушкину стихами
Дано высоты покорять и впредь.

...Способен
На столе стоящий камень
И каменное сердце отогреть.

ЧАЙКИ

Волна волне идет на смену,
На берег рушится стеной.
И чайки, точно клочья пены,
Летят над каждою волной.

И страшно степняку
Невольню,
И зябко от соленых брызг.
А чайки падают на волны,
Как будто беркуты на лис.

И снова – ввысь из вод зловещих,
Как будто за стрелой стрела.
А в черных клювах птиц
Трепещут
Рыбешек гибкие тела.

Как точен глаз в наскоках шалых
И сколь рассчитан крыльев взмах!
Где чайки гнезда вьют?
На скалах
Или на вздыбленных волнах?

То тихо море и покорно,
То вновь терзает
Край земли.
Как чайки не боятся шторма,
Который губит корабли?

Как эти маленькие птицы
Вершат в ненастье
Свой полет?

Их стайка надо мной кружится
И, видимо, чего-то ждет.

Я хлеб подбрасываю к небу.
И чайки, верные труду,
Но твердо зная цену хлебу,
Хватают крошки на лету.

Валы становятся все меньше,
Бредут нечастой чередой.
Слышны мне
Смех красивых женщин
Да крики чаек над водой.

***

Давно другой дышу я и живу,
Но в сны мои ты проникаешь тенью.
Будь счастлива
Во снах и наяву,
Пока летят, летят, летят
Мгновенья.

В ущельях горных,
Словно в забыты,
Бродили мы до срока безмятежно.
И руки огрубелые твои
Меня касались и тепло, и нежно.

Теперь другие весело поют
В ущельях, где гуляли мы когда-то.
А с тонких рук твоих,
Забывших труд,
Сияет золото холодновато.

Моих волос им не коснуться снова...
Но пусть волнует душу и сейчас
Не стылый блеск металла дорогого,
А жаркий блеск твоих лучистых глаз.

СЛЕДЫ

Мои следы!
Я в мире этом
Весною, солнцем обогретой,
Зимою, осенью и летом
Ищу вас впрок, мои следы.
Я много пил вина и меда,
Я брал от жизни
Год от года
Все то, что наготовил кто-то.
А где трудов моих плоды?

Где?
Ведь легла не стороною
Тропа, оставленная мною.
Не от асфальта ноги ноют...
Так на какой же вы черте?
Ведь это вы
По всем дорогам,
Назло ухабам и тревогам,
Падениям и срывам многим,
Вели к заветной высоте.

Следы мои!
От срока к сроку
Ищу в стихах вас не без проку:
Ведь за собою строки, строки
Тянул я,
Что иголка – нить.
Пусть вас – на шаг, как говорится,
Пусть вы – лишь воробью напиться,
Но вы Поэзии частица –
Вас ей могло и не хватить!

Мы все за кем-то вслед шагали.
Мне тем
Вернуть свой долг едва ли,

Кто прежде устремлялся в дали
И прежде достигал вершин.
Следы мои!
В учете строгом
Сложитесь в цельную дорогу:
Пусть буду я обязан многим,
А мне – хоть кто-нибудь один.

ПРИХОДИТ ВЕСНА

Дождь прекратился сразу,
Лишь прозвучала фраза:
«Ты солнышко мое!»
Смотрели,
Как ни странно,
И солнце,
И тюльпаны
Сквозь ночь в лицо мое.

И надо мной нависли
Порой октябрьской
Листья.
Недаром принял я
И ветра стылый голос,
И поля сонный голос
За голос соловья.

А черных глаз сиянье!..
Мои воспоминанья
Светлы от тех огней.
Ну, кто тогда влюбленной,
Богаче,
Окрыленной
Ходил среди людей?

Сверкавшая алмазом,
Мне юность с каждым часом

Входила в плоть и в кровь.
И жаждал я спознаться
Не с богом,
Не с богатством –
С тобой, моя любовь!

А годы тонут в сини...
Зову я солнцем ныне
Лишь солнце в вышине.
Но улыбаюсь все же,
Коль издали
Прохожий
Кивнет случайно мне.

Сейчас он станет тенью.
Но в это вот мгновенье
Я перед ним в долгу:
Ведь полночью бессонной
Сияющее солнце
Вновь
Видеть я могу.

И вновь, и вновь,
Как прежде,
Тепло дарю надежде,
Дарю ей крылья я.
Пусть сам живу в заботах,
Зато парит в высотах
Поэзия моя.

Не то чтоб «я и вечность»,
А «я и человечность» –
Вот жизненный итог.
Я к этому итогу
Зимой торил дорогу
И летом брел
Как мог.

И мне прозреть не поздно:
Ведь весны – это весны
И глаз,
И душ,
И слов.
Ведь весны – это сила,
Летающая по жилам,
Волнующая кровь.

Я жду весны прихода:
Не просто четверть года
Для нас с тобой она.
Для нас
Прозреньем, новью,
Надеждой и любовью
Приходит в мир весна.

В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ

Я с тем сажу за дружеской беседой,
В ком некогда жил пламенный джигит.
Но трепет губ и вкус вина изведав,
Он сумрачно на прошлое глядит.

Вздыхает
С неподдельным сожаленьем:
– Как юны были мы еще вчера!
Пусть явит милость к новым поколениям
Беспечности и лихости пора.

А то ведь время мчит – и слышен даже
Его копыт громовый перепляс.
Все дальше наша юность, дальше, дальше,
Как девушка, сбежавшая от нас.

Бывает, схлынут вспененные воды –
И ты, как лодка, вдруг на берегу...

Допустим, друг, таков закон природы,
Но одного понять я не могу:

Для нас сейчас
Особенно, на диво
И девушки, и женщины красивы.
Мне хочется подуть на тот огонь,
Когда плывет он мимо торопливо.

Любовь таких вот – что ее дороже!
Еще обильем вин я поражен!
Понятно, речь не обо мне...
Но все же...–
Мой друг умолк и выпил свой боржом.

Тон этих слов улавливая чутко
И видя в них за грустью интерес,
Все попытался обратить я в шутку
И уточнил:
– Естественный процесс!

Искусно обновляется природа.
Искусство обновлением живет.
Как много вин – мы перешли на воду,
Красавиц много – нам стареть черед...

А говоря всерьез, так через годы
В любом коне тулпар очнется вдруг.
Во имя мира этого, мой друг,
Мы пролили с тобою столько пота.

Джигиты, девушки –
В них столько света,
Что ими ангелы бы увлеклись.
Ты рослый, но не на тебя ли сверху
Сын-богатырь поглядывает вниз?

Большое время им сердца тревожит,
(Я посерьезнел...)
И в конце концов
Они на старших все-таки похожи –
На матерей своих и на отцов!

Мы мельче с виду, но не мельче в деле:
Кто б смог, как мы, такое же пройти,
Хоть мы под грузом чуточку осели
И потускнели несколько в пути?

Подругам нашим женственности хватит:
Они любви не знали мелочной,
Хоть лишь одно-единственное платье
В приданое давали за иной.

Конечно, не без дела наши дети:
Деля и счастье с нами, и печаль,
Что в космосе, что на родной планете,
Они, как мы, штурмуют высь и даль.

И нам, отцам,
Есть место в этой жизни,
Где наши плоть и кровь кипят сейчас,
Где наши дети даже в героизме
Похожи, друг мой, именно на нас.

И мы им не откажем в эти сроки
Ни в чем – да будут счастливы они.
Но сам я пору юности далекой
Не променяю на другие дни.

Горжусь я, друг мой, теми временами,
Когда огонь горел у нас в крови.
Нас не омолодить.
Но рядом с нами
Так много силы, красоты, любви!

СЧАСТЬЯ ВАМ, ЛЮДИ

Мы – корни жизни.
Звери повсеместно
И те обожествляли нас сполна.
Мы, люди, велики умом и честью,
В нас, людях, высота и глубина.

А выси раньше всех зря тревожит,
А в глубях до жары не тает снег.
Пусть цветом кожи
Мы подчас не схожи,
Но кровь людская – алая у всех.

Черны, белы, желты мы от рожденья –
Так разные цветы в саду растут.
Так многоцветной радугой весенней
Любуются с земли
И там, и тут.

Нас музыка пленяет многозвучьем.
Степь – тем,
Что изменяет свой покров.
И тот язык богаче, краше, лучше,
В котором больше породненных слов.

У каждого из нас свои надежды:
Ведь разных может мать
Детей родить.
Одним для счастья – пища да одежда,
Другим – покруче гору своротить.

Непросто лишь к покою приобщаться:
И яд, и мед нам преподносит век.
Лишь тот,
Кто не вымаливает счастья,
Достоин гордо зваться – Человек.

Пусть чье-то счастье рядышком, а кто-то
Спешит к нему по тысяче дорог,
Нельзя, чтоб руки были без работы,
Жизнь – без борьбы,
Раздумья – без тревог.

Когда б судьба доверила мне долю
Того большого счастья, что для всех,
Я б сделал так:
Повсюду хлеба – вволю,
Повсюду – песни и веселый смех.

Орлиные бы крылья дал бескрылым,
Чтоб устремлялись радостно
За мной,
Чтобы талантов солнечная сила
Вращала в космосе наш шар земной.

Я щедро оделил бы всех на свете
Любовью материнскою навек,
Чтоб каждый
Из живущих на планете
Гордился древним званьем – Человек.

Да будет полным вымя у коровы,
К нам сад цветущий
Да не будет скуп!
Да не смолкать нам от огня иного,
Чем тот огонь объятий, глаз и губ!

Открылись бы и души, и границы.
Моря бы влагу принесли в пески.
Сердца б смогли
Друг с другом сговориться,
Смогли бы объясниться – языки.

На дружбу я нацелил бы рассветы
И на любовь – как на источник сил.

Я все бы дал вам, люди,
Но при этом
Вас подлости и старости лишил.

Уж если и заведовал бы счастьем...
Но ведь наивен этот разговор:
Тому,
Кто с трудностями вступит в спор,
Зачем к другим за счастьем обращаться?

Тот мягко судит, этот строго судит.
У тех – свой мир,
У этих – свой мирок,
Я всем желаю вам в грядущем, люди,
Людского счастья и людских дорог.

ОДИН ЗНАКОМЫЙ

Я помню, тот работник областной
Приветлив был с другими и со мной.
Друзьям он руки пожимал при встрече,
Знакомых различал в толпе любой.

И скромность проявлял, и широту,
А в чванстве видел вредную черту.
Мне думалось:
Таких бы вот почаще
На службу привлекать в Алма-Ату.

Что ж, поощряют рвенье, говорят.
А наш герой служил не наугад:
За стол солидный он вошел
В столице –
И этому событию был я рад.

Его я на собранье в тот же год
Взял под руку, как некогда, –

И вот
Почувствовал вдруг холод монумента,
Глядящего на мир с иных высот.

На «вы» он тут же перешел со мной:
Мол, деятель он мне не областной...
Да я-то ведь не вел с ним
Дел совместных,
Хоть областной он, хоть еще какой!

Не заходил к нему я в кабинет,
Не знаю, тень в душе его иль свет.
Но встретились мы снова, –
И, как прежде,
Он был сама любезность и привет.

Вполне понятно, что из года в год
Все изменяется и все течет.
Его, наверно,
В должности понизят –
Не зря он вновь знакомых узнает.

В отместку за былое или нет
Я не ответил на его привет?
Аллах, увы, не хвалит за такое:
Какой обидой мог я быть задет?..

МОРЕ

Вновь проснулось море,
Вновь вскипает море.
Серые бороздки,
Белые бороздки
Волны оставляют на песке.
Грохот, с ветром споря,
Тишь сменяет в море.
Но опять летуче

Мчат куда-то тучи,
Растворяясь в синем далеке.

А порою волны
С шелестом невольным
Набегают сонно,
Мирно, утомленно:
Море – как бы в сеточке морщин.
Здесь, вдали от дома,
Все мне незнакомо.
Я смотрю на море
С робостью во взоре,
Ибо я степных просторов сын.

Водная стихия!
Словно бы впервые,
Подойдя поближе,
Я с восторгом вижу
Это зоревое забытье.
Грозная стихия!
Знаю, есть такие,
Кто – штормами питан,
Солью сплошь пропитан –
Хлеб свой добывает из нее.

Да, работа в море –
Как в степном просторе.
Правда, лишь казахи
Знают цену влаге.
И недаром захотелось мне
В эту ширь влюбиться,
С ней во всем сравниться
И волну морскую
В степь умчать родную,
Словно полонянку на коне.

ЛИКОВАНИЕ

С небес,
По-летнему высоких,
Как лук в невидимых руках,
Вот-вот стрелой ударит сокол,
Живой стрелой
Презревшей страх.
Смотри, вот-вот он устремится
На цель – на рыжую лисицу,
Что мечется внизу, дрожа.
Вот-вот из синевы и света
Падет он.
Словно сокол этот,
Ликует и моя душа.

Роняя золото в озера,
Рассеять мрак ночной спеша
И ярко освещая горы,
Ликует, как заря,
Душа.

То – словно ливень предосенний,
То – словно море в белой пене,
Свои же берега круша
И полнясь радостною песней
Сердец,
Стихий
И поднебесья,
Ликует искренне душа.
Она мне кажется батыром,
Готовым хоть скалу над миром
Поднять сверкающим мечом.
Батыром смелым,
Вдохновенным,
Кому и море по колено,
И даже время нипочем;

Кто,
Именами и любимой
И матери своей дыша,
Жив юностью неукротимой,
Жив юностью непобедимой.
Как тот батыр – моя душа!

Любовь,
Цветы,
Простор безбрежный,
Бесстрашие,
Песенность,
Полет...
Душа исполнена надежды,
Душа ликует и поет.

Ликует – и не ждет покоя.
Так пусть,
Как солнце в вышине,
Душа, не тратясь на плохое,
Послужит людям и стране!

БОРЬБА

Сливая честь и силу воедино
И в жаркую борьбу их привнося,
Я помню, в детстве,
Подвернув штанины,
Друг друга брали мы за пояса.

Кто устоит в пылу такого спора?
Кто ловок тут?
Над кем смеются тут?
Быть побежденным – в этом нет позора:
Позор – коль вдруг тебя перешагнут.

Позор... Позор...
И снова ты открыто

Для схватки выбегаешь босиком.
Издравле честь казахские джигиты
Вбирали с материнским молоком.

МОСТЫ

Нет безотказнее мостов,
Нет долговечнее мостов,
Чем песен братское звучанье,
Чем красочный язык цветов,
Чем глаз взаимопониманье,
Чем общность
Дел, забот, трудов,
Чем троп соседство и слиянье,
Чем рук пожатье и касанье...
Нет безотказнее мостов!
Нет долговечнее мостов!

Они надежнее, чем сталь.
И я не знаю лучше средства,
Чтобы приблизить
К дали даль,
А к сердцу – дружеское сердце.

Мосты – их строим я и ты!
И голуби, в лучах блистая,
Летят над нашими мостами,
Летят, касаясь высоты.

ЕСЛИ ТЫ МНЕ ДРУГ

Вместе нам порой бывает туго,
Но и в одиночку нам нельзя.
Упрекай в глаза меня как друга
И хвали как друга за глаза.

Быть безмолвной тенью год от года,
Хоть твоею, – это не по мне.
Честью я не поступлюсь в угоду
Ни друзьям, ни богу, ни жене.

В этом нет рисовки и обмана:
Душу в неизменности храня,
Я такой.
А коль иным я стану,
Пусть твой суд не пощадит меня.

***

Цвет завянет к сроку – ты же знаешь.
Солнце сядет к сроку – ты же знаешь.
Смолкнет песнь любая – ты же знаешь.
Стихнет речь любая – ты же знаешь.

Но когда и кто сумел исчислить
Все,
Что с ним случиться может вдруг?
Ну, а если так, шагай, мой друг,
До конца – уверенно по жизни.

О СТАРИННЫХ ИГРАХ

1. «Золотая бровь»

Стрелком издревле метким был казах!
Джигиты «золотую бровь» в степях
Затеют и, прицелившись в монетку,
Бывало, тихо шепчут: «Аруах!..»¹

Как стрелами сшибить монетки те?
Сверкая, что сережки,
В высоте

---

¹Аруах – обращение к духу.

Висят на конском волосе монетки,
Под ветерком вращаясь на шесте.

Но побеждает дерзостная пруть –
И рвется волоса тугая нить!
Теперь монетку с дырочкою
Можно
К одежде, словно пуговку, пришить.

Теперь удача прочь не улетит.
Хотя в монетку целится джигит,
Сумел он поразить девичье сердце –
Вот главный приз,
Который им добыт.

2. Платочек

Здесь летом все раскалено от зноя,
Зимой буран ревет здесь много дней.
Но чем здесь,
Как не скачкою степною,
Испытывать джигитов и коней!

Батыры схватывались здесь картинно,
Вытаптывалась толпами трава.
Здесь, как пригоршни золота,
Акыны
Бросали гордым женщинам слова.

Здесь под джигитами храпели кони.
И коль горит любовь в твоей груди,
С платочком ты девичьим
От погони
На скакуне стремительном уйди!

Платочек бьется флагом над тобою.
И ты,
Промчавшись дважды по степи,

Поспорь за девушку с самой судьбою,
Избранницу другим не уступи!

Вот – гул копыт.
И крики. И призывы.
Догнать бы скачку ласточке под стать!
Но девушка страдает молчаливо:
Уже в пыли джигитов не видать...

Но вот он – первый!
Вот он – лучик света –
С платочком возвращается в руке.
И девичьим признанием монета
Сохранена в заветном узелке.

Джигит и девушка!
Навек не их ли
Свела победа честная сейчас?
...В моем родном ауле эти игры
Еще мальчишкой видел я не раз.

3. Сегодня

Джигитов удалых сегодня мало?
Или красивых девушек не стало?
Или – коней?
Пусть стрелы в цель летят
И на ветру платочки бьются шало!

Все есть для игр – и степи, и свобода,
И интерес к ним нашего народа.
Пусть в играх испытают дух и страсть
Все те,
Кому вдвоем идти сквозь годы!

СТИХИ О СТИХАХ

***

От улыбки до слез и от мрака до света –
Жизнь строку
Сотрясает сплошной чередой.
И не зря то отрадно, то горько поэту,
Как ревнивому старцу с женой молодой.

Постигая в объятиях строк упоенье,
Он с лихвой получает любви и тепла.
А когда покидает его вдохновенье,
Так скорбит,
Словно женщина это ушла.

***

Без дождика небо – не очень и небо.
Ослон возлежащий в тени – не джигит.
Полотна без красок правдивых нелепы,
И тот не поэт, кто красе не открыт.

***

На месте стоя, не достигь вершины.
Напившись, помни зной и духоту.
Поэт теряет жизнь
Не в день кончины,
А в день, когда упустит красоту.

ТАКОЙ МЫ НАРОД

***

Да, интересный мы народ, казахи,
Как люди с цельной и прямой душой:
Всего сполна, в избытке и с размахом
Нам подавай – в счет бедности былой.

***

Заспорим мы – так обессилеем от споров.
Ключей к нам, открытым,
Ты не подбирай:
Ни в чем не бывает у нас недоборов,
Зато переборов во всем – через край.

***

Никто вовек казахам не был страшен.
Еще с былых времен из мига в миг
И спорим, и поем мы песни наши
Лишь в полный голос –
Не таясь других.

***

Не клинка, подводящего жизни черту,
А лишь слова казах признавал правоту.
И на рай не спешил променять он свободу:
С ней, родной, и в аду, мол, я не пропаду.

***

Понюшка табаку... Из-за нее, желанной,
Мог стать врагом казах.
И другом – тоже мог.
Он в юрте у себя и змей поил айраном,
А после провожал бесстрашно за порог.

***

Степняк, терпя нужду,
Всем сердцем ждал гостей,
И жизнь ему была не в радость без детей.
Он правила в делах придерживался четко:
Купил – не сожалей и продал – не жалей!

***

Казах был – и в ширях стеснен поневоле –
С конем и с камчой неразлучен в пути.
Он знал:
Всем народом найти свою долю
Отрадней, чем личную долю найти.

***

Иной казах и рад бы тишине,
Но рот раскроет – слышно на Луне.
В степях у нас характеров немало,
Да как тут обо всех поведать мне...

***

Казахи другим помогали все вместе:
Пусть те без скота –
Лишь бы те не без чести!

***

Казах бывал без хлеба.
Но, однако,
Без песни нет и не было казаха.

***

Порой казах без юрты жил своей.
Но разве смог бы жить он
Без друзей?

НА МОГИЛЕ МУХИТА

Зимою здесь буран ревет сердито,
А летом даль
Песчаной мглой закрыта.
Зато не раз когда-то Акбакай
Внимал напевам самого Мухита.

«Без Айнамкоз мне песня не желанна.
Я для красы надену два чапана
И с временной подругой посижу:
Она не хуже той, что постоянна!»

Доныне у ненастий на примете
Близ Саралжин слова ликуют эти.
Красавица в объятьях этих слов –
Как серна, вдруг попавшаяся в сети.

Но сколько б нам
Ни горевать всем вместе,
Едва ли от Мухита будут вести:
Тот ныне спит под холмиком земли,
Кого три джуза славили за песни.

Кто, как родник, упрямо и отважно
Близ Акбакая взял разбег однажды.
Чтоб все казахи нынешней порой
Искусством щедрым утоляли жажду.

Мухит во мне и в радости, и в горе.
Я памяти о нем строкою вторю.
Его могилу бережно хранят
Потомки тех,
Кто жил с ним на просторе.

Я долго перед ней стоял в печали.
Молчала степь, мираж струился в дали.
Когда б Мухит за песню плату взял,
Тут не простой мазар – дворцы б стояли.

Но слава не оставила поэта,
Хоть денег он не брал
За то, что спето.
Мухит! Его мы ставим в гордый ряд
Курмангазы, Биржана, Махамбета.

Зачем, скажи,
Зачем к нему пришла ты,
Как та зубная боль, что не унять?
Тебя из сердца вырвал он когда-то,
Так ты во сне явилась вдруг опять.

...Он был тогда – порыв и нетерпенье,
А ты дышала юностью степной.
Казалось, в нем пылало вдохновенье,
А ты дрожала – как над крутизной.

Не слышно было смеха или шуток,
Не ощущалось прежнего тепла.
Боролись в нем безумье и рассудок,
А ты травинку медленно рвала.

Он знал, что ты теперь
Живешь в печали:
Даны права другому на тебя.
А губы твои нежно трепетали.
Не просто ожидая – торопя...

Но как понять такое состоянье
У сбывшейся надежды на краю:
Он сам хотел
Продлить свои страданья
И недоступность сохранить твою.

Мечта прекрасней будничного часа.
В арбу не запрягают скакуна.
Кто лебедя пленить сумеет сразу,
Тот не постигнет красоту сполна.

Ты не казалась больше беззаботной:
Вздых грустен,
Взгляд – немного напряжен.

Твоей растерянностью мимолетной
Не захотел воспользоваться он.

Он лишь потом – с годами – эту тайну
Решился мне доверить одному.
А я молчал и думал не случайно:
Знакомо благородство и ему...

ПИСЬМО ИЗ ДУБУЛТ

Сабаю Ниязову

Слог в Дубултах высок и ясен.
Там море сутки напролет,
Как будто конь у коновязи,
Волной-копытом в берег бьет.

Сырой декабрь.
В тучах небо,
Где солнце вспыхивает вдруг.
Кружатся чайки,
Крошки хлеба
Хватая чуть ли не из рук.

У рыбаков покой во взоре,
Они кивают мне без слов.
Я знаю,
Тот по нраву морю,
Кто в меру сдержан и суров.

Под крылья елей мрачноватых
Иду меж сосен по тропе.
И чувствую себя крылато,
Орлиность чувствую в себе.

Слог в Дубултах высок и ясен.
Недаром здесь ты
Круглый год

К столу рабочему привязан:
Ничто тебя не отвлечет.

Летят часы,
Мелькают числа.
Но вольных замыслов полны.
Весь день в стихах
Теснятся мысли,
Как в буйных травах табуны.

Слог в Дубултах высок и ясен.
А море – как моя строка
Или скакун у коновязи –
Ждет вдохновенья-седока.

Мы здесь хуедем,
Чтоб при этом
Потолще рукопись создать.
Идут дела – сродни мы свету,
Нет – хмари облачной под стать.

Да, здесь мы по любой погоде
В трудах,
Чтоб, за чертой черта,
Как принято в самой природе,
Являлась миру красота.

Но сердце словно бы разбито,
Когда, предвидя свой черед,
Строка,
Как женщина к джигиту.
Сама к поэту не идет.

И жаждешь,
Жаждешь вдохновенья.
А коль его ты не обрел,

Есть от смятенья исцеленье –
Все та же комната и стол...

Я долго б жизнью жил такою,
Когда бы рядом ты, Сабай,
Когда б за каждую строкою
Не плыл бы наш родимый край.

ЗОРИ НАД УЛЕНТЫ

Здесь летом утренние зори
Встают в довольно ранний срок.
В ковыльном зародясь просторе,
Прохладой дышит ветерок.

В лугах не чувствуешь заботы:
Лежишь себе в траве густой –
И чудится,
Что машет кто-то
Платком зеленым над тобой.

Край неба, золотом объятый,
В немереную ширину
Горит –
И словно бы к закату
Теснит поблекшую луну.

На Уленты играют блики,
И вновь слышны лягушки мне.
Здесь детства моего асыки¹
Хранятся на песчаном дне.

Здесь ночь
С лугов и с поднебесья
Кошмой сползает в камыши.
Венера – бриллиантом в перстне –
Мигает изредка в тиши.

---

¹Асыки – кости используемые для детской игры.

Река – похоже, рыба с нею
Играет в отсветах зари.
Как нитки бисера, тускнея,
Уходят вдали фонари.

Притихли утки боязливо:
Вон девушка и с ней джигит...
Куда ж та пара
Над обрывом
Сейчас в смущении спешит?

Куда?
А может, там сквозь годы
Твоя надежда и моя
Идут, волнение затая,
Назад – к далекому восходу?

Там камыша приветный шепот,
Там отдых после всех дорог.
Что это?
Выстрел приглушенный
Или невольный тихий вздох?

Что манит на родную реку –
Особо утренней порой?
Здесь человек
Встает от веку
Лишь до зари или с зарей!

ПОСЛУШАЙ-КА, СЫНОК

Сынок, не смейся над отцами:
Мол, хоть и смотрят молодцами,
Да животы их – с шар земной...
Все было нами перемолото,
Поскольку не боялись
Смолоду

Мы тесноты, нужды и голода,
Гордясь
Негнущейся спиной.

Давно не юные джигиты,
Теперь богаты мы и сыты;
Теперь, как видишь ты,
Открыто
Пришла к нам даже полнота.
Забыты кое-кем тревоги,
Крутые пройдены дороги.
Но пору
Испытаний многих
Мы не забудем
Никогда.

Да как и позабыть такое?
И мой ввалившийся,
Не скрою,
Живот от голода порою,
Казалось, прилипал к спине.
Враги хватали нас за горло.
И все ж
Мы устояли гордо,
Чтоб гордо устоять стране.

Да, в животах отцов немало
Камней и бранного металла.
Но совесть наша
Не знавала
Постыдной ржавчины пока.
А это ли – не испытание?
И согревает нас сознание,
Что нет на свете
Выше звания,
Чем звание фронтовика.

Мы – было время! –
Как верблюды,

Держались сутками не худо
Без пищи и глотка воды.
Отцам
За щедрым дастарханом
Отказываться как-то странно
И от питья, и от еды.

Врач!
Наши позабудь недуги!
Сынок!
Над нами на досуге
Ты не подшучивай опять!
Мы полноваты?
Но недаром
И к тяжести земного шара
Нам с давних пор не привыкать.

9 МАЯ В МОСКВЕ

И вновь на зов победной даты
В Москву приехали солдаты.
И вновь, оставив все дела,
Они, друг друга обнимая,
Перед Большим театром
В мае
Сошлись девятого числа.

Белеют ковылем седины.
На лицах воинов морщины,
А на груди их – ордена.
Их юность в огненной године
Все сделала для мирной сини:
Ведь им,
Растящим внуков ныне,
На долю выпала война.

В названиях фронтов
Все строже

Успехи давние итожа,
Здесь фразы сдержанные схожи
Со сводками Информбюро.
Они пароль к тому, что свято:
И живы павшие когда-то,
И канувшее – не старо.

Здесь смешаны в часы свиданья
И смех, и горькие рыданья,
И встреч грядущих обещаье,
Годам немалым вопреки.
Как журавли весною ранней,
Волнуются однополчане –
Бывалые фронтовики.

Да не о том ли, между прочим,
Они мечтали дни и ночи:
Тот к маю отпуск приурочил,
А этот пенсию сберег...
Взгляни:
Сейчас на самом деле
Фронтовики помолодели,
Как будто вновь шагают к цели
По хлябям пройденных дорог.

Звучанье фраз их не затертых,
Слова их о живых и мертвых –
Как перед совестью отчет.
Отсюда видят люди эти
Войну в ее особом свете:
Тут без отца остались дети,
Там мать доньине сына ждет...

«Мир – он не меньше, чем сраженья,
Рад мужеству и дерзновенью, –
Как будто говорят они.–
Да, нас рассеивает время,
И новое приемлет племя
Ответственность за наши дни!»

Я с грустью думаю об этом
(От веку мнительны поэты!),
Завидуя чужой судьбе.
Хоть нас, фронтовиков,
Немного
Теперь в строю осталось строгом,
Мы служим, Родина, тебе!

Кто лет через десяток в общем
Однополчан на эту площадь
Придет разыскивать опять?
Кто здесь, с театром по соседству,
Найдет друзей,
Пытаясь сердце
В груди хоть как-нибудь унять?

Но так ли все с годами будет?
Покуда есть на свете люди,
Нас ждет грядущее Земли.
Нам вечно жить в столетьях новых:
Ведь труд и свет,
Ведь мысль и слово
Для будущего – мы спасли.

Так пусть легенды про походы
Доносят к нашим детям годы,
А мужество –
Войдет к ним в кровь.
Пусть их зовут отцов заветы,
Пусть в этот майский День Победы
Влекут их дружба и любовь!

ОСТАЮСЬ В СТРОЮ

Что ж, я с учета снят
В родном военкомате.
Теперь, как тот ишак,
Могу в тени залечь:
Теперь, согласно всем
Отметкам и печатям,
От волка на лугу
Не мне табун беречь.

Дорогу молодым
В войсках дают по праву –
Я это на себе
Почувствовал сейчас,
Впервые возроптав
На строгости устава:
Неужто и запас
Отныне не про нас...

Познав солдатский быт
В лишениях суровых,
Отнюдь не состоя
В особенных чинах,
Я званьем капитан.
Но, кстати, это слово
Звучит как «капитан»
На многих языках.

«Вперед!» –
Я видел кровь
И пот
В атаках шалых.
Но первым капитан
С земли вставал рывком.
Нам губы, как жена,
Европа подставляла

И нас потом, как мать,
Поила молоком.

Потом мы и в труде
Гвардейски шли по жизни.
Не требуя доплат
За то, что мы – запас.
Прощай же, военком!
Тебе беречь Отчизну
С другими предстоит –
Теперь уже без нас...

Нет, так пучок травы
К оврагу гонит ветром!
Яви же, военком,
Рачительность свою:
Пускай решит народ –
Останусь ли посмертно,
Но ты меня оставь
Пожизненно в строю.

ПЕСНЬ О ПЕСНЕ

1

Садятся спокойно друзья по местам:
 Зал полон уже – тесно сделалось там.
 Пришли земляки, чтоб послушать поэта,
 И ждут, что сейчас он появится сам.

Но где же поэт? Не пришел? Почему?
 Вон стул, что давно приготовлен ему...
 Тогда-то стихи загремели по залу,
 Со сцены свободно летя в полутьму.

«Кто станет искать в этом зале меня,
 Пусть сделает стих мой полоской огня,
 Узоры стихов моих тихо раскроет,
 Найдет мою тайну, в душе сохраняя.

Пусть ищет. Пускай, не склоняясь, идет
 Мой стих, он окупит дорожный расход».
 Так молвит поэт, нет которого ныне,
 Словами души поднимая народ.

Стихи, за собою ведя нас в грозу,
 Взмахнули крылами... Пожары внизу.
 Суровое время, военное время.
 Жена у окна вытирает слезу.

И песня, и шутка, и мудрый наказ –
В последнем письме, что пред нею сейчас.
Глаза ее черные жадно впивались
В те строчки глухими ночами не раз.

А как же поэт? Что известно о нем?
Ведь весточки нет вслед за этим письмом.
И даже письмо оробело, смешалось,
Не в силах открыто сказать обо всем.

Стиха был неистов и яростен путь,
И он одиноким казался чуть-чуть,
Но вызвал в сердцах он гудящую бурю...
Зал жил и дышал, как единая грудь.

Направлены взоры на эти следы,
Туда же сердца – средь огня и беды.
Уходят они в темень грозного года,
В ту первую осень военной страды.

2

«Рассвет или ночь? Не понять – тишина.
Зачем мы лежим так? И речь не слышна.
Да, кажется, впал я в тяжелую дрему...
Наверное, крепко устал я без сна.

Не дьяволы мы, что умеют не спать», –
Хотел он, смеясь, пробудиться и встать.
Но словно зрачки его были без света,
А смех, пробужденье – лишь в мыслях опять...

Тут мысли его обрываются вдруг,
И мрак воцаряется снова вокруг.
И, словно часы, где завод неисправен,
Бьет сердце неровно, и слаб его, стук.

Оно еще бодрствует, живо оно.
Считать ему горькие муки дано.
А все остальное убито врагами,
Беспомощно тело – ему все равно.

«Но, нет, то не смерти ползущая весть,
Так, сон беспокойный...

Ведь гнев еще есть.

Я знаю, что мне еще много бороться:
Живы и любовь, и упорство, и месть».

И, словно раздвинув неведомый мрак,
Вновь мысли проснулись, отбросили страх.
И сердце забилось и затрепетало,
Тоскуя о новой борьбе и стихах.

«Пока не вступил я в последний свой бой,
Писать постараюсь ценою любой.
Вставай-ка, Муса, хватит ныне валяться?
Перо мое где? Совладаю с собой!»

Но тут же покинули силы его.
Ведь встать – это только желанье всего.
Суставы немеют, и кости разбиты,
И снизилось небо, упав на него.

«Что это со мной? Наяву иль во сне?
Где свет? Хоть бы щелка какая в окне!
И что это медленно давит на плечи?
Друзья, объясните, пожалуйста, мне!»

Но нет, не звучат, не слышны голоса,
Кругом мертвецы, немоты полоса,
Но вдруг, словно луч озарил его память, –
И все, что случилось с ним, понял Муса.

...Тот бой был жесток, длился много часов
Средь вязких болот и дремучих лесов.

Туда и сюда колебалась удача,
Качаясь, как зыбкая чаша весов.

Втянула трясина, подняться не мог.
Обрызганы кровью союзки сапог.
Да, каждого сына шаги измеряла Земля.
И дымился любой буторок.

Отчизна в последний увидела раз,
Как сын ее бился с врагами в тот час,
Как, землю свою защищая, сражался
Поэт и солдат, слыша Родины глас.

Взметнулся огонь, задрожали поля,
И вздох испустила родная земля.
И все закружилось тогда перед взором.
Высокая рухнула башня, пыля.

Весь мир закрутился, как в поле метель,
Как где-то в далеком краю, карусель.
Подумал: «Не танцы ли смерти все это?»
И мысль прервалась, и растаяла цель.

И жизнь потеряла свое волшебство,
Мир сделался тусклым, в нем нет ничего...
В плену началась среди мук и страданий
Поэма о жизни и смерти его.

3

Осенние, страшно холодные дни,
Цепями всех пленных сковали они.
А ночь нарушает покой ненадежный,
Нет ночи без смерти. Ночь смерти сродни.

Муса возле смерти провел много дней,
Ночами он тоже встречается с ней.

Дни тянутся долго. И дня не проходит
Без пыток, которые смерти страшней.

Он гневный стоит, вспоминая бои,
И взоры к врагу обращает свои.
Напротив, в лице поминутно меняясь,
Жандарм восседает с глазами змеи.

Фашистского «рая» скрипучую дверь
Открыв, он уже закрывает теперь.
«Помиловать» он предлагает порою,
А то осыпает ударами, зверь.

– Тебя воскресили мы в эту войну,
Мы рану лечили твою не одну.
Оружие фюрера победоносно,
Избавит твоих и детей и жену.

Для парня, коль благонамеренный он,
Запомни: достойных путей – миллион.
Дается оружие сейчас мусульманам,
Татары составят один легион.

Татарская будет газета. Да-да.
Писать ты стихи свои будешь туда.
Пусть бывший поэт-комиссар у нас служит.
Вот все, что нам нужно, пустяк, ерунда.

Смеется Муса, слов наслушавшись тех,
Как будто бы шутит с ним враг без помех.
И хмурит фашист свои куцые брови,
Таращит глазенки – мол, что за смех?

Забегали глазки со злобой большой
По пленному и по решетке стальной.
Фашист утомлен этим долгим допросом
И явно уже тяготится Мусой.

Измучен Муса, исхудал и устал,
Но держится прямо, и в сердце накал.
Стоит и глядит на врага свысока он,
Уверен, спокоен и тверд, как металл.

Суровы глаза, и в глазах не зрачки,
А словно пылают огня язычки.
Нет, то не огонь.

То свинцовые пули,
Что насмерть разят. Их пути далеки.

Внакидку шинель, что в пыли и в золе,
И кровь запеклася на левой поле.
Играет в устах у Джалиля усмешка, –
Он словно орел на высокой скале.

– Оружье мне дашь – я тебя сокрушу,
Уж я не промажу, всю волю вложу.
Вручишь карандаш – и тогда постараюсь, –
Тебе эпитафию я напишу!..

Дверь «рая» захлопнул молодчик, спеша,
И вмиг заиграл, кулаками круша.
– Пощады проси, если смерти не хочешь,
Иначе расстанется с телом душа.

– Здесь нет души моей, знай наперед,
Душа далеко, ей владеет народ.
Мой славный народ, что велик и бессмертен.
И я не умру, коль народ не умрет.

– Умрешь, – враг ему отвечает рыча.
И сыплет и сыплет удары сплеча.
Смеется Муса, хоть и свалится после,
Опять ни о чем не моля палача.

И год сорок третий настал за окном.
 Снегами покрылись пространства кругом.
 И саблю зима наготове держала, –
 Она лютовала над пленным стихом.

Томились стихи – в жизни радости нет.
 Мечтали увидеть сияющий свет.
 Мечтали они получить от народа,
 Что песни так любит, далекий привет.

Желтеет исписанный тонкий листок,
 И нету дороги ему на восток.
 Грозятся его уничтожить бураны
 Затем, чтоб народ его видеть не мог.

Неужто тот стих, что не слышал народ,
 Всего трех мушелей¹ достигнув, умрет?!
 Но ведь соловей, для свободы рожденный,
 И в клетке, случается, тоже поет.

Но движется время, как будто пешком,
 Годами нагружено, словно мешком.
 А солнце то всходит, то снова заходит,
 Горит горизонт за неблизким леском.

А в лагере мрачно. Доносится стон.
 Тот лагерь пожаром еще пощажен.
 Оправился стих и окреп понемногу,
 И к ритмам иным направляется он.

И найден тот ритм за железом дверей
 (Дни мчатся над миром быстрее и быстрее).
 Нет, он не один. Если надо, поддержат.
 Но кто из сидящих с ним вместе людей?

---

¹ Три мушеля составляют 37 лет.

Кто силу вселяет средь каменных стен,
Быть может, товарищ по имени «Н»?
А может быть, это отчизна родная?..
Муса не сказал, ибо плен – это плен.

Лишь песни поет он, в такт пяткой стуча,
Татарские песни, чья кровь горяча, –
О подвигах, юности славной и тайнах
Джигита, что клялся на стали меча.

«Чем быть мне султаном в чужой стороне...» –
Такие слова невзначай в тишине
Взлетали. И тяжело вздыхали иные,
Любя и тоскуя, сгорая в огне.

Но «нету до этого дела» Мусе,
О песне лишь думы поющего все,
«О чем ты вздохнул? – никого он не спросит. –
О Родине, песне иль милой красе?»

Когда на работу – на много часов –
Палач гонит пленных – живых мертвецов,
То их привлекает всегда на востоке
Густая полоска дремучих лесов.

– За сколько же верст та лесная гряда?
А песня ночная дойдет ли туда? –
Вдруг спросит поэт. И горящие губы
Зашепчут: – Дойдет! Это близко! Да-да!..

Тогда от конвоя украдкой глаза
Впиваются в эти густые леса.
И снова вздыхает какой-то несчастный.
Как жизнь и свобода – лесов полоса.

В бараке большом, чуть не ночь напролет,
На нарах Муса плавно сказку ведет:

– Так вот, понимаете, были арабы – Немало в те дни воевавший народ...

Батыр их один, по прозванию Али,
Однажды был ранен, валялся в пыли.
Тогда-то и взял его в плен наконец-то
Царь вражеской и ненавистой земли.

– «Будь главным визирем моим, старина,
В руках твоих будет и власть и казна, –
Сказал ему царь. – И бери, что захочешь.
Да будет всегда твоя чаша полна!

В супруги красавицу дочку возьми,
И станем тогда мы родными людьми».
А дочка и вправду была так красива,
Как фея, к тому же – из царской семьи.

– «Нет, ваше величество, – молвил джигит, –
Лишь пес там, где кормят, прожить норовит.
Пусты уговоры, чтоб край свой забыл я.
Покуда я жив, он не будет забыт!»

– «Покорность тебе, как я вижу, невмочь.
На что ты надеешься, знать я не прочь».
И смелый джигит отвечал без утайки:
– «Подруга моя – будет темная ночь!»

И что ж? Так и есть, скрылся ночью Али,
В тюрьме кандалы его утром нашли...

– Да, здорово это! Герой настоящий!

– Что дальше?

– Достиг он родимой земли?

– Ну, хватит пока на сегодня, друзья!»

И замер Муса, свои думы тая.

Ночь темная-темная. Тихо в бараке.

И мыслей тревожных течет колея.

Цигарки то вспыхнут, то гаснут опять.
И кто-то сквозь сон начинает стонать,
Ворочаясь тяжело, скрежещет зубами.
Плывет сновидений туманная рать.

А что же Муса? Ждет грядущего он,
Хоть стих его все еще нынче пленен.
Он ждет наступления света и правды,
Где вспыхнут сказания новых времен.

А время, как путник, идет все ровней.
Оно создает караваны из дней.
Во всем своем блеске весна наступила,
Земля обновилась, цветенье над ней.

5

И лес зашумел, что стоит на пути,
Подлесок подрос. Вот туда бы идти.
Плывет, как мираж, и гудит, словно море, –
Эх, если бы не был ты, брат, взаперти!..

...Быть может, ронял их таинственный лес,
А может быть, падали листья с небес.
Но утром в бараке листья находили
Бумаги. И был к ним большой интерес.

И вести о фронте шептали уста,
И прятали руки листья неспроста,
Тревожные души ждут ночи весенней.
Когда эти листья дарит темнота.

Ночами бессонными в думах Муса,
Он ищет для новых стихов голоса.
Рождаются ночью стихи боевые.
И падают листья... На крышах роса...

И падают листья весенней порой,
И молния где-то сверкнет за горой.
О темная ночь, ты подруга джигита,
И несколько пленных исчезло с тобой.

И несколько пленных исчезло в ночи.
О, как всполошились тогда палачи!
Искали с собаками долго и мрачно.
Но разве найдешь тут – ищи не ищи.

А как же Муса? Что в его-то судьбе?
Все так же.

Но сердце поэта в борьбе.
– Ребята ушли, черта с два их поймают, –
Тихонько смеясь, говорил он себе. –

Спасибо же вам, огневые сердца,
Прошедшие сквозь суматоху свинца.
Спасибо вам, стих мой, мой голубь крылатый,
И темная ночь, и леса без конца.

Знать, сказка моя им была дорога,
Вещала им правду, проста и строга.
А скоро мой день, мое завтра настанет.
И стих мой не будет в плену у врага.

С почтением трепетным ранней весной
Прохлады я жду августовской ночной,
Любовь моя к Родине, к недругу злоба
Из лагеря вырвутся вместе со мной.

И Родина-мать, сыну ласку даря,
Обнимет Мусу – своего бунтаря.
Цветами залечит жестокие раны,
Раскинет пред взором поля и моря.

Он ждет, и теперь ему больше невмочь,
Баюкает веру, как дочку, – точь-в-точь.

Ждет солнца обильного, вольного ветра, –
Подругу джигита – безлунную ночь.

К друзьям он придет и не будет в долгу,
За все он сторицей оплатит врагу..
Увы, не удастся мечтам этим сбыться, –
В оковах гестапо он словно в кругу.

6

Как черный колодец, что в камне пробит,
Вонючая камера. То Моабит.
На стенах, полу – сгустки черные крови.
Тюрьма будто гроб, что во мраке стоит.

Неясная, узкая щелка окна,
Решетка железная, видно, прочна.
Такой здесь режим и такой распорядок,
Что жизнь для живых – только мука одна.

И, кажется, этому нету конца.
Окно. У него страшный вид мертвеца.
Не видит луна его ясная ночью,
И солнце сюда не покажет лица.

Лишь слышал Муса звон тюремных ключей,
И с днями слилась вереница ночей.
Порою не знал он – какой нынче месяц,
Но стал голос мести еще горячей.

Лишь сердцем он видел сияющий свет,
Лишь вел со стихами подобье бесед,
И сердце бодрили хорошие думы,
Одними мечтами бывал он согрет.

А в камере узенькой грязно, темно,
И смотрит поэт на слепое окно.

Последние нынче стихи он закончил,
Последнее слово (дойдет к нам оно).

Придется сегодня Мусе умереть...
Что ж, смерти в глаза он готов посмотреть.
Стихи его многие спрятаны другом.
Эх, выжили б только и жили бы впредь!

Да, спрятаны другом. Но кто этот друг,
Когда ежечасно гестапо вокруг?
Нашелся! Повсюду есть честные люди!
Назвать его имя нельзя еще вслух.

А сердце поэта рвалось на восток,
Рождался в той камере мыслей поток:
«Пускай не дадут мне тюремного хлеба,
Лишь дали бы только бумаги листок».

Но кто-то листок протянул ему:«На!»
Пускай не знакомы, но участь одна.
Кто знает, быть может, умрут они вместе,
Ведь многих уже поглотила война...

Меж пыткой и новым допросом часы
Он крал... Где-то грома гремели басы.
Слезами и кровью стихи омывались,
И стлался туман пред глазами Мусы.

О белой бумаге-пеленке мечтал
И видел огромный сияющий зал,
Тот стих, что еще не родился. А после –
Лишь в сердце своем он его пеленал.

«Пусть телу в краю чужеземном лежать,
Но сердце на родине будет опять.
Не дважды погибнуть придется Джалилю.
Стихи не погибли б, о Родина-мать!»

Последний листок исписал он. Пора!
И отдал в надежные руки вчера.
Узнает отчизна родимого сына.
Чья воля крепка и чья сила остра.

За дверью тюремной глухой коридор,
К решетке прикован задумчивый взор.
Но думы его далеко за решеткой,
В краю, где и взору и сердцу простор.

Хоть он далеко от родимой земли,
Но сердце его в той далекой дали.
Лежит перед мысленным взором Поволжье,
Где лучшие годы его протекли.

Как часто, купаясь, нырял он с плотов.
Навстречу течению плыть был готов, –
Глядит он туда – свою молодость видит,
Суровую юность двадцатых годов.

Вся белая, в пене бушует Едиль¹,
Знамена колышутся, кружится пыль.
Едиль! Бей в набат! На защиту Советов!
Тревожное время – великая быть.

А юный Муса – он солдат Ильича,
И то он в окопе, то рубит с плеча.
Пятнадцати лет ему нет еще даже, –
Недель не хватает. И кровь горяча.

Но, правда, винтовка немножко длинна,
И в краску солдата вгоняет она.
Но разве же юность бывает пороком?
Хватает ума, и рука, брат, сильна.

«Родная сторонка, родная река,
О как далека ты, и как ты близка.

---

¹Едиль – Волга.

Да, ты далека – ибо мне недоступна,
Близка – ибо в памяти жив я пока...»

Стоит пред решеткой и смотрит он ввысь,
Минуя тюрьму, вновь рождается мысль –
Сейчас сабантуи в татарских аулах,
Под звуки гармошки ребята сошлись.

«Эй, где гармонист? Начинай, твой черед!
Ребята, быстрее выходите вперед!»
Ах, девушки, эти плясуньи, певицы,
Ах, милая песня за сердце берет:

«С утра приходи, приходи вечером
И стукни в девичье окошко тайком.
Тебя я по этому стуку узнаю
И выйду навстречу, накрывшись платком»¹

Тут вышел поэт в расступившийся круг
И в пляс, закружившись, пустился он вдруг.
И вот в этом ритме стихи зазвучали,
Бушуют, как ливень, что звонко упруг.

«Есть у вас холмы вдоль улицы?
А у нас – вот это да!
У вас девушки целуются?
А у нас – вот это да!»

Взлетает и плавно парит «Урман кзы»²
Над лесом, над зеленью свежей лозы.
Едиль, им завидуя, слушает тихо
И плещется, белая, чище слезы.

Вздуваются юности той паруса,
Река ровно плещет. И слышит Муса
«Красавицу милую» – песню такую,
Высокие звонко поют голоса.

---

^{1,2}Татарские народные песни.

«О милая!» – вздрогнули губы его,
А сам не заметил певец ничего.
Мечта о далеком родимом ауле
Ведет за собою певца самого.

И, словно бы дома, он взад и вперед
По комнате ходит, садится, встает
И курит одну за другой папиросы...
Стихи зазвучат в его сердце вот-вот.

Пора отдохнуть. Ничего, он привык.
Нет, что-то слова не идут на язык,
И медленно белые легкие руки
За шею его обнимают в тот миг.

Горячее слово скажу, не тая:
«Постой, моя милая, радость моя,
Мое вдохновение, счастье и песня, –
Стихов зазвенит и прольется струя».

И радостный голос раздастся один,
Он выкрикнет:
«Папа!» – из самых глубин.

Пойдет его дочка по белому свету,
Среди бесконечных холмов и равнин.

О чем будет первый вопрос малыша?
О том, что Москва – всей планеты душа?
И только потом она руки протянет
Земле, что под небом лежит, хороша.

«Крылатая пташка, дружок мой родной,
Откуда познать тебе детской душой,
Когда даже я не сказал тебе, дочка,
Что разное небо висит над землей.

Под небом таким же я нынче лежу,
Глаза обратив к своему рубежу.

Но что я?! Мертвец, пленный враг, чужеземец.
Я чужд ему, хоть и душой не дрожу.

Под ним я в тюремную бездну вошел.
Оно – опрокинутый черный котел.
И нету в том проку, что небо высоко,
Коль крылья расправить я сил не нашел...»

Тут дверь загремела, открылась, звеня
(И так не однажды в течение дня),
Проходит жандарм по тюрьме, и обычно –
Покорность кругом, суета, беготня.

Мусу не оставят с мечтою вдвоем.
Его «проверяют» и ночью и днем.
То сами приходят, а то вызывают.
Но видно, что яростно помнят о нем.

А что же сегодня? Вот снова идут.
– Палач произносит: Товарищ, капут! –
И так же с усмешкой Муса отвечает:
– Ну что ж, и тебе будет этот маршрут!

...Как саван, надвинулась ночь на тюрьму,
Черней, чем всегда, – знаешь сам почему.
Как жизнь, что окончилась нынче до срока,
Свет, тени, движенья уходят во тьму.

Ни речи, ни шороха, ни огонька,
Лишь тихо мерцали два острых зрачка,
Лишь гордое сердце к движенью и свету
Стремилось, усталое, издалика.

И видят глаза, что страдания полны,
Вечернюю зорьку родной стороны.
Блуждают по милым местам отдаленным,
Где льется Едиль и где шелест волны.

И этими думами полон поэт,
Он родине шлет свой последний привет:
«Пусть пленным я стал, не нарушил присяги,
И я не ловчил для спасения. Нет!

Неверного шага, так думаю я,
Ни разу не сделала совесть моя.
Пуškai и не смог разорвать я оковы,
Но против такого восстал бытия!..»

«Я знаю, мой сын, как мне это не знать!»
Он внутренний голос услышал опять,
И, словно разрушив тюремные стены,
Пришла к нему в камеру родина-мать.

«Тот год, что потерял в тюрьме для бойца,
Он весь был с тобою, как наши сердца».
«Лишь ты бы поверила пленному сыну,
А я-то уж верю тебе до конца.

Встает перед мысленным взором моим
Все то, что мы в битве любой отстоим.
Я вижу грядущее в солнечном свете,
Над садом весенним цветения дым.

Я вижу: идешь ты средь грома, огня,
И тюрьмы ты рушишь в сиянии дня.
Я вижу – близка и почти уже рядом
Свобода, которая ищет меня!

Сил хватит – лететь ей навстречу, родной,
Достигнуть бы чудом той цели одной!
Еще меня мучит. Партийные взносы
Давно уже, знаешь, не плачены мной...»

«Уплачены взносы! Ты все перенес –
Мучения, горести, сотый допрос! –

Он слышит всем сердцем отчетливый голос. –
Стихи твои – вечный для партии взнос!»

Но знает Муса: этот голос – его,
И в нем утешенье, желанье всего.
Услышать бы вправду тот родины голос,
И больше не нужно ему ничего.

И все-таки, слыша уверенный глас,
Был счастлив Муса, как и прежде, не раз.
О смерти своей и о том забывая,
Возможно ль счастливым быть в этакий час?

Но это не так показалось судьбе,
И ветер завыл за окном, как в трубе.
Поэта от радостных дум отрывая,
Внезапно напомнила смерть о себе.

И вот загорелся в той камере свет,
Где, словно в гробу, среди камня поэт.
Послышался голос врага в коридоре.
Под тучей нависшей спасения нет.

Потом открывается дверь наконец,
Вошли палачи, где томится певец.
Пред ними не пленный стоит обреченный,
А словно с оружием грозным боец.

Готовый на плаху под нож и топор.
Стоит гордый узник и смотрит в упор.
Как будто его не касается вовсе,
Встречает последний он свой приговор.

На этом лице, иссушенном тюрьмой,
В глазах, что изъедены долгою тьмой,
Сияют огонь и огромная сила.
Он, кажется, весь освещен красотой.

А что же затем? Не спешите, друзья,
Мы все не из слабых, так думаю я.
Огромнейшей жизни, где нет эпилога,
Пусть будет прологом поэма моя.

Стих долго живет, коль душою согрет.
Так жить будет долго Джалиль, наш поэт.
Мы видимся с ним, и, конечно, не довод,
Когда говорят: «Самого его нет».

В прекрасных стихах бьется сердце его,
Живет в них поэта душа самого.
Сказанья о нем – на устах у народов,
Повсюду звучат – и в сердцах торжество.

Джалиля стихи сквозь тюремный туман,
Сквозь годы бельгийский пронес партизан,
Сказал: – Я другого такого не видел –
С душою просторною, как океан.

Ну, что ж, и Муса не остался в долгу,
Его палачей мы согнули в дугу.
Мы другу тому дверь темницы открыли,
Да, мы по заслугам воздали врагу.

Окутан дыханьем отчизны родной,
Шел стих по суровой дороге прямой.
Не старясь, прошел сквозь жестокие годы,
И вот, наконец, возвратился домой.

«Муса!» – услышав, тихо скажет жена.
«Отец!» – звонко крикнет их дочь у окна.
«Джалиль!» – молвят люди в бесчисленных залах,
Звучать будет голос во все времена.

Спокоен поэт с Золотою Звездой,
Он видит огни, города над водой,
С лесов возведенных невиданных строек
Он видит всех нас, он всегда молодой.

Целинные земли засеял народ,
Едиль по цветущему краю течет.
Подобные думам поэта – просторы
Волнуют нам душу, зовут нас вперед.

Любил он зарю, дорогие места,
Подругою сердца была красота.
Красивей красивейших Родина наша –
Его бесконечная боль и мечта.

А что же затем? Не спешите, друзья.
Ведь мы не из слабых, – так думаю я.
Огромнейшей жизни, где нет эпилога,
Пусть будет прологом поэма моя.

Я – КАЗАХ

1

Я – казах.

Горечь жизни вкусил я с пеленок.

Умирал и рождался я тысячу раз.

Я смеялся –

и свет возникал из потемок.

Плакал – слезы лились

и у солнца из глаз.

Я – казах.

Я – бессмертное сердце,

в котором,

как дитя –

в материнской утробе родной,

вся, со всем необъятным,

бескрайним простором,

умещается степь

и становится мной.

Я – джигит,

испытавший немало на свете,

дерзко взгляд устремляющий

за облака, –

и ребенок,

чей облик неведеньем светел,

в колыбели,

к которой склонились века.

Я – казах.

Чья душа – чистый образ невесты,

той покорной и тихой,

чьи сладки уста,

что умела любить и с мужчиною вместе,

если надо, могла наточить ай-балта¹.

---

¹Ай-балта – секира.

Я родился таким. Но потомок кого я?
Плоть кайсаков?
Иль гунна я отпрыск прямой?
Может, я – порождение солнца живое?
Нет, рабом был предтеча неведомый мой.

Все, бедняк, добывал он своими руками.
Мне оставил он песен премудрый завет.
От него мой характер –
как камень на камень.
А морщины мои – то слезы его след.

В жарких битвах в степи
города погибали
так, как падают люди
в священном бою.
По крупицам потомки
теперь откопали
их, легендами степь одаривших мою.

Воскресли полынью поросшие годы,
дорогие преданья седой старины,
позабывтые войны, бывлые походы,
все невзгоды и радости
отчей страны.

Я – казах.
Не богат золотою казною,
золотыми хоромами не знаменит,
но богат той таинственной глубиной,
той великою тайной,
что время хранит.

Ни читать,
ни писать не умел я до срока,
знал веками лишь только
седло да копьё.

На коне по степи я скакал одиноко.
Конь мой – все достоянье,
все счастье мое.

Не бежал я от света напуганным зверем,
не чужда была мудрость уму моему,
но не ведал путей я к заветной той двери,
что весь мир поделила на свет и на тьму.

Понял я, что земля – это шар. А когда-то
думал, повод привычно зажав в кулаке,
что она, как лепешка, ничуть не поката,
возлежит себе просто на сером быке.

Кто такой Архимед, было мне неизвестно.
В предвкушенье благом не зудело плечо,
не мечтал рычагом землю
сдвинуть я с места,
и плодов-то земных не отведал еще.

И Сократ был сокрыт,
и Гомер был неведом
мне, хотя в диких дебрях
заброшенных лет,
от незнанья слепой,
шел за ними я следом
и душою был зрячим,
как всякий поэт.

И Коперник, и Бруно...
Пришли б они раньше
в степь родную,
к ее дочерям и сынам,
и светлей она стала бы сразу
и краше,
и быстрее открылось бы
многое нам!

– Нет, тому не бывать ни сейчас,
ни потом!
Кто же станет ходить,
как не раб, за скотом!
Чингисхан,
я сровняю с землей твое имя
и смешные мечты о величье
святом!..

Хан и вправду два раза
речей не держал.
Так рукам горячо загребать
дважды жар.
Он, как мячик,
на меч мою голову поднял,
и стряхнул, и ногою со смехом прижал.

Забавлялись моей головой, как могли,
вслед за ним,
все, кто в степь к нам не с миром пришли.
В пыль втоптали гнездо мое войск их копыта.
Дымным заревом стонами годы текли.

Но из пепла вставал я, поверженный в прах,
наводя на врага изумленного страх,
поднимался я чудищем многоголовым,
каждый раз повторяя одно: «Я – казах».

«Я казах!» – и Тимуру я смело бросал,
когда, как жезтырнак¹,
мою жизнь он терзал.
Чингисхан был шакалом, а этот был волком.
На костях своих жертв каждый
всласть поплясал!

Мнил Тимур себя богом...
Какой это бог?!

---

¹Жезтырнак – мифическая дева с медными когтями.

Убивал – и убить меня тоже не смог,
хоть разрушил, разграбил,
попрал мою землю
и – казалось бы –
верную гибель предрек.

В ранах все мое тело,
доселе больных.
Кровь живая еще не просохла на них.
Это – летопись горькая,
память былого,
след отчаянных бед
и страданий моих.

Кровь не высохла,
слезы, как прежде, – не пар.
На озерах краснеет камыш,
как пожар...
Вновь на землю родную
обрушилось горе
разрушительным,
буйным набегом джунгар.

На джайляу скота не увидишь опять,
нет аулов...
И время повернуто вспять.
Даже горный орел стал,
как люди, бездомным,
И красавице негде любимого ждать.

Песнь Асана-Кайгы я услышал тогда,
на домбре его скорбной играла беда.
«Не довольно ли вздохов?!» –
сказал я акыну.
Только плакать и плакать – не стоит труда.
Потом скот добывают, любовью – жену,
силой чувства творят
новой жизни весну...

Волей, стойкостью,
яростным знаменем песни,
кюем мужества вновь обретем мы страну!

Так бывало уже на родимой земле,
когда слово несмело качалось в седле
и одна лишь домбра
Джучи-хану посмела
рассказать напрямик
о случившемся зле¹.

Кюй заставил верблюдицу
дать молоко,
им джигиты красавиц
пленили легко.
Свежий ветер поэзии мир осеняет.
Этим ветром живым я дышу глубоко.

У богатых богатство.
Как быть остальным?
Рай для избранных богом
неведом другим.
Только песня для всех.
Так пребудем же с песней, –
ею души сродним,
ею жизнь удлиним.

Пусть живет в наших песнях свобода сама.
Да не знают в грядущем народы ярма.
День настанет – и скажут:
«Казахом быть – славно!»
И обрушится старого мира тюрьма.

---

¹ Имеется в виду предание о том, что, когда на охоте один из сыновей кровавого Джучи-хана был растоптан хромым куланом, никто не посмел сообщить об этом хану, и только домбрист поведал об этом в кюе, получившем название «Аксак-кулан». И домбра же заставила верблюдицу дать молоко, когда она осталась без верблюжонка.

человечество создано каждым и всеми,
и твое – бел лицом ты иль черен – оно!

Различаются люди... По цвету ли кожи
беспристрастно вершить разделенности суд?
Нет! Есть люди. И звери,
что с виду пригожи,
но родного отца за пятак разорвут.

Мои дети росли
в добром мире просторном,
но порой среди достойных
встречался дрянной.
Змеем алчущим,
баем, султаном и ханом
без вины был наказан
народ мой родной.

И недаром зверью уподоблен
в преданьях
образ ваш,
хан Аблай, Кене-хан и Джангир.
Не забыть никогда мне
о ваших деяньях,
от которых – узнай –
содрогнулся б весь мир!

Это отдали вы темноте и неволе,
как недобрые боги,
недолгий мой век.
Но дурную траву зла, насилья и боли
всю скосить порешил я,
простой человек.

Прометеем прикованным рвался,
мечтая
об огне негасимом победных кресал.
Потрясал я могучим копьём Исатая
и стихом Махамбета года сотрясал.

Толстопузому хану нацелился в брюхо
и примерился к тоненькой шее его...
Уловило мое напряженное ухо
новой жизни шаги,
новых дней торжество.

Возле Волги, в лесу,
где нога не ступала,
основать я хотел бы счастливый свой ель¹,
скот пасти – но не так, как в былом,
где попало,
и зажить, как еще не случалось досель.

С белой юртой дворцовой покончить хотел я,
ведь всегда о ней думал я,
как о враге:
разломать,
разорвать ее белое тело
и торжественно сжечь
на костре кереге².

Ее кошмы мечтал на куски
я разрезать,
на попоны обычные всю раскромсать.
Байских жен,
о которых не смел бы и грезить,
этих нежных красавиц –
в наложницы взять.

Как копые мое жадное
жаждало драться!
На султанов и ханов
обрушен буран.
Затрещало и стало по швам
расползаться
Злое время,
что горько звалось Зар-заман!³

---

¹Ель – родной край.

²Кереге – остов юрты.

³Зар-заман – время-печаль.

– Как царя мне бояться? Я –

сын и слуга.

Станет жизнь моя, верю, ему дорога.

Неужели он милость свою не проявит,
неужели во мне он увидит врага?..

И наивности детской воздушный венец
водрузил я, надежд безрассудных гонец,
и покорным слугою с прошеньем смиренным
за отцовской защитой пришел во дворец.

И сказал, от волнения часто дыша:

– Из-за Волги, и Яика, и Иртыша –
я казах, я твой подданный...

Будь мне опорой!

В долгих битвах неравных устала душа...

Царь сказал:

– Вот нахал! Он о чем тут вздыхал?

Что такое – казах? О таком не слышал!..

– Это, Ваше Величество, – те же киргизы...

– Так про что тут нам этот киргиз толковал?!

– Нет, казах,

не киргиз я!

Хоть числю в родных

род киргизов,

судьбою похожий на них.

И одна черноокая мать,

может статься,

в детстве нам разделила

ломоть на двоих.

Быть киргизом... Киргиз,

я открою для вас,

значит – бурный Талас,

значит – гордый Манас!

Быть киргизом – достоинство,
не униженье.

Но –
казах я!
Что в этом худого для вас?..

– Нет казахов!–
Царь в гневе сорвался на крик.–
Нет таких и не будет! –
И в этот же миг
я подумал, что, жаль,
не могу ему бросить:
– Алдияр¹, видно, ум у тебя невелик!

На востоке земли твоей – степь, и она –
не погост, а богатств небывалых казна.
И бифштекс, что трещит у тебя за щеками,
сдобрен горькими каплями слез чабана.

Уж давно испытал ты на верность меня.
Был солдатом твоим, эту верность храня.
Если сам ты не помнишь,
спроси Бонапарта,
как я в Сене поил боевого коня!

Твой мужик не чурался соседства со мной,
вместе гнули мы спины на пашне одной.
Он хозяин сохи, пособлю я волами...
Он со мною, я с ним – как с родимым родной.

Наши дети на двух языках говорят,
пьют из двух языков
дух мудрейший услад.
Стали с русским в степи
мы и вправду «тамыром»¹.
Каждый ездит нередко друг к другу,
как сват...

---

¹Алдияр – повелитель.

²Тамыр – букв.: корень; здесь – друг.

Так вот
        русская девушка Мариям,
дочь Егора,
        к шестнадцати юным годам
полюбила Дудара
        и песню сложила:
«О Дудар, лишь тебе
        мое сердце отдам!»

Ни мулла и ни поп
        не поссорили нас.
Бог на небе и царь на земле –
        не указ.
Рубежи и границы
        сердцам не помеха,
если общие –
        радость и слезы из глаз.

Я – казах,
        и не раз дух мятущийся мой
осенил Пугачев, мой сородич прямой.
Пропадал он в степи
        и опять поднимался.
И вставал вслед за ним
        я на праведный бой.

И не зря на просторе одном рождены
два героя, двух братьев степные сыны,
Богатырь Пугачев,
        Исатай непокорный –
два могучих титана одной старины.

Не по нраву тебе они, царь! Это так.
А еще ненавистное имя «казак»
вспоминаешь, когда мое имя услышишь...
Я и он – два клинка, вдвое яростный враг!

Да, я – с бурей, гудящей,
  чтоб трон твой стонал.
Ты не знаешь казахов... А Пушкин их знал.
Даже степь заковал ты в тюремные стены.
Это ты в кандалы мои ноги вогнал.

Как собрат,
  издалека к нам Пушкин пришел...
Сходство судеб и душ
  своей песней нашел.
Он хотел,
  чтобы цепи свои мы порвали,
сели вместе за общий,
  за праздничный стол.

Песни... Степь –
  словно море из песен – сама.
В них цветы расцветают,
  грохочут грома...
Как Баян и Козы,
  двух влюбленных надежды,
песни нас восхищают и сводят с ума.

И когда к нам пришел
  тот великий акын,
то понять захотел он меня,
  исполин,
И витал над кибиткой моею степною
вольный дух Пугачева
  и русских былин.

Он казахское сердце стихами пленил,
золотые, святые слова обронил.
Рассказал он казахам
  о русской Татьяне,
и Татьяну с казашкой Баян он сравнил.

Стал поэт моим другом навеки веков,
светлой нитью связующей двух языков...
Ну, а ты, государь,
ты – палач его злобный,
повелитель невзгод и создатель оков!

И кобзарь украинский был другом моим.
Вековой бедой поделился я с ним.
Ты погнал его в серой солдатской шинели
до аральской волны, издеваясь над ним.

Нам прекрасную песню Тарас подарил.
В ней с такою любовью о нас говорил!
А тебя, государь, окрестил кровопийцей
и на многое в жизни глаза нам открыл.

Я – казах... Да, меня ты не знаешь пока,
но не знаешь ты и своего мужика.
Лишь бы только друг друга
мы с ним понимали
будет ноша легка и дорога легка!

Что тебе до народа?
Ты занят собой.
Озабочен своей лишь
бесценной судьбой.

На чужом языке
ты бездумно болтаешь,
к человеческой боли
глухой и слепой.

Я – казах. Я отныне –
Абай и Чокан.
Тонкий лучик прозренья мне временем дан.
И в дремоте степной
уже зреют вопросы:
– Кто виновен? Как быть?
Как развеять туман?..

Слух обрел я и зрячею стала душа.

Между светом и тьмой

истончилась межа.

Русский друг, мой тамыр,

мне однажды поведал

свои горести, сжав рукоятку ножа.

«Братство», «Равенство» –

я услышал – и «Борьба».

Сень надежды коснулась усталого лба.

И подумал я: «Львиное сердце у русских,
если биться с царем позвала их судьба».

Если ты одинок, ты бредешь, как впотьмах.

Рядом с другом забудешь сомненья и страх.

Мы – друзья, и о Разине Стеньке частенько
вместе песню и русский певал и казах.

Мы по маленькой вместе, бывает, нальем,
и о счастье для всех загадаем вдвоем...

И летит пробка-царь,

как по доньшку стукнешь.

Пусть потонет в стакане – твоим и моим!

Эх ты, царь-государь, даже капли тепла,

от которого хоть бы на время прошла

моя боль,

как от горькой водицы проходит,
не нашел ты

и в сердце лишь холод и мгла.

Ты меня не услышал,

бездущный монарх.

И надежды мои

все повергнуты в прах.

То, о чем говорил я,

к тебе обращаясь,

мог слышать один только

разве аллах.

крылья над изумленной Землей зашумели
птиц искусственных, в небо понесших людей!

Ползунов, Менделеев,
Попов, Ломоносов!
Исполины, чей гений повел нас
вперед...

Неужели, –
и это вопрос всех вопросов, –
истощился уже их родивший народ?

Нет, не нищ на таланты
народ этот славный,
и когда-нибудь к солнцу весь мир
повернет,
и под знаменем радости
с буквы заглавной
он страницу истории
новой начнет.

Оттого-то прозреньями новыми молод
и степняк, что считал лишь
на пастбище скот,
и встречается
с палкой чабанской молот
неизменно в работе –
который уж год.

С горнорудным Кильды я не мог
разминуться.
С кем по жизни идти,
понял глубину души.
Полетел бы за тем,
кто помог мне проснуться.
Пусть он только б сказал:
«Я – басши, ты – косши»!¹

---

¹Басши – предводитель, косши – последователь.

Если плакал я, солнце на небе темнело,
а смеялся – и тьма отступала от глаз.

Я – казах.

Я по-своему тоже велик,
Я – как будто бы новый, седьмой материк
между старой Европой и Азией древней...
Но со всеми людьми вместе быть я привык.

Брел один я в ночи и совсем изнемог.
Взрыв могучий себя обрести мне помог.
Всплыл из тьмы я –
как остров со дна океана
и к спящему солнцу пришел на порог.

Я смотрю в удивлении, как марсианин,
на огни новостроек,
на мирную жизнь...
О эпоха, продли этой сказки сиянье,
палачом этой радости не окажись!

Лишь теперь я постиг,
Каждый день для меня стал сплошной
новизной.

Слишком долго,
казахи, мы в детстве сидели
с великанской душевной своей
глубиной.

Горд я тем, что теперь даже деды читают,
что и ткань, и детали точить я мастак.
С моей легкой руки города вырастают,
а ошибки мои мне исправить – пустяк!

Ведь ошибки мои – те же самые дети,
порожденные мной. Понял,
значит – созрел...

Как отец – малышу,
рад всему я на свете.

Имена их – мой паспорт,
пароль повсеместный,
золотник для победы на общих
весах.

И на вахте труда я,
бессонной и честной...
Девять пуль из десятка
отлил я, казах.

Я – солдат своей Родины.
Надо – умру я
за союз нерушимый
святых братских уз.
И от всех наших наций
теперь говорю я:
украинец, и русский я, и белорус.

Все мое здесь: добытая с боем свобода,
наших дней и бессонных ночей торжество.
На просторах страны нет такого народа,
чтобы братом своим не назвал я его.

На суровой войне и суровыми были,
и детьми мы, узнавшими радость и страх...
И когда у врага мы впервые отбили
нашу землю, ее целовал я в слезах.

Мы прошли сквозь огонь, сквозь великие беды,
но хватило на слезы счастливые сил.
Плакал я, когда светлое Знамя Победы
на рейхстаге у всех на глазах водрузил.

Как Егоров, Кантария,
гордо ступая,
на великий последний взошел
пьедестал
сын земли моей отчей,
казак Кошкарбаев,
и навеки солдатскою славою стал.

А внизу догорал день
сияющий летний,
Шпрее воды катила,
как медленный свет.
Тень фашизма
в агонии билась последней,
и чернел где-то Гитлера
пепельный след.

Труп есть труп. Но,
похожее на наважденье,
что-то вдруг поднялось,
что повергнуто в прах.,
И тогда на рейхстаге,
как предупрежденье,
все же подпись свою
я поставил: «казах».

Вряд ли спросят теперь:
кто таков и откуда?

Миру имя мое не в новинку уже.
Это все справедливо, и все ж –
это чудо,
и известности той я стесняюсь в душе.
Только все-таки слава моя –
вправду слава.

И за славу мою честно кровь пролита.
Не дождем возвращена она –
битвой кровавой.
Не добыча нечестная, не барымта¹.

Знал народ мой набег захватчиков подлых,
он скитался немало и понял навек:
уничтожить войну – вот воистину подвиг!
Тех, кто делает это, восславь, человек!

Словно маршальский жезл,
мне – чабанская палка.

---

¹ Барымта – угон скота; здесь – присвоение.

Степь моя, торжествуй и счастливою будь!
Но, смотри, не кичись
и не бей себя в грудь.
Знай, как гимн, твоя самая тихая песня
к сердцу каждому смело проложит свой путь.

Эти звуки –
журчанье прозрачных ручьев,
звон серебряный смеха,
шуршанье хлебов.

В них слышна
вдохновенная песня акына,
та, которой влюбленных
пленять он готов.

В этих звуках
сердце миллионы стучат.

Эти звуки –
как скачущий с гор водопад.
Несравненного мужества знаки живые,
словно птицы,
летят и не знают преград.

Иногда,
мягкой нотой отмеченный вдруг,
сказку дарит округе задумчивый звук.
Да, земля наша вправду –
акын из акынов.
Посмотри: все пронизано
песней вокруг!

Эту землю пойми – и меня ты поймешь,
люди почтенный,
привыкший накапливать ложь
и глаза забинтовывать грязной
портянкой...

Посмотри хорошенько:
как день мой хорош!

Ну а Укварт, коль взор устремляет сюда,
то какой ему кажется Караганда?

Я слышал болтовню:

стал-де уголь наш белым...

Ну не уголь он прямо уже, а вода.

Для меня эти уркварты слишком низки,
чтоб копаться в природе их жгучей тоски.
Да, тоскуют они, что уже невозможно
отрывать от страны моей больше куски.

Казахстан возрожденный

им не с чем сравнить.

А могли бы – и дружбы счастливая нить
нас связала бы с краем похожим, далеким...
Только нет его, нас же им не отменить.

Если ты одинок,
ты бредешь, как впотымах.
Рядом с другом забудешь
сомненья и страх.
Русский, и армянин, и грузин, и татарин...
Наша дружба святая –
у всех на устах.

Все поют – он нам общею радостью

дан –

этот кюй «Торжествующий Казахстан»!

И скала от восторга дрожит,

как девчонка,

что к джигиту склоняет трепещущий

стан.

8

Я – казах всей душою и плотью своею.
Чту традиции, предков житье и бытье.
Даже в мертвых пустынях сады я взлелею,
потому что и это – наследство мое.

Не хочу я кичиться,
стараться «на тему»,
одеваться,
старинный храня колорит.
Не хочу кочевать и чалму не надену,
чтоб иметь подобающий «нации» вид.

Я – казах,
я трудом свою славу добуду,
жизнью-песней людей соберу дорогих.
Средь других я вороною белой не буду,
но сумею остаться собой средь других.

«Я – казах!» –
от меня враг услышит недаром.
Другу умному тоже скажу: «Я – казах!»
Пусть мой враг, коль не глуп,
не грозит мне ударом.
Друг мой умный пусть будет уверен в друзьях.

Я – казах,
род людской, те черты и приметы,
что у всех в этот век –
смуглый лик мой хранит.

И, как все,
я сегодня – разведчик планеты,
и сверлит в эру космоса
взгляд мой зенит.

Не считай меня баловнем!
Ты ли не знаешь,
сколько было несчастий и разных
невзгод.

Что посеешь,
то осенью и пожинаешь,
Раньше многих хотел я –
и встретил восход.

Жизнь идет. Поднялся Казахстан мой
родимый,
как вся наша страна – многодетная
мать.
Если б был на земле счастлив только
один я,
я себя не посмел бы счастливым
считать!

От рожденья равны
все мы, люди, на свете,
Все крылаты,
и всех нас влечет красота.
И когда на планете рождаются дети,
Крик младенческий всем отворяет уста.

Но потом появляются споры и ссоры,
те становятся злыми, что были добры...
Прекратим же,
о братья, земные раздоры
перед чудом полета в иные миры!

Человек, ты – моя бесконечная тема,
и меня просто баловнем ты не считай.
Обо мне и тебе – эта наша поэма!
Протяни свои руки, возьми, прочитай.

Мать-отчизна, я сын твой,
нежнейший и кровный.
Всей душой, всю степью, которой – цвести,
я люблю тебя высшей любовью сыновней!
Если это звучит слишком громко, прости.

Не суди, коль порой
слишком громко кричу я,
Не подумай,
что я огрубел, одичал...

По степи бесконечной веками кочуя,
слишком долго я,
слишком бесправно молчал.

Ты прости меня, мать,
если слишком ликую.

Никаких нет сегодня
для счастья помех.

Но понять ты должна:
жизнь я прожил такую,
что хочу наверстать я
и радость, и смех.

Пали троны.
Звезда бедняков воспарила.
Землю нам к небесам
суждено поднимать.

И фамилию с именем –
мне подарила
тоже ты, моя светлая Родина-мать.

По тебе мое сердце удары сверяет,
и одной лишь тебе все доверено им.
Флаг и Герб Казахстана
над миром сияют –
нескончаемо – образом светлым твоим.

МОЙ ТЕБЕ ПОКЛОН

Шлю, тонкобровая, привет!
Похожей не было и нет!
Когда тоскую по тебе, –
Мне слезы затмевают свет.

Абай

Охвачен я иным очарованьем
И ради лишь тебя, тебя одной,
Готов пройти любые испытанья
Из тех, что существуют под Луной.

Тебе – и жизнь моя, и это слово.
Ах, лучшие сыны родной земли
Во имя счастья феи тонкобровой
Себя недаром в жертву принесли.

И пусть стихи слагать не каждый может,
Мечтать умеют все до одного.
О, Перизат!
Ты на сто лет моложе
Стремительного века моего.

Калымом за судьбу твою остались
Свершенья на Земле и на Луне.
Быть может,
Виновата в том усталость,
Что сердце ночью замерло во мне.

И сквозь него тревожно и бессонно
Эпохи шли, справляя торжество.
Из сердца поутру вставало солнце,
И путь к тебе лежал через него.

Я находился в центре всех событий,
Живущий как на лезвии ножа.

Я удержал планету на орбите,
От страшного усилия дряжа.

Да, это я, в ночи слагая строфы,
Во имя света будущих веков
Отвел однажды руки катастрофы
От всех шести земных материков.

А если и умру, то всем на диво
Украшу прахом отчие края
Лишь для того,
Чтоб ты была счастливой,
Далекая наследница моя.

Мы – это споры, огненные чувства,
Седая даль, походные костры,
Романтики, фанатики искусства.
Ровесники октябрьской поры.

Нет, ни о чем не стану сожалеть я!
И ты в степном и песенном краю
Спустя всего лишь краткое столетье
Узнаешь биографию мою.

Моя судьба – взволнованные строки,
Набравшие большую высоту.
Раздвинув времена, седым пророком
Я в сердце и мечты твои войду.

Приблизь же это светлое мгновенье!
Столбы бегут с бугров и на бугры,
И тонких проводов переплетенье
Гудит тугими струнами домбры.

Во мне возникло чувство не из тихих.
К тебе дойдут, – таи их не таи, –
Как бабочки, засушенные в книгах,
Поэмы овдовевшие мои.

Мечта пьянит вином,
Влечет и губит.
И, если лепестками задрожат,
Кого не восхитят красавиц губы,
Не привлечет кумыса аромат?

С давно минувших пор
Медовым винам
Считались наши девушки под стать.
И понимали древние акыны,
Как следует красавиц почитать.

Мы пили вина, но держались прямо.
В любви не признавали берегов.
Мы жили, дети Евы и Адама,
Не зная одиночества богов.

Не осуждай нас...
Лучше сквозь метели
Представь того ровесником своим,
Чьи первые стихи в огне сгорели,
Кто смолоду вдыхал сражений дым.

Кто по траншеям пробирался ловко,
В часы затишья набирался сил
И, стиснув в пальцах верную винтовку.
Окопы кровью жаркою кропил.

Любому злу на свете в назиданье.
Не разлучаясь с правдой никогда,
Врагам вернул я беды и страданья...
Но кто вернет мне юные года?

Хоть далеко до старости глубокой,
Но жизнь одна,
Но молодость одна,
И незаметно наступают сроки
Снимать седло с лихого скакуна.

Минувших дней
Не воскрешают снова.
Не воскрешают прошлые года.
И все же ты, не позабыв бывшего,
Завидуешь подросткам иногда.

Мы по колючкам бегали свободно,
Ходили с детских лет за кизяком,
Студентами могли поочередно
Один костюм носить вдесятером.

В нас было интересного немало:
Борьбой дышали все до одного,
Лишь общность душ считалась идеалом,
И объявлялось барством щегольство.

Мы жили революцией,
И в слово,
И в дело старших братьев влюблены.
К себе мы были более суровы,
Чем кто-нибудь другой со стороны.

Невзгоды комсомолия знавала.
Но, не стыдясь обтрепанных штанин,
Она в быту довольствовалась малым
Во имя светлых, будущих вершин.

Хоть год за годом пролетали мимо,
Стыдились мы, себе же на беду
Почетных премий,
Нежности к любимым,
Невинных поцелуев на виду.

Но в мире ни один закон не вечен,
Любые горы можно перейти.
За ярким полднем наступает вечер,
И есть конец у каждого пути.

Пусть крепче крылья у потомков наших,
Пусть шире удивительный размах,
Двадцатый век, ничем не приукрашен,
Шагает в их стремительных рядах.

Хозяева великого наследства!
Я столько раз, от дел не в стороне,
Завидовал их юности и детству.
Чтобы они завидовали мне.

Рожденный не для вечного забвенья
Искал вдали Грядущего черту.
Нам жизнь дается, чтоб ее мгновенья
С годами воплощались в Красоту.

Далекая!
Моих свершений сроки
В два века растянуться не могли.
Когда начнешь читать ты эти строки,
Я буду просто холмиком земли.

Для юных старина – щепотка пыли...
Но, вопреки безжалостной судьбе,
Не камнем, возлежащим на могиле,
Я обращаюсь чувствами к тебе.

Моих друзей, ушедших без возврата,
Как падающих звезд, – не сосчитать.
Я помянул бы каждого, как брата,
Но разве время поворотишь вспять?

...Вчера пришла к нам гостья.
Почему-то
Знакомым был лица ее овал.
Беседа с ней, каждую минуту
Я в тщетных муках память напрягал.

Красивых глаз бездонные потемки
Меня лишали твердости и сил.
– Не узнаешь, – вздохнула незнакомка,
А юность ты еще не позабыл?..

Как – «юность»?
Подождите-ка немного,
Не отнимайте брошенную нить.
Мне надо в мыслях
Пройденной дорогой
Всего на четверть века отступить.

Мне надо к дням минувшим обратиться...
А женщина спокойна и бледна,
С наперсток губы, длинные ресницы,
А у висков густая седина.

Видать, была красавицей когда-то:
Изящны брови, нос и прям и мал.
Какой лихой джигит в часы заката
Ее глаза и губы целовал?

Кто задавал ей тихие вопросы?
Смеется, но не весело при том.
Одета скромно.
На затылке косы
Тугим и тяжким скручены жгутом.

Ее глаза встречаются с моими,
Как бы вступаю с памятью в борьбу.
Я знал ее когда-то!
Помнил имя!
Я видел эту родинку на лбу!

Но где? В каком краю? В какую пору?
И вот на миг рассеялся туман,
И прошлое предстало перед взором:

– Мой друг Сарман!
Погибший друг Сарман!

Я это имя произнес негромко.
Но, всякие сомненья отстраняя:
– А я Шолпан, – призналась незнакомка.
И небо обвалилось на меня.

Шолпан! Сарман!
Мираж степи открытой,
Маячащий всегда перед лицом.
Скажи, аллах, что мною вы забыты, –
И сам аллах окажется лжецом.

В мечтах я с вами виделся воочью.
Жена расскажет, как в объятьях сна
Под этим тихим кровом поздно ночью
Выкрикивал я ваши имена.

Куда б меня судьба ни увлекала,
В любом году, в любом краю земли
Я помнил берег славного Урала,
Прохладу Ханской Рощи неждали.

Мы там втроем и днем и на закате
В своих мечтах под тихий плеск воды
Взлетали к небесам на стратостате,
«Челюскин» проводили через льды.

Там наша юность пробовала силы,
А детство укрывал седой туман.
Там двум юнцам без выбора светила
Одна звезда по имени Шолпан.

Шолпан! Шолпан!
Под сводом чистой сини
Ты становилась нашею судьбой.
И сказочно, как будто хвост павлиний,
Рассветы занимались над тобой.

Твой облик воскрешать я не устану:
Не бледной – белой-белой ты была.
Сверкающим кристаллом без изъяна,
Источником и света, и тепла.

О том я знаю, что зимой и летом
Тебе писала не одна рука.
Но кто дождался от тебя ответа?
Кто прикоснулся к струям родника?

Ты жарких взглядов видела немало,
Восторженные слышала слова
И все же ничего не замечала:
Знать, женская природа такова!

Нас, трех друзей, высокими волнами
Баюкал нарастающий простор.
Студентами мы стали.
И над нами
Чагана синь смыкалась, как шатер.

Делились мы мечтами увлеченно.
Как будто черным хлебом и водой.
Мужали.
А смешливая девчонка
Вдруг девушкой стала молодой.

Сильней забилося сердце.
Но с досадой
Я замечал, однако же, не раз,
Что ты чуть дольше дружеские взгляды
Задерживала на одном из нас.

Втроем мы часто вечер проводили,
Но, прежнюю естественность губя,
Бывало там мне хуже, чем в могиле,
Где в то же время не было тебя.

Однако сердце с истиной простою
Смирилось окончательно, и вдруг:
Уж если кто и был тебя достоин,
То это лишь Сарман – мой лучший друг!

Он не был удивительной натурой,
Влюбленный в горы, степи и леса.
Худой. Высокий.
С буйной шевелюрой.
Казалось бы, какая тут краса!

Зато он помнил все.
И коли нужно, –
К нему с любым вопросом обратиться!
А если б присуждали приз за дружбу.
Он первым получил бы этот приз.

Он одевался скромно.
Жил без страха.
Для друга, не вступая в долгий спор,
Готов был снять последнюю рубашу
И даже руку сунуть под топор.

Был добрым к слабым.
Если было надо.
Вступал в борьбу с неправдою и злом.
И те не ждали от него пощады,
Кто норовил по жизни – напролом.

Он говорил:
– Не мысли о бессмертье
В ночи мое сознание теснят.
Все снится мне Испания, поверьте,
И подвиги лихих интербригад!

Он месяц, и другой, и десять кряду
Ходил в военкомат, скрывая грусть.
И неспроста светловскую «Гренаду»
Твердил везде и всюду наизусть.

Не оставляя чувства без ответа,
Всегда с чужим влиянием в борьбе,
По складу духа был мой друг поэтом,
Поэтом дум о пламенной судьбе.

Он петь любил о ветре и о грозах,
О торжестве бессмертного добра.
А если голос прерывали слезы,
То вторила мелодии домбра.

Порой острил легко и бесконечно.
Шутил, смеялся, спорил горячо
И хлопал по плечу меня сердечно,
Да так, что после саднило плечо.

Он жил, подобно молнии, в ту пору,
Вдыхая в песни юношеский пыл.
И никаких особых разговоров
С задумчивой Шолпан не заводил.

А та ждала с надеждой и испугом.
И поняли сердца их в свой черед,
Что им нельзя на свете друг без друга
И что зима за осенью придет.

Но вот, рассветы наливая кровью,
Со всех концов Отечества видна,
Вдруг встала между ними и любовью,
Как хан судьбы, жестокая война.

Твой грянул срок, далекая Гренада!
Ребят ждала свинцовая метель,
А вслед за нами –
Надо, значит, надо! –
Шолпан одела серую шинель.

Сражения гремели без умолку,
Гарь затмевала свет и синеву,

И люди исчезали, как иголки,
В густую упадавшие траву.

Гудел пожар четыре долгих года.
И ночью, и в рассветные часы
На остриях штыков своих свободу
Мы пронесли капелькой росы.

Мы устремлялись к вражеским окопам,
Преследуя единственную цель.
И обнаженной женщиной Европа
Благословляла серую шинель.

Она вела кровавый счет потерям,
Знакомая с фашизмом без прикрас.
В ней даже тот, кто прежде в нас не верил
Ждал бескорыстной помощи от нас.

Следы солдат – Сарманов да Иванов –
Остались у чужих дорог и рек.
Раскаты их шагов сквозь все туманы
Услышит светлый двадцать первый век.

Глазам юнцов распахивая дали,
Дороги наши были высоки:
С них то в свои года мы повидали,
О чем и знать не знали старики.

Мы становились смелыми бойцами,
Эпохе героической под стать.
И той порой, не будучи отцами,
Родителей умели понимать.

Мы все прошли во имя высшей цели.
Нас Родина ждала.
А между тем
Нам так хотелось выспаться в постели...
Жаль, эта радость выпала не всем!..

Познав любые горести и беды,
Впервые повидав немало стран,
Я в отчий край с великою победой
Вернулся без Сармана и Шолпан.

Я к памяти их относился свято.
Я справки наводил не стороной
О родственниках девушки-солдата...
И вот она сидит передо мной!

Но так ли встретил друга я с дороги,
Казахским ли обычаям под стать?
Быть может, заявись Сарман к порогу,
Я и Сармана не смогу узнать?

Вполне понятно, четверть века вкратце
Не перечеть, как книгу, по слогам.
Что делать мне?
Рыдать или смеяться?
Или безмолвно пасть к ее ногам?

Язык мой непослушным стал и грубым.
Как будто в старом и немом кино:
«Шолпан, Шолпан!» – вышептывают губы,
А голоса не слышно все равно.

Но, как-то став подобранней и строже,
Шолпан проговорила:
– Ну, дела!
А ведь и я, сказать по чести, тоже
Тебя узнать бы сразу не смогла!

Знать, новый день встречая без опаски,
За то уж благодарен будь судьбе,
Что прошлое то красочною сказкой,
То снами возвращается к тебе.

Я побывала в переделках разных,
Но вот живой осталась, как и ты.
Ведь, если все погибнем мы,
То разве
Осуществятся юности мечты?

Я встретила Сармана на дорогах
Снарядами искромсанной земли.
Немало далее в бедах и тревогах
Мы с ним в одной дивизии прошли.

Но расставанья наступили сроки,
Но грянула жестокая пора...
Жестокий миг...
Есть холмик одинокий
На берегу далекого Днепра.

Там смех Сармана, там стихов концовки
И там любовь, сгоревшая дотла.
Живая, опираясь на винтовку,
Я за живыми следом побрела.

Я за врагами попевала следом,
Пришла в Берлин, под стать самой судьбе,
И радовалась светлым дням победы,
Поверь, мой друг, не радуясь себе.

Ах, мне словами передать едва ли,
Как мы мечтали встретить мирный день,
Как мы друзей далеких вспоминали
И от Урала падавшую тень.

Да, был Сарман решительным и смелым,
С друзьями добр, непримирим к врагу.
Тогда его зарыли под обстрелом
На ровном и пустынном берегу.

На берегу безлюдном и унылом...
Но только лишь настал победный час,

Туда к нему, на скорбную могилу,
Вернулась я, уволившись в запас.

Нет, о себе друзей не извещала:
Ждала, чтоб юность минула, как сон.
Вот так и я достигла перевала,
С которого не страшно под уклон...

Хоть время на меня дохнуло стужей,
Доныне не жалею ни о чем.
Отрадно знать,
Что труд твой людям нужен:
Я там в селе работаю врачом.

Я слов плохих – выдумывать не стану –
Не слышала от родины вдали.
Вокруг друзья.
И памятник Сарману
Они мне там поставить помогли.

К нему я прихожу и в час заката,
И в утренний неповторимый час.
Там на меня
Сармана старшим братом
Глядит с другого берега Тарас.

Шолпан ресницы смежила и вздохом
Закончить поспешила разговор...
Вручила этой женщине эпоха
Суровый путь судьбе наперекор.

Ее война не обошла сторонкой.
Посеребрила пряди у виска.
В глазах,
Печальных, как у верблюжонка,
И горечь слез, и вечная тоска.

Ей брови строго сдвинуло ненастье,
Беда разбила вдребезги мечту.
Ну, как я мог рассказывать о счастье,
Почувствовав внезапно немоту?

И мне о том подумалось, не скрою,
Что в сутолоке тех военных дней,
Наверно, стали мужем и женою
Друзья минувшей юности моей.

Но вновь Шолпан вздохнула:
– Слишком рано
Был прерван пир суровою порой.
В своей любви с порывистым Сарманом
Мы оставались братом и сестрой.

Друг другу навсегда необходимы,
Мы не клялись друг другу – два бойца!..
Не были души слиты воедино,
И воедино спаяны сердца.

Иные о любви твердят с испугом:
Мол, страсти верх берут над головой.
Как знать мне?
Ведь не будучи супругой,
Я стала безутешною вдовой.

И вновь глазами друга повидала
Тот край, где раньше вместе мы росли.
Я любовалась берегом Урала,
Листовою Ханской рощи невдали.

В родных местах под небосводом синим
Была минута, равная векам,
Когда я горсть земли с могилы сына
Передала скорбящим старикам.

Зато к Сарману увезу закаты,
И эти ночи летней красоты,
И пряные степные ароматы,
И яркие огни Алма-Аты.

Сармана потеряв на поле боя,
Я дружбою его навек горда.
Он ждет меня.
Я встретилась с тобою,
Чтобы опять проститься навсегда!

Прощай, Шолпан, вернувшаяся эхом
Далеких дней и редкой красоты!
Я верю, юность будущего века,
С тобою не расстанутся мечты.

А нам на долю выпали ненастья,
И мы прошли их с мужеством, в крови.
Не знаю я на свете выше счастья,
И верности, и дружбы, и любви.

О, сколько нас, решительных и юных,
Вступало за грядущее в бои!
Судьбой Лейлу затмили и Меджнуна
Мои друзья, ровесники мои.

Их было много, смуглых, светло-русых,
От дыма защитивших синеву.
Они любили,
Презирали трусов
И падали под пулями в траву.

Они друг другу придавали силы,
Когда бы им, безжалостным к себе,
Сама судьба сто жизней подарила,
Они бы все их отдали борьбе.

Они, прощаясь, становились песней,
Как сокол умирающий,
Но вдруг
Взлетающий бесстрашно в поднебесье,
Чтоб сердцем прочертить последний круг.

Не гении с пеленок, у которых
Все ясно и отчетливо в судьбе,
Мы в мир входили, вызывая споры
О времени своем и о себе.

О девушка из будущего века!
Не пасынки страны – ее семья,
Мы заглушали песнями и смехом
Брюзжанье обветшавшего старья.

Далекая!
Когда настали сроки,
Мы стерли производ с лица земли
И факел справедливости высокой
В сердцах своих преемников зажгли.

Годам минувшим не вернуться снова.
Но помнишь ли:
Душе твоей открыт,
Вот это откровеннейшее слово
Я начинал, как пламенный джигит?!

Спешат, спешат куда-то дни и ночи,
Но наша жизнь и юность – это ты:
В тебе, осуществленные воочью,
Слились надежды наши и мечты.

Не знаю я, винить ли в том усталость,
Что сердце ночью замерло во мне?
Калымом за судьбу твою остались
Свершенья на Земле и на Луне!

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

1

Будь она лес или черта прибою,
Степь
Или скал отвесных высота, –
Повсюду вид и суть ее с тобою,
Как давних дней заветная мечта.

Повсюду ты ее дыханье слышишь,
Грустишь о ней во сне и наяву
И чувство к ней в тебе
Намного выше,
Чем чувство поклоненья божеству.

Мы за нее
Бесстрашно шли в сраженья,
Одолевали слякоть и снега,
Глотали пыль, терпели пораженья,
Но побеждали все-таки врага.

Тоска моя,
Любовь моя и ревность...
Ах, Жыланды – родимая земля,
Я сообщаю творчеству напевность,
Перед тобою строки расстеля!

Нам не ступить без прошлого
И шагу,
Хотя мы днем сегодняшним горды.
Родился я у древнего оврага,
Который назывался Жыланды¹,

Надеясь на грядущие свершенья,
Зоя покой в родимые места,
Отец, моля у рока утешенья,
Назвал меня Джубаном неспроста.

---

¹Жыланды – змеиный.

И вот под ныне мирным поднебесьем
Я восславляю свет, теснящий тьму,
И посвящаю начатую песню
Разбуженному краю моему.

К заботам века я ищу дороги,
Волнения и правды не тая,
И ты поэта,
Мой читатель строгий,
Не обессудь за это слово «я».

Я – все твои поступки,
Все дерзання,
Все помыслы твои до одного.
Я – воплощенье твоего дыханья
И часть большого сердца твоего.

Тайпак и Жыланды увидев рано,
Ты в них крупницы счастья собирай:
Ведь этот край –
Не только край Джубана,
Но и, конечно, твой родимый край!

2

Июль.
Закат на небе воспаленном.
Просторы трав, напившихся воды.
И по степи петляющим драконом
За горизонт уходит Жыланды.

На ней плотина высится в величье,
Выказывая силищу свою,
Что тот орел,
Вкогтившийся в добычу,
Что обруч, опоясавший змею.

Раскинулся аул неподалеку.
Закутанный в деревья и кусты.

Искусственный канал
Берет истоки
В спокойных водах речки Уленты.

Да, он, сверкая,
Жизнь вдохнул однажды
В сухую степь, лежавшую в пыли.
Теперь здесь птицы утоляют жажду,
Стада сайгаков бродят невдали.

И облака кочуют величаво
Немыми продолжениями снов.
И ветер
Добродушно треплет травы
Высокие, как гривы скакунов.

И гладь речная отливает синим,
И берег так приветлив,
Словно пляж.
Стоит со мною рядом на плотине
Печальный и седой старик Кабаш.

Ах, мне б сейчас, как в детстве,
Прыгнуть в воду,
Не жмуря глаз, приблизиться ко дну..
Но ведь тогда я, озорству в угоду,
Ту девушку с ведерками вспугну.

Но ведь тогда, гоня воспоминанья,
Пойдут круги по вздрогнувшей реке.
Я слушаю, как древние преданья,
Спокойные рассказы Кабеке.

Он тосковал по этой глади синей,
Землею предков издавека зван.
А поутру вернется он в Россию,
Покинув милый сердцу Казахстан.

Здесь старое
Судьба сменила новым,
Как радостью сменяется беда.
И бились в старика четыре слова:
«Я завтра уезжаю навсегда!»

Задумчиво стоял он на плотине,
Как будто к месту намертво прирос:
Обвислые усы, борода клином,
Румян и крепок, словно дед-мороз.

В глазах
Тепло сердечное лучится,
Спасенное от стуж и от беды,
И в каждом слове правда,
Как в крупице
Из глуби добываемой руды.

Он вспоминает, фраз не подбирая,
Как уезжать не думал никогда
И все-таки простился с милым краем
В давным-давно минувшие года.

Ах, проживавший
В этой же сторонке,
Те дни я тоже помню, Кабеке,
Когда осиротевшим верблюжонком
Рыдал один юнец невдалеке.

Он безутешен был не потому ли,
Кляня судьбу и горькое житье,
Что разлучило их с прекрасной Гулей
Удачное спасение твое?

И помнил он,
Бойцом идя на запад
Под грохот канонад и посвист пуль,
Густых волос неповторимый запах,
Волнующие взгляды Асылгуль.

Не забывал он,
В пламени и дыме
Отчаянно рискуя головой,
Год довоенный, вставший между ними,
Разлучный год под мирной синевой.

Не забывал взаимные признанья,
Как тихий шепот трав на ветерке...
И, словно ожидая состраданья,
Заговорил поникший Кабеке:

– Я до скончанья века не забуду
Испуганно притихший Жыланды
И страшный недород...
Везде и всюду
Оставил он тогда свои следы.

И центром обезлюдившего края
Был сонный и невзрачный Сайкудук.
Зря чабаны, зимовки подбирая,
Работали не покладая рук.

И вот, когда уже не стало силы
Живьем гореть жестокою порой,
Я так решил:
«Да будет мне Россия
Убежищем и родиной второй!»

Покинувший народ свой – не мужчина...
Но я не от народа уезжал:
Для гибели здесь были все причины,
Шанс на победу бесконечно мал.

Приехал в Оренбург.
Большие зданья.
По вечерам огни глядят во тьму.
Да, здесь когда-то
Получал я знанья,
Чтоб их вернуть народу своему.

Вдали остались прежние заботы.
Землей российской
Встреченный, как брат,
Устроился я в школу на работу,
И мне опять доверили ребят.

Пусть он негромок вроде бы и скромн,
Я тем горжусь, что мой удел таков!
Как говорил Абай:
«Вдовцу подобен
Учитель без своих учеников».

Я очень поздно засыпал устало,
Я жил работой.
И не потому ль
Не замечал, как горько тосковала,
Как на глазах худела Асылгуль.

Пока к доске протягивал я руки,
Пока я диктовал,
В короткий срок
Иссох в печали, пожелтел в разлуке
И наконец совсем увял цветок.

Как будто тяжесть целого столетья,
Согнул мне спину тот жестокий год.
В глаза учеников
Не мог смотреть я,
Предвидя их вопросы наперед.

...Да, прав он,
Осторожности в угоду.
Судить я аксакала не могу.
Да, Кабеке за те былые годы
Перед своею совестью в долгу.

Да, он тогда
Не видел ясной цели,

Не знал, за что бороться до конца.
Да, жизнь его нелегкая,
Но мне ли
Брать под свою защиту беглеца?..

3

Старик достал платок
И с видом строгим
Поднес к лицу, достоинство храня.
– Старею, понимаешь, понемногу,
Глаза слезиться стали у меня!

Ах, Кабеке!
Безмолвные рыдания
Тебе, я слышу, распирают грудь.
И в горле ком, и стеснено дыханье...
Кого ты собирался обмануть?

Что, Кабеке, с тобою нынче случилось?
Ты – словно ниже ростом,
В пальцах – дрожь.
А может быть
И впрямь подкралась старость,
Которую ничем не проведешь?

Да, нележки порой воспоминанья.
Но как под ними плечи не сутуль,
Не только твоего лишь состраданья
Достойны жизнь и гибель Асылгуль.

Ровеснику ее в ночах не спится,
Он, словно бы у бездны на краю,
У памяти стоит...
Какая птица
Весну забудет первую свою?

Зимой и летом,
В полдень и спросонок

Зовут пернатых отчие края.
И человек, которому за сорок,
Нередко шепчет: «Гулюшка моя!»

– Ах, Гуль моя!.. –
Кабаш глядел куда-то.
Но, видимо, собрав остаток сил,
Он улыбнулся как-то виновато
И тут же о другом заговорил.

– Широкий наш край!
И, верно, оттого-то
Он был землею Кула самого,
Где сотни кровью и соленым потом
Платили ради блага одного.

Здесь от напастей не было отбою
И выбито немало было глаз,
Поскольку из-за пастбищ, водопоев
Интриги плел и плел богач Жабас.

В лугах,
Где ныне трактора рокочат,
Где ныне сенокос – был сущий ад.
Там люди днем или дождавшись ночи
Калечили друг друга наугад.

Вынашивали планы новой мести,
Подмоги не прося у городов.
Кул увядал...
Теперь на этом месте
Живет не род, а множество родов.

Никто теперь
В тряпье не ходит ветхом,
Не спорит из-за пастбищ и воды.
Нет больше зла,
И нет бывшего ветра,
Который раздувал огонь вражды.

Одними озабочены делами,
Те ныне вместе,
Кто когда-то – врозь.
Недаром же за многими столами
Сидеть мне званым гостем довелось.

Меня не проведешь
На мнимом чуде.
И часто, не вступая в разговор,
Я издали приглядывался к людям,
Чтоб сущность их рассматривать в у пор.

Но был ходить не вправо, брови хмурия,
По краю, пробудившемуся сплошь.
Иной аул – страна в миниатюре,
Где все национальности найдешь.

...Ах, сколько же в тебе противоречий,
Мой милый и усатый Кабеке!
Ты в Жыланды приехал издалече,
Но от нее все так же вдалеке.

В твоей душе – минувшего картины,
В словах и думах – прошлого следы.
Тебе не просто
Вновь назваться сыном
Судьбу переменявшей Жыланды.

Страна с годами словно бы моложе,
В ее дерзаньях юношеский пыл
Любой из нас заметить мог.
И все же
Ты для себя Америку открыл.

Ах, Жыланды!
Над ней то синь, то грозы.
Ты ей пропитан с головы до пят.
В твоих ступнях ее занозы,
В ее объятьях предки наши спят.

И это здесь, воспоминаньем вторя,
Ты молодость прожить хотел бы вновь.
Ты здесь познал и радости, и горе,
И дружбу, и надежду, и любовь.

Впервые здесь
Глотнул небесной сини.
И, прочь уехав от худой молвы,
Душой тянулся к запаху полыни,
К сухим колючкам, к шелесту травы.

Себя за бегство памятью карая,
Избравший
Новый жизненный причал,
Ты даже ветерки родного края
От всех иных немедля отличал.

В моей отчизне вот уже полвека
Мы чаще слышим «наше», чем «мое».
Но вечно что-то тянет человека
На те места, где старое жильё.

Любая даль отчизны — не чужбина!
И не был мой народ
Со мной суров,
А привечал повсюду, словно сына,
Деля с юнцом и радости и кров.

Учился ли я,
Плыл ли Черным морем,
Толкался ли в столичной суете —
Я и в молчанье и при разговоре
Не ведал недостатка в теплоте.

Взбирался я на кручи Алатау,
Был в светлом Джетысу — земном раю.
Благодарил за песенную славу
Алма-Ату зеленую мою.

Еще Абай, тая мечту о братстве,
Народ свой смог восславить на века.
А мне даны несметные богатства
И судеб и родного языка.

Путь творчеству,
Готовому к атаке,
На всех реченьях дружеских открыт.
И песнь моя, рожденная в Тайпаке,
В Казани по-татарски говорит.

И слог ее простой из многих соткан,
Настроен на народную струну.
И не одна рука моя, а сотни
Теперь меня поднимают в вышину.

Беспомощностью я не перемолот.
Недаром люди в выси голубой
В далекий день навеки
Серп и молот
Стремительно скрестили над собой.

Я Киев воспеваю неустанно
И рост Ташкента, радующий глаз.
Тоскую по Прибалтике туманной,
Не забываю красочный Кавказ.

С Москвою мне
Вовек не разлучиться,
Я перед нею творчеством в долгу,
Поскольку многолюдную столицу
Ни с чем сравнить достойно не могу.

Ей внемлет степь,
А с ней и поднебесье,
И горные вершины заодно.
Москва для них —
Как для поэта песня,
Жить без которой скучно и темно.

А Жиланды?
В далекую годину
Я где-то здесь родился, невдали.
И подстелила родина под сына
Всего лишь горсть иссушенной земли.

Всего лишь горсть...
В другом краю ребенком
Впервые я шагнул в заветный миг
И все же в этой именно сторонке
Встречаю вдруг знакомых и родных.

Кабаш – один из них.
В немом волненье
Он видел темный свод и голубой.
Ах, Жыланды!
С сыновним уваженьем
Склоняюсь я сейчас перед тобой.

Ты в тяжбах перестала разбираться,
Иным теперь путем увлечена.
И с древним родом Кул
В надежном братстве
Живут Даукара, Бериш, Тана.

И над простором, некогда недужным,
Взлетает песнь правдивая моя.
Земля отцов!
Единым родом Дружба
Прославлены родимые края.

4

Чу, в наши лица свежестью дохнуло.
И всматриваться в дали
Нет нужды:
Мы видим отражение аула
На глади успокоенной воды.

Похоже, дремой благостной объаты,
К плотине подступив за рядом ряд,
Вниз крышами,
Как белые квадраты,
Под ними хаты мирные лежат.

И все вздыхая то легко, то тяжело
Над ширью этой временной доски,
Играют здесь не в шахматы,
Так в шашки
Уставшие от бега ветерки.

Столбы дрожат от песенного гуда,
От дуновений гнутся второпях.
И воробьи, слетевшись отовсюду,
Вверх лапками сидят на проводах.

И нашим взорам улицы открыты,
Где, выбирая позы наугад,
То девушкой нарядной,
То джигитом
Неслышно тени легкие скользят.

Ныряют вглубь
На несколько мгновений,
Неслышно поднимаются со дна.
И вся река десятками видений
От берега до берега полна.

Кабаш стоит, глаза потупив долу
И всматриваясь будто сквозь туман:
– Вот это клуб!
А то, конечно, школа!
А дальше, с краю, жил старик чабан!

Мы от воды не отрываем взоров.
Мой собеседник, подавляя вздох,
Как бы меняя тему разговора,
Подводит размышлениям итог:

– Меня отсюда увела дорога,
И довелось тоскующему мне
Озер и сел красивых
Видеть много
В далекой оренбургской стороне.

Но будучи иногo края сыном,
Размазывая слезы по щекам,
Берег я в сердце
Эти вот картины,
Рассказывал о них ученикам.

Я к ним стремился
Путником в тумане,
Я их пером вычерчивать был рад.
Нет, старого учителя в обмане
Мои ученики не обвинят.

Нет, я не осквернил своих мечтаний
И не растратил попусту запал,
Хоть и знавал минуты колебаний,
Упреки чистой совести знавал.

Великая дорога не для слабых!
Сквозь годы
И успехов и невзгод,
Встречая на пути своем ухабы,
Мы продолжали двигаться вперед.

И пятились свинцовые метели,
Торжествовали славные дела.
Потерям вопреки
К заветной цели
Нас по-солдатски партия вела.

Учитель старый помолчал сурово,
Окинул взглядом гладь немой воды,
Вздохнул и так сказал:

– Любое слово
Я посвящаю нынче Жыланды!

Знать, оттого,
Что здесь водились змеи
И не водились реки да ручьи,
Ее назвали так, судьбе не смея
Открыть мечты и чаянья свои.

Здесь нас судьба
В суровые години
И голодом морила и жарой.
Здесь вешние болота и трясины
Пересыхали летнею порой.

Здесь я родился.
Здесь мое начало.
Но есть ли колыбели, той под стать,
Где и воды частенько не хватало,
Чтобы мои пеленки постирать?

Хоть и годами жил
В сторонке дальней,
Где вдоволь было хлеба и воды,
Я все-таки не бабкой повивальной,
А матерью считаю Жыланды.

Корить природу следует едва ли:
Ведь сердцем знаю я наверняка,
Что наши предки тоже понимали,
Где шумный стан раскинуть на века.

Земля их привлекала не любая,
Но всюду – по соседству и вдали –
Как будто псы цепные, злые баи
Народ от лучшей доли стерегли.

Здесь степь цвела широкого размаха,
И маки рвал для девушки джигит.

Веками здесь работали казахи,
Копя тоску и горечь от обид.

Народ неглупый жил на этом месте:
Был тот в почете,
Кто в труде удал,
Кто радовал большой мечтой
И песни
Слагал и для потомков собирал.

Здесь в пору джута¹ было бесполезно
Стучаться в толстый ледяной покров.
Здесь темнота царила и болезни,
Но не было ни книг, ни докторов.

Ах, если б слава нынешних полетов
Венчала выси канувших веков!
Кто знает,
На каких тогда высотах
Увидел бы своих я земляков?

И мы спешим,
Вперед спешим сквозь годы,
И на пути, что неизменно нов,
Простой казахский конь
Степной породы
Обходит европейских скакунов.

5

Пылает запад золотом заката,
Восток уже скрывается во мгле,
И тени, словно в чем-то виноваты,
Крадутся над землей и по земле.

Уже аула мирные картины
Тускнеют на поверхности реки.

---

¹Джут – гололедица.

А в глубине, вздымая ил и тину,
Уже резвятся рыбы косяки.

Привычный запах мяса,
Запах лука,
Сырого тростника знакомый чад.
И древние устойчивые звуки
В ушах моих по-прежнему звучат.

– Кур! Кур! –
Зовут коней разноголосо,
Гудки машин в слепящем свете фар.
Хозяев поджидая с сенокоса,
Пыхтит и свищет паром самовар.

И слева мне видны стога и справа,
Как павшие на землю облака.
В избытке здесь,
Когда обильны травы,
Казы и мясо, масло, молоко.

– Казы и мясо, молоко и масло!
Кабаш кивает в сторону реки, –
Коль есть вода
И свет в домах не гаснет,
Мороза не боятся степняки!

Мы, отойдя подальше от плотины,
Отыскивая к прошлому следы,
Вдыхая запах трав,
Лежим в низине,
Любуемся разливом Жыланды.

И тем, знакомым с детства,
Звукам внемля,
И счет ведя годам, а не часам,
Мы, заключив в объятия нашу землю,
Полузабытым внемлем голосам.

Обоим нам то радостно, то горько:
Вот Асылгуль смеется...
Вон, правей,
Встречает песней утреннюю зорьку
Разбуженный лучами соловей.

А вон на ужин нас, худых и малых,
Негромко кличут матери вдали.
Два сердца
В тот же миг затрепетали,
Две складки над бровями залегли.

Чу, смех женге влечет меня куда-то,
Где трепет губ,
Где блеск бездонных глаз...
И складка разошлась на лбу покатом,
На лбу горячем одного из нас.

Подслушивал нас кто-нибудь едва ли,
Поскольку мы лежали там одни.
Не знаю сам,
Чьи губы прошептали:
– Как быстро миновали эти дни!

Смешалось все:
Обиды и удачи,
Глаза подруг, борьба и торжество.
Унылый скрип телеги, вздохи клячи,
Чумазных ребятишек озорство.

Года прошли,
Но не в былом порядке.
И горнов зов разнесся по стране.
Тогда на лбу другом
Другая складка
Разгладилась в вечерней тишине.

Да, прошлое
Нам в грудь стучится, право,

Как будто бабок звук невдалеке.
И чтоб стряхнуть его:
– Какие травы! –
Со вздохом произносит Кабеке.

Все наша память держит на прицеле.
Какую пядь степи ни назови:
Мечтали здесь,
Взлетали на качелях,
Любили и страдали без любви.

Здесь спорили
О сути тьмы и света,
Тянули руки юные к рукам,
Здесь таволга бордовая
Секреты
Рассказывала желтым тростникам.

Здесь в час безлуны
Было жутковато,
Но, в лапах мрака тая без следа,
Как с привязи бежавшие ягнята,
Спешили наши девушки сюда.

Здесь, чтоб сердца
Не стыли одиноко,
Объединял нас юношеский пыл...
Вдруг ширь степную, балки и протоки
Лучистый свет спокойно озарил.

И так бывшие беды и обиды
Теснил его бескрайний разворот,
Что даже Кабеке, выдавший виды,
Раскрыл от неожиданности рот.

Как будто днем,
Распахивались дали,
Ночь забывала о привычной тьме.

И мы мишень собою представляли,
Как два больших медведя на холме.

Но где же место
Прежних хороводов,
Качелей, прятки – трепетных минут?
Знать, древние традиции народа
Теперь уже в аулах не живут.

Ах, тут-то песнь над ширью и возникла,
И расступилась даже полумгла,
Как будто на живую только нитку
Она к степи прихвачена была.

И, вслушиваясь в звуки деловито,
Кабаш сказал взволнованно:
– А все ж
Бессмертную мелодию Мухита¹
И ныне не забыла молодежь!

Следи, поэт,
За счастьем в этом мире
И за лихими тропами беды.
Настал черед
Расправить плечи шире,
Черед восславить нашу Жыланды.

Дряхлая, я и ростом словно ниже.
Мне часто вспоминаются слова:
«Я хотел бы

жить

и умереть в Париже,

Если б не было

такой земли –

Москва!»²

---

¹ Мухит – народный композитор.

² Строки Вл. Маяковского.

Не знаю, там ли,
Здесь ли, по соседству,
Умру я, перенесший много бурь.
Но равно любви старческому сердцу
Два края – Жыланды и Оренбург.

И я повсюду, словно бы святыни,
Ношу с собой две горсточка земли,
Чтоб смело посмотреть в глаза кончине,
Которая, похоже, невдали.

Чтобы навек
Во тьму уйти не где-то,
Но лишь в своей родимой стороне.
...Старик со мной простился.
А с рассветом
Пора в дорогу трогаться и мне.

Прощай, старик!
Тебя ли я забуду?
От глаз твоих укрыться я смогу ль?
Ах, если ты
Свершить способен чудо,
То передай привет мой Асылгуль!

Свеча зажжется, значит, по примете,
К тебе опять вернулась дочь твоя.
Скажи ей,
Жив тот юноша на свете
И у него хорошая семья.

6

Ах, Жыланды родная!
Не тебя ли
Я покидаю, торопясь домой?
Ты, извиваясь, вытянулась в дали
В степной пыли иссушенной змеей.

Ну как, скажи,
Мне тронуться в дорогу
Оттуда, где мой голос не утих,
Где я — один из тех твоих отрогов,
Одна из песен солнечных твоих.

Не в целях личной славы —
В высших целях
Как не воспеть мне долю той земли,
Где мы взлетали прежде на качелях
И где взлетают к звездам корабли.

Я долго ждал.
И вот дождался срока,
Когда твоя судьба открылась мне:
Да, ты одна из волн того потока,
Что радостью разлился по стране.

И рокоту его я песней вторю.
Про черный день богатства не тая,
Ты и Тайпак —
Две малых капли моря,
Которое вбирает все края.

О мать-земля моя!
Порой иною
Забудь твои джайляу и поля —
И в тот же миг ущербною Луною
Предстанет взору древняя Земля.

Степей раздольных
В мире есть немало.
Я в том ручаюсь сердцем и строкой,
Что хоть обетованной ты не стала,
Но очень скоро станешь таковой.

И редкий край
Тогда с тобой сравнится.

За правду благодарная судьбе,
Моя поэма – только лишь страница
Из бесконечной книги о тебе.

Впервые здесь
Раздался крик мой звонкий.
Но, в отдаленье счет ведя годам,
Тебе, тебе я, отчая сторонка,
То лучшее, что есть во мне, отдам.

Тебя восславлю творчеством поэта:
Ведь неспроста же в сутолоке дней
Благодаря тебе лишь вся планета
Джубану стала ближе и родней.

РАЗБИВШИЙ ОКОВЫ

1

Кюй был назван «Разбивший оковы»
Композитором Курмангазы.
Был над кюем
«Разбивший оковы»
Повелителем Курмангазы.

И, пронизанный мудростью редкой,
Весь оркестр, тая торжество,
Говорил с нами голосом предка,
Воскрешая дыханье его.

Кюй был пламенем,
Натиском, вестью,
Мощью был самого Куреке.
Был он веком, эпохой, местью,
Языком самого Куреке.

Чистым светом, мечтою заветной
И звучаньем души Куреке,
Хмурым днем
И в ночи беспросветной
О любви вспоминая в тоске.

Общим звуком по воле момента
Дышат
Сто музыкантов в упор,
Сто сердец,
Сто живых инструментов
Выплетают стоцветный узор.

Исповедуя струны с любовью,
Пальцы мечутся, не занемев.
Не твоей ли безумною кровью
Пламенеет и стынет напев?

Ах, какие кобызисты, домбристы!
Да и девушки так хороши,
Что открылись мелодии чистой
Умиранные страсти души.

Их фигуры,
Как озера всплески,
Чуть качаются музыке в лад,
Серебристо сияют подвески,
Еле слышно сережки звенят.

Машут с шапочек перья цветные,
Пестротою павлиньей слепя.
И казашки – лозинки степные
Зароняют пожары в тебя.

Весь оркестр,
Словно сель многоустый,
Неожиданен и буен, широк.
Замер зал,
Погруженный в искусство,
Точно в бьющий рывками поток.

Будто реки по горным отрогам,
Вдаль мечты спешают...
Рядком,
Вижу, мирно сидят две эпохи,
Та вон девушка со стариком.

Старец выглядит за девяносто:
Он – как тополь, усохший за век.
Но, хоть годы давались не просто,
Им не сдался еще человек.

И, слепя остротой ястребиной,
Быстрый взгляд
Непреклонен и смел,

Но в снегу голова...
Белый иней
На спокойных ресницах осел...

Брови густо нависли над миром,
Нос с горбинкой степной.
До чего ж
На видавшего виды батыра
Удивительный старец похож.

Может, сам Куреке издалече
Пришагал за судьбой молодой.
Шевельни он рукою – и плечи
Смог укрыть бы своей бородой.

Дочь?
Невестка?
Чужая забота?
Кто сидит с ним.
Как сказка, маня?
На губах ее ответ огня,
Охватившего жаром кого-то.

Перед кем эти очи не меркнут?
Чей рассвет и прозрачен и ал?
В горький час
Человек или беркут
Перед смертью ее призывал?

Вот по этим – до пояса! – косам
Чья скользила рука наугад?
Кто с ней рос?
Кто бродил с ней по росам.
Как Козы-Корпеш или Фархад?

Для кого эти взоры открыты,
Ни лукавства,

Ни чувств не тая?
И какому случилось джигиту
Обращаться к ней: «Роза моя»?

Если смог ей
Такой повстречаться,
Он при звуках признаний глухих
Потому лишь не умер от счастья,
Чтобы вечно хранить этот миг.

Я, годов осторожно касаясь,
Дань стихов собираю давно.
Но, как видно,
Казахских красавиц
Описать никому не дано.

Словно краски, теряют волнение,
Лишь мечте оставляя права.
Словно
Вдаль устремившись за тенью,
Ошибаются слепо слова.

И, как реки по горным отрогам,
Все струятся надежды...
Рядком
Так же мирно сидят две эпохи:
Та вон девушка со стариком.

2

Кюй был назван – «Разбивший оковы»
Повелителем Курмангазы.
И душа его наполнилась снова
Тьмой печали и светом грозы.

Кюй – дитя гениального слуха.
Степь к напеву
Стремительных дней

Припадала внимательных ухом
И поспешно седлала коней.

...Длинным пальцам
Без тени кокетства
Струны тайну твердят, осмелев.
Так о чем же устами оркестра
Говорит этот старый напев?

Плачет он или тает в истоме?
Стонет степью, забывшей про сны?
Или в топоте это и в громе
Мчат, вздымаясь на миг, скакуны?

Или Каспий могучий и строгий
Бьет волнами о кромку Земли?
Или вдруг,
Пробудившись в тревоге,
Зашумели аулы вдали?

Или чибисы мечутся ночью?
Что с озер
Подняло их на миг?
Или беркуты в небе клекочут?
Что же так взбудоражило их?

Треск ли копий?
Раскат ли двустволки?
Или овцы хрипят, колеся
Под рыдания белого волка,
Под рычание черного пса?

Или девушек бедных стенанья?
Или вдов
Причитанья и стон?
Или трепетный миг испытанья?
Или глас, проклинаящий трон?

Иль младенец,
Неловко спеленат,
Задыхается в люльке своей?
Иль, над степью вздымая знамена,
Клич бросает в атаку людей?

Всех вопросов
Мне не перечислить.
И недаром меня до поры
Погружают в заветные мысли
И покой, и волненье домбры.

Мне открыты и радость и муки.
Я сейчас,
Словно пленник, притих
Под потоком стремительных звуков
В этот светлый и радостный миг.

Это дом Куреке.
Как надежда,
Обитает в нем Курмангазы.
Здесь оркестр воскрешает мятежно
Дух мятежного Курмангазы.

Высоки здесь дворцовые своды.
Здесь под взглядами тысячи глаз
Бог напевов
С любимым народом
Щедро делится скорбью сейчас.

Мать-судьба!
Как сложна ты от веку!
И по праву своей слепоты
Сколько душ ты капризно отвергла,
Сколько душ заморозила ты!..

Ты – красавица с жаркою кровью:
Сколько юных джигитов
На грудь

Ты склоняла, играя любовью,
Чтоб жестоко и зло обмануть!

Кто вложил в тебя хищные думы?
Улыбаясь в объятьях твоих,
Тот – с рыданиями,
Этот – угрюмо
Под конец вырывались из них.

Становилась ты мачехой,
В муках
Мудрецов и таланты губя.
Что за сила, связав тебе руки,
Широтой наделила тебя?

Ведь, случалось,
Дарила ты счастье
Не на долгие дни – на часы.
Но добро разделяли на части
Не твои ли скупые весы?

Состоишь ты из мрака и света,
Друг от друга
Стремящихся прочь.
Иногда ты – прозрачность рассвета,
Иногда – непроглядная ночь.

Куреке не ушел от страданий...
То ли был он твоим должником?
То ли жаждал он сам испытаний,
Сам мечтал об уделе таком?

Кто принес ему чувство печали?
Кто у музыки стал на пути
И у пальцев,
Что так насыщали,
Как соски материнской груди.

Но талант
Обошелся без вздохов,
Выжидая назначенный срок.
И бурлит, разливаясь, эпоха,
Как разбивший оковы поток.

3

Слышишь, старец!
Как отблески света,
Бродят думы твои вдалеке.
До чего же похож ты на этот
Знаменитый портрет Куреке!

Может, гений
С надеждой и грустью
Подарил тебе в детстве домбру?
Может быть, ты кюйши,
Чье искусство
Сам Ильяс¹ воспевал поутру?

Ладно,
Солнцем бывает не каждый...
И в краях, голубых от росы,
Никогда не рождаются дважды
Ни Бетховен, ни Курмангазы.

Те напевы исполнены страсти,
Где кюйши широтой наделен.
К сожалению или на счастье
Оставался безграмотным он?

Может, мальчиком,
В далях туманных
От нелегких скитаний устал,
Ты, мечтая о встрече, Курмана
По степям неоглядным искал?

---

¹Имеется в виду казахский писатель Ильяс Жансугуров (1894-1937).

Юность гения в прошлом не тает.
И Курман, откровенен и смел,
В «Кюшкентае»¹ борьбу Исатая
С горделивой печалью воспел.

И, дрожа на простой деревяшке,
Две струны,
Словно два волоска,
Говорили о бремени тяжком,
О народе, скорбевшем века.

Кто душой,
Для прозрений открытой,
Поделился с правдивой домброй?
Кто отвагой и верой с джигитом
Поделился суровой порой?

– Это он – Куреке!.. –
Откровенье
К аксакалу пришло в забытьи. –
Он, как бог, посылает в сраженья
Вдохновенные звуки свои!..

Верно, это от старости слезы.
Что слышалось: чьи-то шаги,
Клич тревожный, недалние грозы
Или голос Асана-Кайги?

Пусть погибли любимцы народа
Исатай и акын Махамбет.
Что ж, для новых боев за свободу
Не родятся другие на свет?!

Не найдутся отважные вскоре?
Не осталось носящих борик²

---

¹«Кюшкентае» – название кюя, воспевающего народное восстание под предводительством Исатая и Махамбета в XIX в.

² Борик – мужская шапка.

Или груз бесконечного горя
Стал отныне не слишком велик?

Белый царь ожидает услуги –
Черный хан перед ним
Тут как тут.
И они то целуют друг друга,
То, как волки, друг друга грызут.

Хан привык к грабёжам и разбою –
И над степью сгущается тьма
А царя представляет собою
В языке нашем слово «тюрьма».

И Курман
С сожаленьем и грустью
Эту горькую мудрость постиг.
В заточении понял он русский
Величавый и гордый язык.

Белый царь
Грабит русских со сметкой,
Хан с казахов три шкуры дерет.
Точно лев в металлической клетке,
Истомился в неволе народ.

Руки связаны, скованы ноги,
Но не сломлена воля кюйши.
Степь
Рассветы встречает в тревоге,
Злые слезы глотает в тиши.

Сердце гения, полное гнева,
Не одну повидало тюрьму,
Но, как прежде,
В свободных напевах
Открывалась отчизна ему.

И за правду
Клинками исколот
Он, в крови пролежав до утра,
Забывает про муки и голод
И народу желает добра.

У кюйши обезумели руки,
И страдания эти остры.
Раздаются железные звуки:
Бьются цепи о деку домбры.

Не нуждается старость
В расспросах –
Это юность не помнит обид...
И красавица черные косы
Непослушной рукой теребит.

Представляет былые мученья...
Но уносится звуками мгла:
Дрогнут веки –
И в то же мгновенье
Снова девушка эта светла.

Так светлы
В нашем крае повсюду
Те, кто солнцем самим рождены.
Внемлет девушка звукам, как чуду,
Наплывающему с вышины.

И в бескрайнюю ширь поднебесья,
Где царит неземное житье,
То легендой крылатой,
То песней
Мир искусства уносит ее.

Ждут ее только ясные цели,
А не годы
Несбывшихся грез.

После солнечных слез в колыбели
В жизни девушки не было слез.

Не гремела над ней канонада...
И, мелодией увлечена,
С аксакалом сидящая рядом –
Кто она и откуда она?

Может, это
Звезда поднебесья,
Что на землю глядит с высоты?
Может, самая лучшая песня
Нашей песенной Алма-Аты?

Может, кто-то
Хранит ее робко,
Как надежду и крылья свои,
У полей белоснежного хлопка
Или рисовых плеч Сыр-Дарьи?

Может, отсветы лун
Каждый вечер
На лицо ей ложатся, легки?
Может, это чудесная встреча
С гордым лебедем Сары-Арки?

Может, это землячка Курмана,
Что напевам внимала в тиши
И в себе берегла от тумана
Сто легенд о великом кюйши?

Но бесспорно одно:
Наши чувства –
Точно моря взметнувшийся вал.
И недаром
Сдружились с искусством
Эта девушка и аксакал.

Зал в волшебной мелодии тонет.
А напев
Над простором летит.
Он, сердца зажимая в ладони,
Рассекает звенящий зенит.

Это летопись жизни казахов,
Где достиг Куреке высоты.
Это зренье и жажда размаха,
И окно затаенной мечты.

Жизнь народа,
Вздыхавшего тяжко,
Откровенье батырской души.
Две струны
На простой деревяшке
Воскрешают наследство кюйши.

Вынес пытки он, вынес невзгоды
И арканом душившую тьму.
Ждал того урагана свободы,
Что снесет вековую тюрьму.

Неспроста барабаном суровым
Кюй гремит о рассвете судьбы.
Кюй Курмана «Разбивший оковы»
Низвергается ливнем борьбы.

О Курман!
Если б звуки оркестра
Проникали в могильную ночь,
Разве ты не сумел бы воскреснуть
И, встряхнувшись, судьбу превозмочь?

Здесь народ твой
Из звуков и света
Трон возводит тебе что ни миг.

Исполнителям музыки этой
Ты бы памятник тоже воздвиг.

Звонкий кюй о крылатой эпохе
Ты сумел бы, я знаю, создать.
Не сдержал бы счастливого вздоха:
«Я певец твой, о родина-мать!»

Ах, проснуться б тебе на рассвете.
Чтобы мир повидать тебя смог!..
Но, как прежде,
Ты прах на том свете,
А на этом – реальность и бог!

...Рядом
Мирно сидят две эпохи:
Та вон девушка и аксакал.
Будто реки по горным отрогам,
Думы катятся за перевал.

4

В зал плеснуло
Последним аккордом,
И оркестр умолк, деловит.
Сердце то замирает, то горько,
Как зайчонок в испуге, дрожит.

Словно, звякнув, упали оковы...
Зал, видением этим влеком,
Переводит дыханье – и снова
Потянуло степным ветерком.

Кюй, вобравший столетние дали,
Пять минут разливался в тиши.
Пять минут
Просветленно звучали
Откровенья великой души.

Я признателен силе искусства:
Отдаваясь поэме-реке,
Может, сам я
С волнением и грустью
Пять минут говорил с Куреке.

Но прости меня, пламенный гений:
Я пою об ином в этот раз.
Хоть воспеть
Твой поток откровений
Я мечтал и мечтаю сейчас.

Я охвачен заботой иною.
Обращаю к иному накал.
И в поэме не названы мною
Та вон девушка и аксакал.

Но недаром без их разрешенья
Я, увидевший души на миг.
Их ушами внимал откровенью,
Их глазами смотрел на других.

Куреке мой!
Заслуга потомков
В том, что ты воскресал в забытии.
Низвергали напева потоки
Сокровенные думы твои.

И, с врагами сражаясь сурово,
Люди-песни мужали в бою.
Потому-то «Разбивший оковы»
И назвал я поэму свою.

Так склонимся
И вздохом негромким
Через время окликнем кюйши,
И, хоть он не увидит потомков,
Может, он их услышит в тиши.

СЕЛЬ

1

Тысяча девятьсот семьдесят третий год.
Пятнадцатое июля.
Воскресенье.

Тысяча девятьсот семьдесят третий год.
Пятнадцатое июля.
Воскресенье.

Тот год.
Тот месяц.
То число.
В сиянье солнечного света,
Казалось,
Землю сотрясло...
Кто мог предвидеть это зло?
Кто мог смирить безумье это?

Тот месяц.
То число.
Тот миг.
К тому, что ты,
Отчизна, помнишь,
Добавь еще и этот миг!
Не забывай про этот миг
Ни днем,
Ни вечером,
Ни в полночь!

А ты,
Моя Алма-Ата,
Диви цветением планету.
Но ты,
Моя Алма-Ата,
Надежней всех запомни это.

В своем труде,
В своей судьбе
Людскою дружбою богата,
Ты, словно исполин в борьбе,
Вновь обнаружила в себе
И страсть, и мужество солдата.

Поднявшись грозною порой
В бой
За живого человека,
Ты встала за него горой
И проявила силу века.

Вдаль не потянутся теперь
Гробы
Кирпичной кладкой ада...
Ты мне, Алма-Ата, поверь, –
Честь, вдохновенье и отрада!

2

Июнь прошел,
В лучах горя, –
Июльдохнул жарою в дали.
Пока листки календаря
Неторопливо опадали.

Часы рабочие пока
Тянулись днями без разбега.
В горах – и то ни ветерка,
Ни горстки слипшегося снега.

А в кабинете – как в парной,
И галстук – петлею аркана.
Все тучные в палящий зной,
Страдая, дышат, как вулканы.

Где белых ливней благодать,
Снимающая жажду сада?

Когда листве затрепетать?
Когда к цветам сойдет прохлада?

Лишь по арыкам мчит вода,
По их расчетной паутине,
Да у фонтанов, как всегда,
Смеются дети беспричинно.

И хоть от зноя небеса
Стеклом растрескаться готовы,
Меня Алма-Аты краса
В который раз волнует снова.

Березы и карагачи
Застыли воинством зеленым.
В оврагах
Горные ручьи
Прносятся
С бодрящим звоном.

Быстры, сверкаючи, легки,
Машины мчат,
Теряясь в лете,
Как мраморные коробки
В своем
Пестрящем многоцветье.

Но мир, устав от духоты,
Ждет вечера, как исцеленья.
Похожи люди на цветы –
Цветы, обретшие движенье.

И краны рядом и вдали
Вздывают клювы к небосводу –
Так у колодцев журавли
Бадьями поднимают воду.

Алма-Ата
За мигом миг

Растет и днем,
И среди ночи.
Наверно, Головной арык
Об этом весело лопочет.

И люди вправе тем гордиться,
Что мир распахнут перед ними.
Что носят ленинское имя
Дворец и улица столицы.

Та улица, что коридор,
Уходит в зелени к Медео.
И к небу, как гряде опор,
Она дома свои воздела.

Та улица спешит вдохнуть
Прохлады свежей,
Снежной,
Лучшей.
Та улица – как Млечный Путь,
Когда глядишь с вечерней кручи.

Сейчас заржавели слегка
Вершины, стынувшие немо, –
Как будто горные снега
Ушли с них в облачное небо.

И льдины вечной чередой,
Как свечи, оплывают споро.
И грозно полнятся водой
Обычно смиренные озера.

И размышляет Тююксу¹,
Как бы обиде давней вторя:
«Сейчас в горах я, но внизу
Сумею оказаться вскоре...»

---

¹Тююксу – горное озеро, букв.: замкнутая вода.

За поведением льдов и вод
Следят посты у круч отвесных.
И над горами вертолет
Кружит, как мотылек железный.

В эфир летит за вестью весть.
И главная сейчас недаром
Такая:
«Осторожно! Есть
Угроза селя и пожаров!»

Но все покоем дышит впрок.
И лишь одно заботит город:
Когда ж вернется ветерок,
Ушедший за прохладой в горы?

Ущелье свежестью влечет.
Беды не чувствует народ:
Ведь Малая Алмаатинка
Всегда как будто бы не в счет.

Подумаешь, велик размах!
Но вниз летит река
Скачками,
То – колотясь о каждый камень,
А то – в бетонных берегах.

Обвал негрозный? Ледники?
Или еще случилось что-то?
Откуда в серебре реки
Извивы ржавого налета?

Быть может, ливень отшумел,
В горах выдаивая тучи?
Нет, ясен перевал Кунбел,
Манящий в голубые кручи.

Но вот со стороны вершин,
Вознесшихся в спокойном свете,

Подходит караван машин...
С каких прогулок едут дети?

Тот улыбнулся в этот миг,
Другой – задумался украдкой.
Но кто действительно постиг
Кочевья странного загадку?

Где дети –
Луч ложится прям,
Ручей прохладный речь заводит.
Смеются дети – к ясным дням,
А плачут – значит, к непогоде.

Да, дети всюду и всегда
У нас, у взрослых, на примете.
И если близится беда,
Пронзает первой мыслью: «Дети!»

Я сорок первый не забыл:
Мы в пламени, губившем дали,
Детишек вывозили в тыл,
А следом – сами отступали...

Сегодня школьные пороги
Опять пустынно – лето длится.
Куда машины мчат?
Тревоги
Не различить на детских лицах.

Но строго смотрит ребяшня:
Ведь мир берез и стройных сосен
В разгаре солнечного дня
Оставить нынче привелось ей.

– Гляди, вывозят лагеря!–
Негромко догадался кто-то.

Молчало небо, но не зря
Догадку подхватили с лету.

«Сель!» – слово, тихое пока,
Но дальним эхом силу множа,
Слетело ль где-то с языка
Или почудилось прохожим?..

Оно в квартирах и в садах
Смятенье вызвало едва ли.
И голуби на площадях
Все так же мирно ворковали.

Детишки бегали, резвясь,
Влюбленные прельщались тенью.
Все знали, что в горах сейчас
Ликуют запахи цветенья.

Абай,
Как песня в вышине,
Застыл
На пьедестале крепком.
Ах, лучше
Просто жить в стране,
Чем быть ее великим предком!

Слеза – живая благодать!
Чем так стоять
Безмолвным камнем,
Уж лучше, не роднясь с веками,
Смеяться, плакать, ликовать!

Уж лучше вихрем бы
Сейчас
Развеять духоту погоды,
Чем, выставленным напоказ,
Недвижно всматриваться в годы.

Но ты, учитель,
Полон сил,
И даже
Камень твой – цветенье!
А все,
Что здесь я говорил –
Плод моего воображенья.

«Тот свет» для нас –
Золе под стать
В костре, потухшем на рассвете.
Литфонда тоже, так сказать,
Не существует «на том свете».

Там ни красавиц, ни вина,
Ни воздуха степного нету.
И лишь земная жизнь дана
Для воспевания – поэту.

Я «на том свете» не пойду
На хлопоты о быте гладком:
Мне лучше вольно жить в аду,
Чем в сладостном раю – с оглядкой.

Вот почему я отдаю
Тем, кто сейчас со мною вместе,
И дар свой, и мечту свою,
И в сердце вызревшие песни.

Высок поэта пьедестал!
Так стой, Абай, на пьедестале,
Чтоб отовсюду стар и мал
К тебе и шли, и приезжали.

Стой.
Высота есть высота.
И не с нее ли утром рано

Поэту видно неспроста
Все – от долин до океанов.

А если так, то в этот миг
Узнай, учитель, в самом деле,
Что там за гул в горах возник
И о каком толкуют «селе»...

3

Стрелую, выпущенной в цель,
Бульжником, свистящим смело,
Коротенькое слово «сель»
В наш Дом Правительства влетело.

Влетело, словно это вдруг
Камчой хлестнул с размаха кто-то.
Влетело, обгоняя звук
Прямого своего полета.

Влетело, обгоняя вздох,
И мозга спешную работу,
И жест, которым бы я смог
Смахнуть с висков росинки пота.

Влетело, сохраняя пыл
Всех разрушений, всех пожарищ.
«Сель!» – сокрушенно повторил
Склоненный над столом товарищ.

И сердце у него в груди
Забилось птицею в смятенье.
И в мыслях на его пути
Возникло давнее виденье.

...Стынет город подобьем скелета.
Всюду страшных ударов приметы.
Раскатились, как бусы планеты,
Недозревшие яблоки лета.

Стали улицы выглядеть странно –
Как полопавшиеся арканы.
На строениях – свежие раны,
Кирпичи – грудой зерен багряных.

Там, где раньше гнездилась прохлада,
Не осталось ни листьев, ни сада.
Мимо зданий, не ждущих пощады,
Как плоты, проплывают ограды.

В мутных водах, крутящихся тупо,
Отражается солнце не скупю.
А в домах, во дворах и в садах
Столько обезображенных трупов...

Может быть, это девичьи косы
Зацепились за дерево косо?
Мусор... Вещи...
А может, лоза
Так похожа на девичьи косы?

Гуси, куры и утки – как точки,
А ослы – валунов череда...
Белоцвета и пуха комочки –
Будто пеной одета вода.

Шустрый
И худощавый ребенок,
В темноте уцелевших сеней,
Поразившись,
Услышал спросонок
О потоке воды и камней.

И подумал мальчишка далекий
Тех,
Очнувшихся в памяти дней:
«Эх, смирить бы
Шальные потоки,
Как стремительных диких коней!»

Утром свежим, безоблачным, ранним
Он запомнил коварство судьбы.
Он запомнил и плач, и стенанья,
И гробы – за гробами гробы.

«Если враг тебе вцепится в глотку,
То в сапог тебе вцепится пес».
Бед хватало. Но сель, как находку,
Много новых с собою принес.

За минуты убавился город,
Захлебнулись арыки песком.
И петлявший до этого голод
Стал повсюду ходить прямиком.

Но и в то беспощадное время,
Намечая к грядущему нить,
Большевистское гордое племя
Замышляло стихию смирить.

А чтоб мы не забыли невзгоды,
Не забыли о бедствии том,
В центре города долгие годы
Стыла глыба размерами с дом.

Стыла, меря иные заботы
Горькой мерой умчавшихся дней.
Глыба, глыба...
Убрал ее кто-то,
Не увидевший символа в ней.

Но она,
Как поэма Таира¹,
И кому-то, и мне, и тебе,
И всему необъятному миру
Говорила о нашей судьбе.

---

¹Таир Жароков – известный казахский поэт, автор поэм «Поток» и «Укрощение потока»

Это здесь мы
В минувшие сроки
Сель и голод смогли обуздать!
Земляки!
О, какие же строки
И какая вам память под стать!

...И собранный, и деловой,
Как беркут в тяге к небосклону,
Руководитель – он с Москвой
Вел разговор по телефону.

– Сель! – посмотрел в окно он, строг.–
Сель напирает на плотину,
Хоть преградить Медео смог
Путь грязекаменной лавине.

Да, да, плотина.
Наугад
Не стану утверждать до срока.
Но полстолетия назад
Слабее был напор потока...

Сейчас закон вступил в права:
Все для нее,
Для той преграды.
Коль средства выделит Москва,
Конечно, мы им будем рады.

Хотя и средства есть у нас,
И техника, и наши люди.
Мы каждый день...
Что?
Каждый час
Докладывать?
Конечно, будем!

...Казалось, неминуемое горе
В тумане черном двигалось на город.

Окно Большого Дома распахнув,
Руководитель всматривался в горы.

Ох, как недобры серые отроги!
Однако солнце на вершинах строгих
Сверкает, как на лезвиях мечей, –
И нет на мирных улицах тревоги.

Тревоги нет.
Так пусть всегда хранится
Людьми, чьи устремления чисты,
Покой невесты, матери, столицы –
Покой единственной Алма-Аты!

Пусть грохот
Слов привычных
Не потушит,
Пусть грохот
Снов девичьих
Не нарушит.
Пусть будет грозный селевой поток
Лишь на плотину крепкую обрушен.

Стоит Руководитель у окна
И думает, невольно холодея:
«Пусть спросят с одного меня сполна,
Коль этот сель прорвется за Медео...»

Но он не вправе поддаваться страху,
Как ни был бы встревожен и устал:
Недаром новый век делам алаха
Дела людей противопоставлял!

Он здесь солдат.
Он здесь правофланговый.
Пусть тяжело, но вдаль и вдаль иди:
Как видящий все спуски и подъемы,
Обязан он держаться впереди.

Мой стих!
О героическом размахе
Подчас легко судить со стороны.
Легко, мой стих,
Принять за чувство страха
Тревогу о судьбе своей страны.

И мелочь может стать
Проблемой важною:
Так губят гору ливни и ветра...
Я знаю, что по-разному на каждого
Влияет та же самая пора.

Героя вдаль и вдаль ведут упрямо
И ум, и долг, и знания, и труд.
Но на какой большой равнине
Ямы
Идущего вперед не стерегут?

Мы все
С одними – доброго добрей,
К другим, глядишь, относимся похуже.
Что ж, люди мы.
А веет от людей
Порою теплотой, порою – стужей.

Одни смеются
Сдержанней других,
И радуются
Сдержанней других,
И спорят тоже
Сдержанней других,
Не закипая гневом
В тот же миг.

Я ничего не делал втихомолку:
Случалось грома больше, чем дождей...

А иногда смотрю свирепым волком
На малосимпатичных мне людей.

Мечтать, я знаю, никогда не поздно.
Я знаю, что, опаске вопреки,
Идут здоровью нашему на пользу
Прямые разговоры по-мужски.

Ходьба и праздничное настроенье –
Бывает ими сердце спасено.
И все же иногда, прошу прощенья,
Ругнуться для разрядки не грешно.

Мы ссоримся,
Приходим к соглашенью,
Кого-то избегаем неспроста.
Лишь ангелу дано в своих решеньях
Восьмидесяти угодить из ста.

Те радоваться, эти огорчаться
Всегда готовы, нарушая тишь.
Хоть волосок ты
На две равных части
Разрежь продольно – всем не угодишь.

Я с некоторых пор об этом знаю.
Хороших – большинство,
Но как на грех,
Когда неплохо всем, то негодяю
Совсем неплохо тоже среди всех.

Среди речей, богатых откровеньями,
Немало сладкой пены иногда.
Меня и то иные чтут за гения,
Пока в дому вино им и еда.

Крыло любое утомиться может,
Мудрец любой оговориться может,

Любой скакун
В степи споткнуться может –
Ничто природу превзойти не может.

Любая трудность – в пору человеку.
Хоть с кем сравниться – в пору человеку.
Аллаху, что лишил меня отца,
Не доверяю – верю человеку.

Меня, понятно, мучает тревога,
Когда похвал вокруг не слишком много.
Но заслужить в народе слово «свой» –
Нет выше и значительней итога.

Читатель мой! Прости меня заранее,
Коль что-нибудь не так в моем признании.
Но говоря о ком-то: «Человек!» –
Я знаю, в мире нет достойней звания.

Уносят крылья в небо голубое,
На равных славят землю сталь и мел.
Тот навсегда
В долгу перед судьбою,
Кто имя детства сохранить сумел.

Оно тебе родней всего в итоге,
Оно важней, чем собственный успех.
Быть соловьем – пленить искусством многих,
Руководителем – снискать доверье всех.

Орел вовек
Не гнал лису, как ветер,
А пес вовек над степью не парил...
Руководить – быть на земле в ответе
За грозные дела «небесных сил».

Быть за буран и за жару в ответе,
Быть за волков и за овец в ответе,

Не только лишь за мертвых и живых –
И за потомков тоже быть в ответе.

Руководить – не поддаваться вспять
И от тяжелой нынешней заботы:
Жертв требует стихия, – значит, кто-то
Стихию селя должен обуздать!

Простят ли нам Иссык и вся округа
Лишь вздохи в память прежней красоты?
Забуть ли, как швыряли мы друг в друга
Пригоршнями сверкающей воды?

Иссык от веку влагой чистой, пресной
Сиял нам, словно горная роса,
Как в чаше ртуть,
Как бриллиант на перстне,
Как ласковой красавицы глаза.

Домброй для нас звучал он еле-еле,
Лучи в напев вплетая в вышине,
В спокойной глади повторялись ели:
Корнями – вверх,
Верхушками – на дне.

Косицами к нему свисали ивы,
В нем небеса тонули, высоки.
На отраженных елях молчаливо,
В нем облака белели, как платки.

Здесь лодки с удивительною смелостью
Спешили зорь коснуться золотых.
И старости, и юности, и зрелости
Открыто было озеро Иссык.

Здесь лебеди, как сказочная небыль,
Задумчиво скользили по воде.

И солнце плавилось в высоком небе,
Как будто шкварка на сковороде.

Да, сель былого захлестнул сознание...
С той влагой, что всегда была чиста,
Десятилетней давности свидание
Руководитель вспомнил неспроста.

Помедли он немного
В отдаленье,
Не повидал тогда бы
Вод живых.
Помешкай он у озера
Мгновенья –
Кто знает,
Там остался бы в живых?

Иссык сегодня дремлет одиноко
И годы, и недели, и часы.
Иссык на мир глядит потухшим оком –
Без света, без привета, без слезы.

Сель расплескал естественную чашу,
Сверкавшую водой немало дней.
Со временем былая гордость наша
Все мертвенней, все суше, все черней.

Да, в памяти поспешно пролетели
Недобрые деяния судьбы.
Сегодня вновь слышали о селе –
И город весь поднялся для борьбы.

4

Мчится шалый поток.
Мчится алый поток.
Как руками, жесток,
Катит камни поток.
Он – клубок сцепившихся драконов.

Он – клубок взъярившихся драконов.
Он – клубок катящихся драконов.
Он – клубок грозящихся драконов.
Он не резво ли
Блещет лез-ви-ем?
Из-ви-ва-ет-ся.
Рас-те-ка-ет-ся.

Он заполнил, скор,
Кручи снежных гор.
И живет внизу
Мощью Туюксу.
Летит со скального плеча,
Летит, слепя и грохоча.

Поток на радость валунам
Играет ими, как мячами.
Осколками по сторонам
Стреляет, дерзок и отчаян.

И камни, словно напоказ,
Подбрасывая лихо, споро,
Похож становится подчас
На настоящего жонглера.

Спешит – прожорливей огня –
По Малой
По Алмаатинке.
Мчит, тесноту ее кляня,
По Малой
По Алмаатинке.

Мчит, чтобы новые пути
Пробить себе, как коридоры.
Мчит, сравнивая на пути
С землей – холмы и косогоры.

Мчит в брызгах и в густой пыли,
Являя лютую отвагу.

Мчит, разрезая грудь земли,
Как будто лезвие – бумагу,
Мчит, вспучиваясь, как горбы,
Как ржавые горбы верблюжьи.
Не взрывов атомных грибы –
Летучий прах над селом кружит.

И ясли, что в недавний срок
Вокруг пингвинами стояли,
Теперь обрушены в поток
И щепками несутся в дали.

Там кони бегали, легки,
Плескались гривы в беспорядке...
Напоминает Мынжылкы¹
Не пастбище, а место схватки.

А сель, выказывая власть,
Смешал в одно бетон и камень:
Плотина малая – как пасть
С раздробленными им клыками.

Все рушит бешеный поток,
Все замуровывает сразу.
По счастью, лишь задесть он смог
«Горельник» – горную турбазу.

Как спичечные коробки,
Заградщиты несет к откосу.
Стальные,
В толщину руки,
Как нитки, лопаются тросы.

А над рекою той порой,
Беды не осознав открыто
И словно заняты игрой,
Кого-то ищут три джигита.

---

¹Мынжылкы – тысяча лошадей.

То там появятся, то тут.
Расстанутся, сойдутся вместе.
Каких-то девушек зовут,
В руках сжимая эдельвейсы.

Вот какова цветов цена!
Джигиты, в стороны бросаюсь,
Вновь выкликают имена
Купавшихся в реке красавиц...

Стремглав, стирая все следы,
Поток несется под обрывом.
– Ну, что ж ты, мама?
Где же ты? –
Зовет малыш нетерпеливо.

А сель – он из конца в конец,
Безумной яростью охвачен,
Мчит без оглядки, как беглец,
Крушит и губит, как захватчик.

А сель – он воет, словно зверь,
Ни в чем не хочет знать предела.
Ты должен выстоять теперь,
Последний наш рубеж – Медео!

***

На машинах движутся войска
По дороге, уводящей в горы.
А куда их путь под облака –
Не затеешь, право, разговора.

Крытых грузов бесконечный ряд,
«Волги» вверх проскальзывают бойко.
Может, люди за город спешат
Или направляются на стройки?

Нет!

Сейчас вступили в резкий спор
Два потока, чей рубеж намечен:
Ведь один летит свирепо с гор,
А другой спешит ему навстречу.

Два потока так судьба сведет,
Как ни разу не сводила прежде.
И один – слепой и мертвый лед,
А другой – живой огонь надежды.

И один – стихии злой каприз,
А другой учел в своем дерзанье:
Легче, разрушая, мчаться вниз,
Чем стремиться кверху в созиданье...

***

Здесь горы
Густо елями одеты.
Каток Медео знает вся планета:
Отсюда ежегодно звон коньков
Разносится легко по белу свету.

Ну, есть ли где еще такое чудо?!
Гранитный стадион вознесся круто.
А лед – как замороженное солнце
Или как будто полная луна
Плашмя припала к полю на минуту.

Медео!
Две горы – два исполина
Его покой оберегают чинно.
А чуть повыше третий исполин –
Под солнцем возлежащая плотина.

Взорлил здесь разум или изнемог,
Когда дышали благородной целью

Те, кто воздвиг плотину поперек
Малоалмаатинского ущелья?

С тех пор прошло
Не так уж много лет,
А кажется, что здесь она от веку,
Как пьедестал огромный, как хребет,
Как пробка закупорившая реку.

К ней грозный враг запальчиво стремится.
Но, мирной тишиной окружена,
В трех окликах всего лишь от столицы
Бессменно на посту своем она.

Ни на мгновенье не теряя веры,
Что дать сумеет мужества урок,
Здесь котловина с озеро размером
Должна была вобрать в себя поток.

Покинув русло в ожиданье селя
И вся во власти этого скачка,
Бурлит в браслете крепкого тоннеля
В сторонку отступившая река.

А через миг, уже забыв о грусти:
«Ай-хай-хай!
Вот ты, воля моя, где!» –
Поет река и по родному руслу,
Как встарь,
Стремит свой бег к Алма-Ате.

И в час, что был для нас особо труден,
В тот час, что был особо напряжен,
Стояли на верху плотины люди –
Как будто гвозди, вбитые в бетон.

Их не смахнуть, как перекасти-поле,
А упадут – опять сумеют взмыть!

Да, своего сооруженья долю
Готовы были люди разделить.

Не замирали в дни и ночи эти
Их думы, набирающие высь.
Вот и сегодня с самого рассвета
Не для гулянья люди здесь сошлись.

Открытый спор решит стихия разом.
Кто победит? Поток? Неужто он?
В борьбе с природой
Человеческий разум
Восславлен будет или посрамлен?

Как дикий конь,
Вперед летящий шало,
Роняет топот в пыльную метель,
Вдруг резкий гул ударился о скалы...
– Смотрите, сель!
– Смотрите, это сель!

Ворочаясь и ухая сурово,
Смертелен, многоцветен и жесток,
То дыбясь, то расплываясь снова,
В тоннель сначала ринулся ноток.

Бетон изжевывая и корежа,
Камней тяжелых длилась чехарда.
Как из фонтанов в малярной дрожи,
Свистя, хлестала в стороны вода.

Она сто раз свой путь перепыхала.
Поток, что был извергнут Туюксу,
То расшибаясь вдребезги о скалы,
То вновь вскипая, нес в себе грозу.

Со скрежетом и хрипом налетая,
Валы друг друга били тяжело.

И чудилось, что древний Алатау
Мгновенно раскрошился, как стекло.

А что ж с тоннелем?
Наглухо, однако,
Казалось бы, вместительный проход
Заклинило – так пораженный раком
И крошки не пропустит пищевод.

К тому ж еще немереная сила,
Стремясь коварство выразить ясней,
Все щелочки надежно залепила
В той мешанине глины и камней.

В тоннель валы вломиться не сумели.
Распространяя нестерпимый гул
И только миг помешкав,
От тоннеля
Поток, вращаясь, в сторону рванул.

Побольше валунов вобрав в лавину,
Он, презирая созданный тупик,
Попятился,
Помчался на плотину,
Боднул ее, как разъяренный бык.

Боднул еще – но не разнес преграды.
Со скрежетом, напоминавшим стон,
Посланец льдов, мрачней от досады,
Таранил перемышку, разъярен.

Вершины озарив закатным светом,
Глядело солнце вниз, удивленно:
Что там такое? Озеро ли это?
И если так – откуда здесь оно?

Заката не заметил наш Медео.
Рассвета не заметил наш Медео.
Зато, следя встревоженно за ним,
Людских сердец немало холодело.

Где б ты ни находился в час работы,
Будь там,
Где сель наращивает прыть,
Чтоб наши руки, техника, заботы
Смогли беде дорогу перекрыть.

С восходом солнца посветлее стало,
Хоть правда и до этого в ночи
Скользили по ущелью и по скалам
Прожекторов слепящие лучи.

Задержанное ребрами плотины,
Дрожа и пошевеливаясь зло,
Смешение камней, деревьев, глины
В ущелье, не смирившись, залегло.

Накапливая мощь и негодуя,
Сель все-таки пытается найти
Обход или хоть трещину какую
В преграде, что возникла на пути.

В преграде, устоявшей до рассвета.
И, не утихомирившись ничуть,
Он словно жаждет
Перемычку эту
В отчаянном прыжке перемахнуть.

Он создал озеро другим на диво.
И открывает солнцу высота:
На дне ущелья вспененно, бурливо
В рост человека мечется вода.

Там смельчаки
Трудились час за часом.
Но словно бы в поднявшейся пыли,
В тех замутненных струях
Водолазы
Тоннель расчистить все же не смогли.

Река и глину, и песок наносит,
Река сейчас – союзница беды:
В работе земснаряды и насосы,
Но вверх стремится уровень воды.

Вот-вот поток
Скакнет через плотину:
Тоннель забит – усилъя нележки
По удержанью селевого джинна
В бутылке переполненной реки...

И валуны, как стая волчья, с ходу
Набросятся на город в тот же миг...
«По-над плотиной следует обводы
Из труб соорудить для струй речных!»

Не по пути им со стихией дикой!
Пусть в прежнем русле
Прежний ток воды
Собой питает чистые арыки,
Поит густые рощи и сады!»

Такое было принято решенье.
Затем ученые и власти в срок
Постановили: контрнаступление
Начать на грязекаменный поток!

А тут молва вскипает стоголосо:
– Ну, как же это так?
– Да что там сель!

Не представлял бы он такой угрозы,
Когда б существовал второй тоннель!..

Кто виноват в случившемся? Строитель?
Специалист? Размах стихийных сил?
А может, это ты, Руководитель,
Невольную оплошность допустил?

Беда – и на плотине в эту пору
С тобой народ испытанный стоит.
Сейчас напоминает дирижера
Тот властный – справа от тебя – джигит.

А вот другой: он занят только селем,
Он жизни не жалеет для труда.
Он, чудится, про отдых и веселье
Забыл в минуты эти навсегда.

Вот – третий: словно и не озабочен,
Приветливой улыбки не таит.
Он, часа не вздремнув в течение ночи,
Невозмутим, всеведущ, деловит.

И тот вон увлечен сейчас работой,
Хоть ночь и для него была трудна:
Багровый –
Словно душит его кто-то
Или как будто выпил он вина.

Друзья!
О том не забывая кстати,
Что землю сильной делает народ,
Не ради выгод и не славы ради
Вы в трудный час
Выходите вперед.

Коль нужно что-то – спрашивают вас.
Бранят кого-то – спрашивают с вас.

Мизинца вид и вид большого пальца –
Вот две оценки ваших дел подчас.

Да я и сам, меняя пальцы, тоже
Не раз вам душу открывал свою,
Хоть я и сам пока еще, быть может,
Уверенней беру, чем отдаю.

Бить в грудь себя – не вижу в том отваги.
Но есть в природе худший перекося:
Овсяг – он потребляет ту же влагу,
Что и людьми посеянный овес...

А ведь раздайся хоть сейчас над нами
Призыв идти
На грозный шторм вершин –
Мы под свое единственное знамя
Без колебаний встанем как один.

Среди ученых и специалистов –
Руководитель.
С каждым бугорком,
С любой тропкою и камнем мшистым
Он здесь давно и коротко знаком.

В отличие от тех,
Кто в гонке шумной
Изводит подчиненных, горячась,
Спокойствием и ясностью разумной
Достоинно веет от него сейчас.

Он никого подстегивать не хочет,
В отличие от начальников иных
Советы инженера и рабочих
Учитывая в действиях своих.

Да, в спорах истин рождено немало.
Недаром же одною из преград

На дно ущелья взорванные скалы
Обрушились семь лет тому назад.

Не раз идея этого свершенья
Вдруг отвергалась –
В сущности проста.
Сравниться может с муками рожденья
Лишь послеродовая маета.

Иные рассуждали, сердцу внемля:
«Такого риска не знавали тут!
Удары взрывов растревожат землю,
А может быть, и город сотрясут.

И тихий ветер вихрем оказаться
Сумеет, понимаете ли, вдруг,
Лавину селя,
Как степного зайца,
Спугнет в горах и приглушенный звук.

Кто взрыв введет в разумные границы?
А вдруг он не послушается нас?
А вдруг да и накроет всю столицу
Из гор на волю вырвавшийся газ?»

Любой костер разбрасывает искры,
А вспыхнет ярче – то и угольки.
А все же пламя самой верной мысли
Уводит вдаль сомненьям вопреки.

Одни из нас делам и риску рады –
Кто ни грози портфелями мечте.
Другие видят только то, что рядом,
А третьи рады личной слепоте.

Известно, не одна неустрашимость
Крутой борьбе за новое под стать.

Всегда должны сомнение и решимость
Друг друга проверять и дополнять.

Не каждой птице – беркута паренье.
Не каждым суткам – лозунг или стих.
Не каждый взрыв приносит разрушенья.
Порой в обход быстрее, чем напрямик.

Чтоб стала ясностью
Любая мутность,
Сквозь разум пропусти текучку дня.
Как умничанью – подлинная мудрость,
Так страху осторожность –
Не родня!

Дерзання. Споры.
Чувство укоризны.
И камень подоить дано иным.
Специалисты –
Словно по две жизни
Отпущено в ответственности им.

Вот академик – горокат из лучших.
Хоть и сберег он юности задор,
Его седины – как снега на кручах,
Его морщины – точно складки гор.

Своей душой, всегда открытой шири,
Он был за взрыв – за этот стусок сил.
И нынче академик из Сибири
На гулкий грохот селя поспешил.

Известно, если он за что берется,
То уж берется крепко, горячо:
Слова и жесты – как у полководца
И по-солдатски верное плечо.

А рядом, словно бы с другой картины,
Живой невозмутимости пример,

Стоит еще один отец плотины –
Худой и загорелый инженер.

Он принял вызов, брошенный бедою.
Бессонен, темноглаз, черноволос,
Усами и густою бородою
За эти дни и ночи он оброс.

Когда-то, возражения отринув,
И он стоял за отгремевший взрыв,
Да, эти двое создали плотину,
В одно мгновенье горы своротив!

А если бы тогда, вконец измучась,
Смирился б тот, а этот бы притих,
Как мы корили б их...
Какая участь
Постигла бы теперь и нас самих!..

А если бы...
В надежде убедиться,
Что мрак не заслоняет синеву,
Взглянул Руководитель на столицу
И словно впрямь увидел наяву:

Смертельно заарканенный потоком,
Пустеет город, страхом побежден.
Котлом, разбитым в лихости жестокой,
Затоплен знаменитый стадион.

Идя войной на счастье и удачу,
На достиженья сердца и ума,
Поток сровнял с землей сады и дачи,
Перспекты и высокие дома.

Дворец в волнах
Огромной шляпой мокнет,
Прервав звучанье смеха, кюев, строк.

Открыто солнцу – желтому моноклю –
То, как гигантский город изнемог.

Хоть зданий в нем погублено немало,
Слепому буйству не видать конца.
Поток сметает целые кварталы –
И кровью обливаются сердца.

Куда от общей катастрофы деться:
Ведь для одних из нас Алма-Ата –
Цветение садов над мирным детством,
А для других – десятки лет труда...

Руководитель страшные виденья
Рукою отогнал, как плотный дым:
Все это лишь игра воображенья,
Пока что город цел и невредим.

Подумал гордо:
«Сил в народе много!
Жаль, рук не хватит, чтобы всех обнять,
Кто нынче селю преградил дорогу,
А завтра повернет стихию вспять!»

Народ, конечно, сам себе спаситель,
Он сам воздвиг плотины мощный вал.
Но люди помнят: ты, Руководитель.
Решенье то о взрыве подписал.

Ты рисковал,
Но жил великой верой
И думал не о собственной судьбе,
Руководителя и инженера
Соединяя качества в себе.

Специалист.
Нам тех понятна гордость,
Кто это звание несет, не горбясь.

А всем ли скажешь: «Я – руководитель!»
Вполголоса – не то что в полный голос?

Теперь барханы зацвели в долине,
И воду пьют вчерашние пустыни.
Служить бессменно сорок лет стране –
О, сколько дней в них, памятных донине!

Казах упорству учится у нара,
Лишь на вершине в рост идет чинара.
В заботах о других – не о себе –
Заиндевели волосы недаром.

Ну, как не загрустить в своей судьбе
По тем годам, что отлетели круто?
Прав или не прав – любой идет к тебе –
А сам ты жалуешься ли кому-то?

Ах, как легко
По долам Коныратским
Джигита кони резвые несли!
Ах, прямо в руки рудные богатства,
Казалось, сами шли
Из недр земли!

Далекий день
Затеплился в сознание
И снова понимающе погас.
...Да, отвлекаться на воспоминания
Нельзя Руководителю сейчас.

Стоит Медео,
Занят главным делом.
Стоит Медео –
Крепок,
А не слаб.
В пыли,
В тревоге,
В грохоте

Медео
Стоит,
Как боевой
И строгий штаб.

О том, что обгорят, не беспокоясь,
Под солнечным огнем –
Да с огоньком! –
Солдаты, обнаженные по пояс,
Сгружают, торопясь, мешки с песком.

Сидеть и дожидаться ливня – глупо.
Здесь расторопны все до одного,
Стыкуя трубы, сваривая трубы,
Которые сейчас важней всего.

Сейчас сердца
Охвачены авралом,
И голубой огонь бросает в дрожь.
Сейчас любой из сварщиков похож
На рыцаря с опущенным забралом.

Сейчас дыханье стало запаленным,
Как в схватке разгоревшейся, – у всех.
Но как сильны, о жизнь, твои законы:
И песня здесь слышна, и даже – смех!

– Се-ель! –
Прокатилось сумрачно и длинно.
И вымахнула радуги коса.
И от удара дрогнула плотина.
И столб огня взметнулся в небеса.

6

Лист календарный сменился.
На месте
Не застоятся различные вести:

В мир этот снова младенцы вошли,
В семьи вошли молодые невестки.

Лист календарный сменился.
Мужчина
В черных кудрях обнаружил седины.
То ли тут к пенсии бодро спешить,
То ли о юности думать в кручине.

Лист календарный сменился.
И кто-то
Новое утро встречает с охотой.
Горе кого-то настигло сейчас,
Не отпустила кого-то забота.

Вот эти трое, которые честно
Ищут красавиц, оставленных тут:
Каждое утро на прежнее место
Горькие слезы джигиты несут.

И на людские, жестокие муки
Смотрит Медео, жарой опален.
Хрипло разносятся легкие звуки
Трех сокровенных
Девичьих имен.

Юноши держат в руках эдельвейсы,
Те, что тогда им нарвать удалось...
Где же вы, девушки?
Где вы, невесты?
Где смоляное смятенье волос?

В ветре ли,
В песне ли вспыхнет догадка
Горе развеять.
Джигиты с утра
Ищут за елями – будто бы в прятки
Сутками длится и длится игра.

Ищут старательно и терпеливо.
И, возвращаясь с далеких орбит,
Эхо их громких, но тщетных призывов
Над грязекаменной массой кружит.

Что приближает старения сроки?
Где он – любви и страданий предел?
Мальчик,
Чью мать захлестнуло потоком,
Мне говорили, за миг поседел.

Горы, отмалчиваясь,
Переносят
Тяжкого,
Плотного зноя накал.
Будто и впрямь
Избегая расспросов,
Ветры забились в расщелины скал.

Копит недобрые силы природа,
Даже и в этом являя красу:
Стынут верблюдами, пьющими воду,
Льдистые глыбы вокруг Туюксу.

Струи, не ведающие пощады,
Могут быть сонны, прозрачны, легки.
Сказочный вид открывается взгляду,
Если поднять его вверх – с Мынжылкы.

Горы
Из высей великих и малых
Только лишь небо одно
Признают.
Синее небо да синие скалы!
Жалко, что сели
Безумствуют тут...

Но и такое случалось веками;
Даже в богатые солнцем деньки

Из ледникового вымени капли
Еле просачивались к Мынжылкы.

Там же,
Где злая вода бушевала,
Словно бы память о канувшем дне,
Зримо зияет глубоким каналом
След, протянувшийся по крутизне.

И, как скакун, на неровной тропинке
Выбросивший из седла седока,
Резвая
Малая Алмаатинка
Мчит, в берега упирая бока.

Сель котловину покрыл валунами
И на тревогу Медео обрек.
Помните? Помните?
Словно цунами,
Сверху вторично ударил поток.

Помните,
Прямо оттуда,
Где слепо
Мрак замышлял пресечение дней,
Белое пламя
Взметнулось до неба
Над мельтешеньем воды и камней.

Было б не страшно,
Когда б эту массу
Сон в голубые объятья увлек.
Но на плотину,
Не дремля и часу,
С остервенением давит поток.

А та, хоть и стонет,
На месте застыла, тверда,

И чудится, селю
    Не сдвинуть ее никогда.
А ростом плотина –
    Как многоэтажное зданье.
Сквозь толщу плотины,
    Фильтруясь, сочится вода.

Чернеет плотина –
    Откос ее сильно промок.
Досадует сель, что не хлынуть
    Назад или вбок.
С высот Туюксу
    Прорываются новые струи.
Вот-вот опрокинет плотину
    Окрепший поток.

Вот-вот одолеет плотину.
    Сомнет. Разнесет.
И черным туманом
    Весь город накроет вот-вот.
Мне трудно улавливать
    Пульс наступившего часа –
Лица должностного
    Теперь наступает черед.

– Москва?
Нет, наш сель не утих!
Пока новостей никаких.
У нас, чтобы выиграть сутки,
И час на учете, и миг!

Да, путь будет скоро открыт
Воде, напорающей шало.
И в трубах она забурлит –
В двух созданных нами каналах.

И русло,
Привыкшее к ней

Кипеньем наполнится смело.
И станет
Намного прочней
Плотины намокшее тело.

Мы приняли
Множество мер.
Сегодня здесь руководитель
В решеньях своих – инженер,
По образу мыслей – строитель.

О нуждах
Справлялись друзья
Из Киева и из Ташкента.
Звонят отовсюду друзья,
Узнав про серьезность момента.

Сил хватит.
Но Родине всей
Спасибо за это участие.
Живя на виду у друзей,
Нам не утрашиться напасти.

Но сель этот наверняка
Запомним на долгие годы.
Нет, средств у нас много пока.
Спасибо, Москва за заботу!

Что именно?
Как наш народ?
И признака нет беспокойства:
Работает, песни поет –
Беспечность в том или геройство?

Уверенность? Видимо, да!
Солдаты из нас неплохие:
Коль нужно – вся Алма-Ата
Поднимется против стихии.

Сейчас предлагает любой
И опыт, и силы, и знанья.
Да, завтра
Решающий бой –
Решающее испытанье.

Нависла над нами беда.
Но справимся.
И, между прочим,
Дадим миллиард, как всегда.
Спасибо!
Спокойной вам ночи!

Какой бы силой
Ни был ты отмечен,
Тревога и тебе ссутулит плечи.
Но бодрость тот короткий разговор
Вдохнул в Руководителя под вечер.

Слова в сознание повторялись снова.
Казалось, у сегодняшней черты
Для всей Отчизны
Дела нет иного,
Как счастье и покой Алма-Аты.

Неужто в одиночку было легче
Нам, степнякам, осиливать пути?
Сварливых речек, помню,
В семиречье
Насчитывали мы до двадцати.

И синяя. И желтая. И белая.
Льды и снега питали их в горах.
И шумная. И тихая. И смелая.
Они весной бурлили второпях.

Тонул степняк в Кегене и в Богене.
Скотину и аул наверняка

Скорее прочих губит наводненье
Твое, о невеликая река!..

Как справиться с природною бедою?
И вот иной бедняк клянет судьбу,
Пока, глядишь ты, вешнюю водою
Уносит прочь кормилицу-арбу.

Легко справлялись струи с одиночкой.
И хан, и зверь справлялись с одиночкой.
И враг, и джут справлялись с одиночкой,
И злой закон справлялся с одиночкой.

Одних жара губила без пощады,
Других разливы рек –
Средь бела дня.
Да, Семиречье шло кругами ада
К земному раю нынешнего дня.

Крылом в окне белеет занавеска.
Тревоги не пытаясь превозмочь,
Там, у окна, распахнутого резко,
Руководитель всматривался в ночь.

В июле на объятия красавицы
Она похожа – ночь Алма-Аты.
Как будто косы,
Ивы чуть касаются
Дремотной, предрассветной темноты.

Окутанные таинством великим,
Меж сном и явью замершие тут,
Молчат цветы.
А быстрые арыки
Звенят о чем-то, шепчутся, поют.

Потом проснутся горы на рассвете
И ароматом опьянят на миг

Так, словно бы к тебе домчался ветер,
Коснувшись той, что краше всех других.

И позабудешь ты, как пыль сутулится,
Как спит, рыжея у твоих дверей,
Как мчит поземкой серой...
В недрах улицы
Видны ряды горящих фонарей.

Не бисером ли бархат оторочен
Вон там, внизу,
Где, робость затая,
Застыла эта пара среди ночи,
Как два про все забывших соловья.

И мотыльков бессонных не осталось
У фонарей в неранний этот час.
Руководитель – и его усталость
Отметила морщинками у глаз.

Но губы шепчут:
– Пусть же до рассвета
Поспит Его Величество Народ!
С утра с цветами,
С зорями,
С планетой
Его очередная встреча
Ждет!

О люди!
Ваших требований бремя
Не сложишь и другим не передашь!
Какому слову славить в наше время
И вас самих, и труд заветный наш?

Обычна эта ночь
В своем величье:

В грядущем
Пожинать ее плоды.
До утренней зари,
До песен птичьих,
Спокойной ночи,
Люди и сады!

Не зря кипит работа на Медео,
Где льдины и утесы тяжело спят!..–
Руководитель
Вновь включился в дело,
Придвинув телефонный аппарат.

Он в трубку
Задавал вопросы скупо:
– А что самой плотины высота?
Как далеко ушли стальные трубы?
Насколько поднялась еще вода?

Ну, что ж, спасибо вам! –
Сказал кому-то
И вспомнил, трубку опустив, про сон.
Прилег, но в ту же самую минуту
Его звонком окликнул телефон.

Руководитель встал:
– Вот это дело!
Ждала такого ливня целина!
Как на Медео? Утром о Медео
Узнаете и вы, и вся страна!

...Хотя часы не попусту летели,
В чужие разговоры до сих пор
Вторгался я без спроса – мне о селе
Пришел черед продолжить разговор.

Мой строгий бог и друг мой настоящий,
 Читатель, чьей я страстью раскален,
 Всеведущий, всеслышащий, всезрящий
 Чем ныне можешь быть ты удивлен?

Вращается планета в нетерпенье –
 Бег времени с годами не пресечь.
 Но, силясь задержать
 Хотя б мгновенье,
 Я об известном начал эту речь.

Пусть только совесть каждого поэта
 Поэтом занимается сама.
 Нередко признают талант поэта
 Чтоб не признать в нем здравого ума.

Что ж, даже гениальность
 Суд неправый –
 И ту порой в безумстве обвинял.
 Стихи – не детектив и не забава:
 Свой замысел у них, свой идеал.

Пишу и о веках, и о мгновенье,
 И о себе, и о тебе, мой край.
 Пишу, чтоб разбудить воображенье,
 Чтоб вызвать мысли, как сказал Абай.

Твой суд, читатель, я встречаю смело:
 Дай выпить яду, поднеси шербет.
 Известно всем, что устоял Медео
 И продолжает путь сквозь толщу лет.

Поток не смог на город устремиться,
 Хоть зной палил нещадно с вышины.
 Известно всем,

И люди, и столица,
И честь народа были спасены.

Тогда под песню собственного гула,
Разрывом с мощью гибельной горда,
По трубам в русло прежнее скакнула
Над самую плотину – вода.

И вот одни кричат, другие немо
Глядят на струи вспененной реки.
И сварщики подбрасывают к небу
Работой прокопченные щитки.

Взлетают к небу кепки, малахаи,
Как будто детству вновь пришла пора,
И до Алма-Аты, не затихая,
Доносится счастливое «ура».

Один прилег – усталостью он донят,
Другие ходят – страшного страшней.
Гремят аплодисментами ладони,
С усилием оторвавшись от рулей.

Непросто речью выразить порывы.
Иное вовсе выразить нельзя...
Но посмотри, читатель,
Как красивы
Героев воспаленные глаза!

Все – чувствами сердечными влекомы
Целуются среди суровых скал.
Кто разберет: знакомы, незнакомы,
Где здесь юнец и где здесь аксакал?

Слеза иль пот? Весомые, как бремя,
Сверкают капли возле глаз, но их
Не смахивают:

Здесь едино время,
Едина радость и един язык.

Хранить бы нам, друзья, в музейных залах
Пробирки слез того крутого года,
Щитки – доспехов рыцарских забрала,
Рубашки, побелевшие от пота.

И тех, к кому торю свои дороги,
Я профили б нанес на срезы скал
И на плотину памятники многим
Вознес, как на готовый пьедестал.

Да, многие здесь не жалели жизни.
Они, стихии перекрыв пути,
Не думали совсем о героизме,
Не мыслили в историю войти.

Что ж, слава им
За этот труд и смелость –
Кто против своевременных похвал?!
Но главное, чего тогда хотелось:
Уснуть, свалившись там же, где стоял.

И пусть восход сменяется закатом,
Пусть под боком утесы холодеют!..
Потом припомнить:
«Сладко я когда-то

Вздремнул в ущелье древнего Медео!»
Людьми сейчас все тропочки забиты.
Но я, читатель, выискав свою,
Тех безутешных – помнишь? –
Трех джигитов
В толпе один по праву узнаю.

Пока что горе всюду с ними вместе,
Оно сердца сожмет еще не раз.

Но парни дарят людям эдельвейсы,
Не выставляя скорби напоказ.

Не эти ли цветы с мечтой о чуде
Джигиты в день жестоких перемен
Несли на берег тот, который люди,
Быть может, назовут – Кыздаркеткен?¹

Без сильных чувств
Слеза ресниц не смочит...
Но длилось ликованье победителей:
Руководитель шел в толпе рабочих,
Специалистов и руководителей.

Алма-Ата, не ведая кручины,
Опять тянулась к счастью и к размаху.
И гуси, переваливаясь чинно,
В предместье горном двинулись к оврагу.

И ветер, не помедлив и мгновенья,
За вести, донесенные сюда,
Листву целуя в знак вознагражденья,
Шепнул:
«Идет красавица вода!»

И впрямь идет она, идет,
Прекрасна
И пеной, и прозрачностью сквозной.
Хоть и сегодня небо ясным-ясно,
Не так суров и обжигающ зной.

8

И две весны над нашей стороною
С тех пор прошли и скрылись вдалеке.
Что ж, в памяти стирается иное,
Как будто надпись мелом на доске.

---

¹Кыздаркеткен – букв.: берег утонувших девушек.

Но не забылся год семьдесят третий,
Но та тревога все еще жива:
У каждых уст свой возникает ветер –
То гаснет, то пылает вновь молва.

Одни вам об опасностях расскажут
И о своем спасении расскажут,
Другие о борьбе тех дней расскажут
И о своем участье в ней расскажут.

За взрыв, мол, эти были в самом деле,
А те смиряли сель, не устращась.
Но дружно вопрошаем мы сейчас:
«Что стало б с нами, если б не Медео?..»

Наш город грязь и камни не подмяли.
И все-таки, мы знаем, в час крутой
Медео спас бы город наш едва ли,
Когда б не «кое-что» в борьбе с бедой.

Когда б, допустим, не эпоха света,
Не люди, окружающие нас.
Пусть все это понятно –
Но об этом
Напомнить не мешает лишний раз.

Не просто видеть чьи-то достижения,
А сопереживать им
Нам с руки,
Поскольку созерцанье без волненья –
Как пицци непрожеванной куски.

Не всем нам и не вечно мыслить дерзко.
Бывает так охота иногда
Медлительных ответов ждать по-детски,
Дивясь: откуда? как? зачем? когда?

Бездарным быть – еще не преступленье:
И слабый в силах создавать и сметь.

Преступно подвиг предавать забвенью,
Несправедливо более, чем смерть.

Ряды гостей у нас не поредели.
И ты на край,
Читатель мой, взгляни,
Где перед славой нового Медео
Известность Мекки меркнет в наши дни.

Сюда идут посланцы всей планеты:
Один в молчанье мужеству дивится,
Другой на сто вопросов ждет ответов
О селе, о Медео, о столице.

Как чудо, объявившееся в мире,
Стихии дикой давшая отпор –
Повыше, понадежней и пошире
Лежит теперь плотина среди гор.

В ней есть душа, которая готова
Откликнуться, поверить и помочь.
Она – создание подвига людского,
Своей эпохи истинная дочь.

Мы научились многому у селя,
И это время шло не без забот:
В горе пещера нового тоннеля –
В него и поезд запросто войдет!

И Туюксу
Гостей встречает кротко,
Хотя его секреты глубоки.
По синей глади проплывают лодки,
С вершин надменно смотрят ледники.

Нет, своего природа не упустит,
Но, помня, про недавнюю грозу,

Мы держим руку разума на пульсе
Спокойного пока что Туюксу.

До знойных дней безжизненны,
Однако
Стихийной силой полны ледники.
Внизу – снега и ветры Чимбулака,
Внизу – Кыздаркеткен и Мынжылкы.

Бесстрашный город дремлет у подножья:
Там есть для всех и счастье, и цветы.
Лишь памятника
Схватке с дикой мощью
Пока что нет в садах Алма-Аты.

Но памятник – плотина!
Словно чудо,
Она сумела город уберечь.
«Когда бы не Медео...» – так повсюду
Заводят речь и обрывают речь.

Итак, поэму о недавнем селе
Пора кончать, все прояснив вполне.
Учти, читатель мой, на самом деле
И о тебе она, и обо мне.

Я с песней никогда не буду слабым.
Учти, у нас в любые времена,
При всех возможных «если» и «когда бы»,
Есть главное – моей судьбы страна.

Я все сказал.
Но в классики при жизни
Не тороплюсь – и в глубине *ДУШИ*
Ты этот труд, читатель мой, домысли,
Продолжи сам,
Дочувствуй,
Допиши!

СТУПЕНИ БАЙКОНУРА

(В пяти новеллах)

ИСАКУЛ И ПОЭТ

Живи и здравствуй, старый Исакул!
Твой голос из родных мелодий соткан,
Широк разлет твоих бровей и скул,
Твой смех лучится
Казахстанским солнцем.

Лиричен сердца твоего настрой,
И дух степи в тебе – как дух народа,
Доверчивостью взгляд искрится твой.
Кто б оценил тебя в былые годы?

Ты все приметы зрелости хранишь:
Под стать глухим, в беседах не кричишь,
На жесты скуп и в голубые дали
Спокойно и мечтательно глядишь.

Здорова ль Балшайым?
Признать могу.
Ваш чай – как мед по вкусу и по цвету.
(Перед женгей я за него в долгу –
Простит ли время все долги поэту?)

Как дети? Как друзья и все вокруг?
Хоть на эпоху держит степь равнение,
От творческих не исцелиться мук –
По месяцам нет искры вдохновенья.

А дни идут обычной чередой:
Событий, перемен свершилось сотни.
И лишь поэт – как будто конь гнедой,
Что за отарою бредет, оседлан.

Он внемлет жаворонку, соловью.
Он что-то ищет в каждом встречном взоре.
И душу ощущает он свою
Вселенским центром радости и горя.

Доверчив он, но может дать отпор.
Порывист он, но не жесток при этом.
И ни один сейсмический прибор
Не чутче сердца честного поэта.

В прощальный час любовь в его душе –
И жизнь поэта срывами не мерьте.
Лишь бык – по виду
Да поэт – в душе,
Как говорят, не старятся до смерти.

Поэт прекрасен правдой на устах,
Мечтой он – выше беркута в паренье.
Поэт и на земле, и в небесах
Находит верный путь по вдохновенью.

Когда поэт в борьбе, он на виду,
Он вдаль готов за необычным мчаться.
Поэт – он дарит людям красоту,
Ее дарами пользуясь не часто.

Какой поэт признается в дряхленье?
Красавицы порвут его творенья
И самого навеки проклянут –
Постыдны старческие настроенья.

Трудам его объявят забастовку
Хранительницы вечного огня,
Старенье отрицая и гоня –
Мол, среди женщин и дряхлеть неловко!

Но это в шутку.
А сказать по чести –

Так наша муза, не нуждаясь в лестии,
И плачет, и смеется, и грустит;
Вздохнет над чаем – и то с народом вместе.

В укрытие поэта не загонишь.
Как юный страж у правды на посту,
Он к приторному добавляет горечь,
А в пресное привносит остроту.

Мы вдохом-выдохом народа стали:
Народ в пути – и песни рвутся в дали!
Мы там в порыве общем, где подчас
Призывно раздается: «Раз-два, взяли!»

И глас народа, и его заветы,
И трепет сердца – в голосе поэта.
Стихи в жару сверкают, словно дождь,
Стихи в ночи сияют лунным светом.

Себя не перепрыгнешь все равно
И мысль, увы, не высветишь рентгеном.
Душа народа! Нам ее дано
Раскрыть перед народом откровенно.

Известно: среди творческих натур
Дар губят не горячностью, а ленью.
Так что ж не посетить мне Байконур,
Где нет оков земного притяженья?

И я к Руководителю с надеждой
Явился за поддержкой, не таясь.
Так вновь и вновь является прозревший
К тому,
Кто был увиден в первый раз;

Кто – совесть устремляющихся к свету.
И наш Руководитель мне на это

Сказал:

«Ну что ж! Счастливого пути!
Нет у народа тайны от поэта!»

Такой простой, учтивый, смугловатый,
Он дал поэту счастье быть крылатым:
Он трубку снял – и вот уж подо мной
Вы, байконурские координаты.

С тех пор мы, Исакул, с тобой знакомы.
Над нами,
Над твоим радушным домом
Бескрайняя Вселенная плыла –
И жил я между ней и космодромом.

Как будто и сейчас тебе я внемлю:
Борясь и строя, ты бы не устал.
Невежество, вкогтившееся в землю,
Ты – сын степей –
В степях искоренял.

Ты говорил мне с гордостью:
«Не скрою,
Я стар, но многое увидеть смог:
И то, как первый спутник над землею
Взметнулся жаворонком из-под ног;

И то, как здесь Гагарина встречали.
А, кстати, помнят эти вот места,
Как встретил свой конец
Певец печали –
Тот легендарный наш Коркут-ата».

Ты, ноги под себя поджав, с почтеньем
Нас потчевал обильным угощеньем.
В том, чтоб кормить нас, а не говорить,
Хозяйское ты видел назначенье.

Кружки казы таили солнца жар
И аромат степной, дразнящий, стойкий.
Постанывал кипящий самовар
Верблюдицею, жаждущей часа дойки.

Как дар земли священной,
Баурсак
Безмолвно высился медовой грудой.
Его за звезды принял бы казах,
Коль в небо кинуть это яство с блюда.

Под тяжестью такой едва дышал
Твой дастархан, богатый по-степному.
А гости – я, да русский – генерал,
Да украинец – секретарь горкома.

Под нами одеяло и ковер,
У всех у нас подушки под локтями.
И ты неторопливый разговор
Поддерживал с довольными гостями.

За все тебя, по чести говоря,
Детьми, достатком степь благословляла.
Ты Николаем звал секретаря
И в шутку Анатодем – генерала.

Хоть на широком лбу
Морщины сплошь,
В глазах играл огонь – и оттого-то
Ты острыми плечами был похож
На беркута, готового к полету.

А пальцы – корни таволги степной,
Знать, в состязаньях побеждал недаром,
Кулак с кувалду был величиной –
Кто устоял бы под его ударом!

Красив и смуглолиц,
В свои года
Не дрогнул бы под рухнувшей скалою.
Тебе лет сорок сбросить, и тогда –
Вновь от красавиц не было б отбою.

Тебе сорочка белая твоя
И малахай –
К лицу шли, как ни странно.
Твой бархатный костюм, заметил я,
Был скроен без единого изъяна.

Ты, Исаке, беседу вел толково.
А о тебе самом заговорить –
И приходилось нам любое слово,
Как гвоздь из дуба, из тебя тащить.

– Я ничего в анкетах не скрывал, –
Смеялся ты, сидящих угощая. –
Коль рядом секретарь да генерал,
Что толку в старой дудке из курая?

Лишь об одном замечу без затей:
Здесь и мое прошло когда-то детство.
Здесь вырастали шесть моих детей –
И труд я завещаю им в наследство.

У нас народ не праздный,
Не из тех,
Которые в карманах руки держат.
И я как все: в труде лишь мой успех,
Моя удача и моя надежда!

С улыбкой на гостей ты посмотрел:
– Я песне в красноречье уступаю.
Акын Ермен шел с песней против стрел
И побеждал, гласит молва степная.

Какую страсть акын тогда познал?
Любовь иль месть владели им жестоко?
У Сырдарьи он с байскою токал
Скрывался...
Был камыш тогда высоким...

Я понимал, куда ты клонишь, друг.
Знал, Исакул, что ждало их за это,
И думал: «Столько девушек вокруг.
Зачем чужое юному поэту?»

Смеялся про себя: где голова,
Там, говорят, и челюсть по соседству.
Похоже, Исакул, твои слова
Сумели взять секретаря за сердце.

Сказал он по-казахски:
– Стороной
Беседу направляешь, а в итоге
Смогли бы опоясать шар земной
И космоса достичь твои дороги.

Турксиб. Моинты-Чу. Порыв труда.
Ты, Исакул, прошел огонь и воду.
Так сорок лет умчали поезда,
Так отнято войной четыре года.

Твой отчий край – аул Карасакал,
Где дыни, что казы, желтеют сочно.
Большевикам твой дух принадлежал,
А опыт и призвание – рабочим.

Хозяин наш смущался от похвал,
Призвав на помощь все свое терпенье.
А тут и Анатолий, генерал,
Решительно добавил в заключение:

– Хоть наши парни в космос поднялись
Сквозь кручи, нависающие хмуру,
Турксиб и пятилетки дали высь
Сегодняшним ступеням Байконура!

Ступени Байконура? Шел народ
Вперед и ввысь.
Сквозь труд и сквозь сраженья.
Кто подвиги людей перечеркнет?
Кто выбьет из-под ног у нас ступени?

«Ступени» – повторял ты это слово,
Как будто в нем всему была основа.
И для поэмы слово это вдруг
Я ощутил названием готовым.

– Ступени, – повторяли мы, – ступени,
В каком-то неожиданном прозренье.
И каждый размышлениям своим
Предался на короткое мгновенье.

Предался собственным воспоминаньям –
И в доме наступила тишина.
В мое разгоряченное сознание
Вошла такими мыслями она:

– Поэт!
Не укротят его натуру
Ни летний зной, ни стылая зима,
Чтоб хоть одной ступенью Байконура
Явились всей поэзии тома!

Груз корабля рассчитан, вне сомненья.
Но создавай, поэт, свои творенья:
Ведь это ими может космонавт
Наполнить сердце без ограниченья.

Что плыло, генерал, в твоих глазах?
Твои ступени в бденьях неустанных?
Твои ступени – и солдатский шаг,
И тех обмоток пыльные арканы?

Что ты увидел мирною порой?
Следы сапог кирзовых – через годы?
И – молчаливый, неоглядный строй
Друзей, polegших в боевых походах?

Ты вычислял, что армии под стать
Хлеб убирать, заботиться о сене
И у ракетных пультов не дремать –
Важнее прочих, мол, ее ступени.

Что ж, генерал,
Всю землю на примете
Тебе держать и днями, и в ночах,
Ведь и за звезды в небесах в ответе
И ты, и звезды на твоих плечах...

А секретарь подумывал устало
Не о луне:
Сиж, мол, говоря
О небе за чайком, а дел немало
И на земле, брат, у секретаря.

Не жаловался он на то да это
И отдыхал в беседе от труда.
Но дух его, как будто дух поэта,
Не пребывал в покое никогда.

– Лишь от земли ведут отсчет паренью
И птиц дороги, и людей пути.
Я счастлив на создание тех ступеней
Хотя бы малым гвоздиком пойти.

Осилю и ветра, и расстоянья,
Слова Абая пронося в груди:

«Ты лишь кирпичик
В сложном мирозданье –
Сумей в нем место верное найти!»

Так секретарь сказал и начал молча
Кусками резать нежную казы.
Мне б, Исаке,
Годов твоих побольше
Вместить тогда в летевшие часы!..

Тебя, казалось, юность озаряла:
Знать, перед взором к выси голубой
Ступенями вздымались шпалы, шпалы
Стальных путей, уложенных тобой.

– Мои дела – всегда дела народа,
И мне почет, коль гости на порог.
Я – время безоглядного полета,
Я – время, что струится, как песок.

Я – время черных туч и время света,
Бурлящее поверх любых преград.
Я – время.
Дни мои домброй воспеты.
Едва бредут или стрелой летят.

Я – время, что хранит людские души.
Хоть не ко всем событьям я приник,
Но чувствую: тебе, поэт, я нужен
Как много в жизни видевший старик.

Гляди, к сержанту в гости генерал
Сегодня в том краю идет по-свойски,
Где власть царя когда-то представлял
Не женарал, а жаналар¹ Петровский.

---

¹Тут игра слов: женарал – генерал, а жаналар – душегуб.

С секретарем у нас земля одна
И парторганизация одна.
Вы угощайтесь:
Не бывать беседе,
Коль гость твой не насытится сполна.

Коню свободы путы не дают,
Жиреть косуле ноги не дают.
Так выпьем за ступени Байконура –
И почувствуйте себя как дома тут!

Мы вняли, Исаке, твоим словам.
Ведь исстари в народе повелось то:
Казах, бывало, голодает сам,
Но радуется аппетиту гостя.

Цепляется, глядишь, за стремяна,
Чтоб путника приветить честь по чести.
Степная щедрость, Исаке, – она
В любом твоём движении и жесте.

За яством яство выстроились в ряд,
Но гости не торопятся, едят.
Лишь на рассказы о себе, однако,
Ты оказался что-то скуповат.

Что ж, многословьем к сути не прийти,
И криками до правды не дойти.
Но отвечал ты на мои вопросы
Так, словно строчкам
Намечал пути.

Суть слова скрыта, как ядро ореха.
Спасибо за еду и за питье.
Сменяя стих стихом, как веху вехой,
Застолье не забуду я твое.

Подчас твоими посмотрю глазами,
Слова твои употреблю порой.
Они мне, помню,
Подсказали сами:
Не ты, а время – главный мой герой.

УТРО БАЙКОНУРА

Окутала степи холодная тень,
Хотя ей царить отводилось немного,
Предвидя апреля двенадцатый день,
Роса не просохла на пыльных дорогах.

А значит, как надо, свершился заход,
В свой срок задремали и люди, и птицы.
Но что б ты сказал,
Коль не в должный черед
Рассвет над простором раздвинул границы?

Наверно, тогда заявить бы ты мог,
Что наша планета слетела с орбиты.
Иль это затерянный солнца кусок
Вдруг из-под земли устремился к зениту?

И вот уж фантазии не превозмочь,
И строки, как волны, сменяться готовы.
Но знаю, издревле в краю моем ночь
Была для бродяг и влюбленных покровом.

Они в ней могли обрести забытье,
Пока не раскинется зарево немо.
О, пестрая степь!
Лишь частица ее
Сегодня нужна мне для этой поэмы.

Частица степи, где работа всю ночь
Шла без суетливости,

Шла без аврала,
Как будто, скопившись, великая мощь
Для выхода главных минут ожидала.

Хоть нервы натянуты не без причины,
Все в норме: приборы, сердца и машины,
Готовность – она-то и есть тишина
Уже до предела отжатой пружины.

Приподнят здесь полог ночного тумана.
– Готовы!
– Готов! –
Что там высится странно?
Береза ли это белеет во мгле,
Нога ли неведомого великана?

Что это – отвесная вспышка восхода
Иль памятник от трудового народа
Чабанскому посоху этих краев,
Что землю простукивал долгие годы?

Старик бы, наверно, сказал:
«По дороге
Шагает какой-то гигант длинноногий,
Которого звезды, мигая с высот,
В смятенье разглядывают и в тревоге».

А может быть, это стрела или пика?
А может, перо для поэмы великой?
Два маленьких домика чуть в стороне
Темнеют в тени неподвижной и тихой.

А чудилось мне –
Здесь пустынно и сонно...
Как будто платки, заслонившие солнце,
Квадратно желтеют во мраке ночном
Два крохотных обыкновенных оконца.

Здесь утро наступит ликующим громом...
Пока же, таинственной тишью влекомы,
Как в сказке, по спичечному коробку –
Давайте незримо пройдемся по дому.

Ковер, со стены ниспадая к дивану,
Жилью придает незатейливый фон.
Вот кресло на месте своем постоянном.
Вот стулья.
И вот, на столе, телефон.

Вот шкаф, где великие мысли не молкнут
В томах, что за рядом построились в ряд.
Стихи...
Не на всех уважаемых полках
Изданья стихов, между прочим, стоят.

Похоже, богатство здесь только такое.
Похоже, здесь дрема царит в полумгле.
Но вот и хозяин – ладонь под щекою,
А локоть затекшей руки – на столе.

Наверно, он только что с трудной работы
Пришел, чтоб немного побыть одному.
Какие его одолели заботы
И что уготовило утро ему?

Сидит он, расслабившись,
В комнате скромной.
Сидит, коренаст и обычен на вид.
Не в нем ли истоки той мощи огромной,
Которая взрыв, как дыханье, таит?

Что, право, смогло бы его потревожить?
Сидит за столом человек в забытии,
И лбом, и глазами, всей сутью похожий
На будущие воплощенья свои.

Потом они – памятники да портреты.
А нынче о нем – ни полстрочки в печать.
Лишь Главным Конструктором вправе газеты
Условно – до смерти – его называть.

Не множеством званий –
Единственной верой
Встречает он Главное утро сейчас,
С которого время космической эры
Начнет свой полет для него и для нас.

Как Главный, он людям за все благодарен,
Он им это утро спешил подарить.
Да, космос для нас – Королев и Гагарин,
Довольно загадками тут говорить.

Да, смертный сидит перед нами,
А все же
Как гений, к бессмертию он приобщен
И к славе грядущей, хоть ныне прохожий
Не вскрикнет при встрече: «Смотри! Это он!»

Как мать, наша Родина ночью и денно
Следит, чтоб его не коснулась беда.
Немногим известно, что он академик,
Что стал он по праву Героем Труда.

И в детстве он
Взрослых работ не боялся,
Старался покруче избрать перевал.
Он падал, споткнувшись, но вновь поднимался
И гладких путей для себя не искал.

Известно, победы огню не добиться
Над тем, кто со всеми сквозь пламя идет.
У старших – учиться, у младших – учиться,
И гений не сходит на землю с высот.

И он, приобщенный к полету крутому,
Листает тома от зари до зари:
В стенах небогатого этого дома
Живут Циолковский, Эйнштейн и Кюри.

Живут здесь открытья его и тревоги:
Еще некролог не подвел им итог.
Не скупы к любому из нас некрологи –
Прочеть бы при жизни мне свой некролог!

К чему, дорогие, кощунствовать мне бы?
Давно по счастливой дороге иду,
Но жажду людской теплоты, а не хлеба,
Хотя и родился в голодном году.

То жду и надеюсь, то вдруг с укоризной
Опасливо я озираюсь кругом:
Пусть скажут друзья мне
Авансом при жизни
Чуть-чуть из того, что доскажут потом.

Да, думать о том мне отрадно и сладко,
О чем он не думал, часы торопя.
На что не хватило бы жизней десятка,
Он делом обычным считал для себя.

И мысль обернуться назад не хотела –
Ведь там, позади, лишь обычное дело:
И первый искусственный спутник Земли,
И Лайка, взлетевшая к звездным пределам.

Давая безкрылым надежные крылья,
Не вел он успехам докучливый счет,
Но тратил и душу свою, и усилия
На то, что созреет, свершится, придет.

Но часто, мечтая, не спал до восхода,
Чтоб солончаковые степи смогли

Увидеть: ползут по Луне луноходы,
Достигли Венеры самой корабли.

На лунной поверхности – след человека.
Не в силах ничто обратить его вспять.
Все глубже,
Все выше искать и искать –
Призванием разума было от века.

Так древний ручей устремляется к морю
И манит все дальше движением нас,
И дети обгонят родителей вскоре.
Но все начинается здесь и сейчас!

Десятый герой.
И двадцатый.
И сотый.
Пусть ими по праву гордится народ.
Пусть все за гагаринским длятся полеты,
Но первый полет – это первый полет.

И космос лежит целиной-недотрогой
Пред тем, кто его покоряет, упрямя.
Дорога сквозь космос – такая дорога,
Где храброму – вдоволь колдобин и ям.

Не просто по снегу метельной порою
Идти впереди и прокладывать путь.
Но лиц от ненастья не прячут герои –
Лишь трус без оглядки не смеет шагнуть.

Хороший останется делом и словом,
Дурной – не иначе как ржавым пятном.
Грядущие дня – это дни Королевых!
Но вздрогнул сейчас человек за столом.

– Ты, мама? – Он ждал, замирая, ответа,
Прищуренно всматриваясь в полутьму.

Ведь кто-то вошел сейчас в комнату эту
И волосы нежно взъерошил ему.

Вошел, опустился на краешек стула,
Вошел, про обратный не думая путь.
Вошедшая нежно на сына взглянула:
– Скажи, ты боишься, Сережа?
– Ничуть!

Волнуюсь.
Теперь уж недолго осталось.
Что ж, первым труднее достичь высоты.
Сказалась, конечно, под утро усталость...
А впрочем, прости,
Так о чем это ты?

– Зачем же лукавить?
Ответил бы прямо.
А то начинаешь – устал, не устал...
Меня не обманешь!
– Прости меня, мама!
Давно я об этом рассвете мечтал!

– Я рада!
– Да, да! Ты узнаешь на месте
О том, чего здесь мы добиться смогли.
Заслышав по радио эти известия,
Привстанут на тронах своих короли,

– Но есть у тебя и другая, конечно,
Мечта, что пока еще скрыта от всех?
– Сперва пусть полет завершится успешно,
Опять доказав, как велик человек!

Мне трудно, родная, сидеть, успокоясь,
Мы здесь начинаем такие дела!
И первой сегодня врывается в космос
Россия, что лапотной прежде слыла.

Одна только цель у меня перед взором –
Все силы, все знания ей отдаю.
И счастлив я, мама, за эти просторы.
Как счастлив за тихую гордость твою.

Я призраком стал без мечты бы, наверно.
Мечта – это крылья в дали голубой.
Мечта – это парус,
Наполненный ветром,
Мечта – это вечно мятежный прибор.

– А я о науке сужу как о чуде.
Но кажется мне, что живут еще люди
На шаре земном, как на вертком мяче...
И страшно становится – что с ними будет?

Встает Хиросима в сознании тенью,
Встает, как науки самой преступленье...
– Тут, мать, не науку, а совесть вини.
Того, кто вынашивал план устрашения.

Пусть память о том
Перейдет к нашим детям,
Ко всем поколениям на мирной планете.
Несчастья Японии атом принес,
Но страха не вызвал в ближайшем соседе.

Сосед, сохраняя в дерзанных размах,
Над страхом шагал от удачи к удаче.
И атом сейчас у соседа в руках.
И кое-что поэффективней в придачу.

Но не причисляя к всемогущим себя,
Других не считаем мы хуже себя.
Земля!
В ней не смерть, а бессмертье людское.
Земля!
Кто на свете сильнее тебя!

Земля – это мать, люди – дети Земли.
И, первыми встав у эпохи на страже,
Мы Землю и разум ее сберегли.
Ей – труд наш,
Талант наш и помыслы наши!

– Да будут удачными ваши шаги
И небо над мирными далями ясно.
Но ты, мой сынок, и себя береги,
Чтоб мать не расстраивалась понапрасну.

Пусть сад твой плоды обретает в удел,
Пусть целым вернется смельчак из полета!
– Наверно, я, мама, чуть-чуть похудел.
Но это от счастья, а не от работы.

– Ах, сын мой!
Все думаю я об одном:
Герои и гении – малые дети... –
Вздыхнул Королев, разглядев за окном
Бескрайние степи в забрезжившем свете.

Слегка потесненная бледной чертой
Линяла глубокая сумрачность ночи.
И стыл в ней корабль
Воплощенной мечтой –
Как ныне свой путь он начнет и закончит?

Для матери в детях различия нет.
Но первенца все-таки любят особо:
Ведь первенец
В муках приходит на свет,
В таких, что о них позабыть и не пробуй.

Да, первенец.
Думы сегодня сошлись
На том корабле, что людскою заботой,

Как пика, нацелен в бездонную высь,
Как беркут охотничий перед полетом.

Корабль и Главный – сегодня одно,
Одно – из приборов, из плоти, из стали.
Лишь Главному полностью видеть дано
Созданье свое до мельчайших деталей.

А сколько корабль этот мыслей вобрал,
Находок, идей, возникавших впервые!
Казалось, пошел на него не металл.
Не пластик, не сплавы, а клетки живые.

В ревущих цехах, в кабинетной тиши
Не боги творили великое чудо:
Вдыхали сердца теплоту в чертежи,
В густые – как сеть кровеносных сосудов.

Тот ценен вдвойне для грядущих веков,
Кого современники ценят при жизни.
Встал собранно из-за стола Король,
Как будто хотел поклониться Отчизне.

Спасибо тебе за доверье, страна!
Во всем я тобою поддержан сполна.
А значит, мои и порыв, и дыханье
Своими считать ты по праву должна.

Спасибо идеям и крыльям отважным.
Я тысячу раз про себя повторю:
Спасибо планерам, и змеям бумажным,
И чистому, словно родник, букварю.

Иному и счастье – сплошная забота.
Как мужу, отцу и ученому, мне
Хватает любви и хватает почета –
Я людям за них благодарен вдвойне.

Бывает: то сам недоволен собою,
То медлишь,
То трудишься и по ночам,
То прямо сияешь своей добротой,
То вдруг раздражаешься по мелочам.

Жизнь – это смешенье покоя и шума,
Жизнь – это улыбки, обиды, дела...
Как знать, но, быть может, подобные думы
Сковали ученого там, у стола.

Великий ученый – его день рожденья
Луна будет праздновать в беге веков.
Здесь думы его – просто предположенья:
Могу ли так мыслить я, как Королев!

Нет, не забывается подвиг высокий.
Посмел я к нему обратиться в стихах,
Но как уместить мне в обычные строки
Судьбы гениальной бессмертный размах?

...Полоски рассвета все шире в окне.
За тридцать минут отдохнул он вполне.
Безмолвье.
И только часы на запястье
За сердцебиеньем слышны в тишине.

Но мир этот не тишиною храним,
И Главный живет сейчас только одним.
Он входит в тот дом,
Что стоит по соседству –
Давайте последуем тихо за ним.

Такая же комната. Так же она
Размерами и обстановкой скромна.
Стол. Стулья простые. Две узкие койки.
И двое на койках в объятиях сна.

В тени неподвижной лицо одного –
Потом вся планета узнает его.
А этот, лежащий поближе, сегодня
Собой увенчает страны торжество.

В черты полудетские зорче взглядеться
Мешает еще голубой полумрак.
Лицо это кажется ликом младенца,
Мадонной несомого в мир на руках.

Что это – неведение или бесстрашье?
Спокойны черты, и улыбка легка.
Стоит Королев и любитесь спящим,
Который в поэме не назван пока.

И мы усмирим любопытство сейчас,
Хотя б до рассвета.
Поскольку для нас
Безвестный Гагарин Гагариным не был,
Пока не пришло сообщение ТАСС.

Пока он не сблизил сердца и границы,
Пока еще не взбудоражил он всех,
Пока никому еще в мире не снится
Ни голос его, ни улыбка, ни смех.

Он – верный во всем,
Он – открытый и чистый.
Сегодня ему, как Великая Мать,
Доверила и поручила Отчизна
Себя представлять и весь мир представлять.

Удел его и Королеву не ведом,
Что – слава? Мгновенье?
Но избран судьбой,
Он спит, чтобы стать величайшим полпредом
Планеты Земли во Вселенной самой.

Еще Байконур наш не стал Байконуром,
Гагарин над миром не взмыл сквозь рассвет.
Еще Исакул мой, гордясь Байконуром,
Не молвил:
«Бесплодных земель у нас нет!»

И Главный, помешкав, отправился снова
Туда, где в назначенный сердцем черед
Он выдохнет: «Пуск!» – ибо этого слова
Ждет тихий «Восток» и История ждет.

Он выдохнет: «Пуск!» – и сквозь утро седое
Помчится могучий корабль.

А сейчас

Проснется тот парень, что в космос с собою
Наш свет унесет в глубине своих глаз.

«Поехали!» – скажет он всем на прощанье.
Будь бог – он «Востоку» рванулся бы вслед.
Итак, все планеты Вселенной, вниманье!
Встает над степным Байконуром рассвет!

В КОСМОСЕ ГАГАРИН

Вулкан очнулся вдруг в степных просторах?
Земля разверзлась? Раскололись горы?
Взметнулся над округою огонь
И приковал к себе сердца и взоры.

«Поехали!» – над миром прозвучало
Из пламени, крутившегося шало.
Вот растворилось пламя в синеве –
И снова солнце ярко засияло.

– Да что же это там такое? Что же
Смогло степные дали растревожить? –
Из дома вышел старый Исакул
В одной рубашке и в маси¹ из кожи.

---

¹Маси – короткие сапоги с галошами.

Взглянул на мир, послушал тишину
И то, как буднично шептались травы.
Глазели изумленно в вышину
Мальчишки слева и девчонки – справа.

Казалось, вновь уснуло все вокруг
Под солнцем ярким, но еще не жгучим.
Как желтый дым или как желтый пух,
След уходил за пасмурные тучи.

Край на весну в ту пору повернул.
Лежал в зеленом,
Праздничном наряде.
– Вот оно что! – воскликнул Исакул
И редкие усы свои погладил.

Он посмотрел внимательно кругом,
Догадкой переполненный без меры.
А золотой корабль над степняком
Мчал сквозь слои холодной атмосферы.

«Восток» летел над пламенем зари
И над своим огнем летел к тому же.
Казалось человеку изнутри,
Что сталь в мартенах варится снаружи.

Стремительнее мчал ли кто-нибудь?
И думал парень: все покамест гладко,
Хоть мрак в глазах и давит так на грудь,
Что могут с ней вот-вот
Сойтись лопатки.

Но в силах человек корабль вести,
Но видит человека вся планета.
Как бы желая доброго пути,
Вторая отстает ступень ракеты.

Теперь перевести б немного дух
И осмотреться было бы полезно.
А тело невесомее чем пух,
Как будто к свету вынырнул из бездны.

А пламя отошло от корабля.
И – вдалеке, но все же точно рядом, –
Прекрасней Солнца и Луны –
Земля
В иллюминаторе открылась взгляду.

Открылась вдруг – и никакой язык
Увиденному не родит сравненья.
Так в космос
Первый человек проник,
Преодолев земное притяженье!

Одно известье породило нас
(Надолго ль те связующие узы?):
«Майор Гагарин в космосе сейчас!
Он гражданин Советского Союза!»

Гагарин Юрий!
Прежде никогда
Никто над миром не взмывал столь круто.
В тот день людские распри и вражда,
Глядишь, и утихали на минуту.

Его осыплют груды телеграмм,
Правители поздравят те и эти,
И, словно бога повидал он там,
В мольбах восславят церкви и мечети.

Ему и все цветы, и все слова
Любви, и восхищенья, и почета.
Как призраки,
Возжаждут с ним родства
Однофамильцы княжеского рода.

Земля гордилась тем, что человек
Смог жить на ней и к роднику склоняться.
Казалось, стало слово «человек»
Единым именем племен и наций.

Казалось, все твердили:
«Мы сейчас
Дыханье перемешиваем часто.
Мы дети Евы – и должны у нас
Быть общими и горести, и счастье».

Все были братья – черный, желтый, белый.
Казалось, все от флагов зазелело.
Враги и те не кляли коммунизм,
Коснувшийся космических пределов.

Помалкивали до поры – еще бы!
И восхищенью уступала злоба
В глазах у тех, кто черным сердцем слеп,
Кто Октября нам не простит до гроба.

Нет, не оставят нас они в покое...
Но разве солнце заслонишь рукою?
Слова «Гагарин», «космос» и «Советы» –
Сложи их вместе – вырастут горою.

Не убывала космонавта слава –
И ликовала вся моя держава.
Без чванства ликовала, словно мать,
Гордилась эрой новой, величавой.

Повсюду было празднично от гула:
И в городах, и в селах, и в аулах.
Мы радовались за свою страну,
Которая в такую даль шагнула.

В неведение качая головою,
Растерянно шептал отец героя:

«Он – Юрий Алексеевич Гагарин!
Возможно ль совпадение такое?»

А мать? Какая в ней очнулась сила?
Какое чувство сердце ей теснило?
Мать волновалась:
«Это Юра наш!» –
И от приемника не отходила.

Здесь дружно жили трудовой семьею.
Взгляните на родителей героя:
Им, ждущим сына, тут не до князей,
Возжаждавших прибиться к ним роднею.

Но как от гордых мыслей удержаться,
Когда страна следит за сыном жадно –
От школьных общежитий до степей
И от Москвы до маленького Гжатска.

Две девочки у мамы на коленях
Безмолвно ждут о папе сообщений,
Жена героя знала обо всем –
Но легче ли от этих откровений?

Так быстро... Даже не смогли проститься...
«Вот оно что!» – и в небо, точно птица,
Глядит.
Руками машет Исакул,
Как будто здесь Гагарин приземлится.

То в дом войдет,
То выйдет вновь из дома,
То сядет, весел, то привстанет, хмур.
Все слышали про запуск с космодрома,
Отсюда – с космодрома Байконур.

А что такое космос да ракета,
Которые встревожили эфир,–

Откуда Исакулу знать про это?
Но ведь не мелочам дивится мир!

Казахи щедро делают подарки
Тому, кто весть приносит прежде всех.
Одни ликуют, у других запарка –
У Королева и его коллег.

Гагарину сегодня все вниманье.
Им сквозь помехи и сквозь торжество
И сам он слышен, и его дыханье,
И даже пульс размеренный его.

Но все нормально.
Все идет как надо.
Как будто, хоть Земля и далека,
Лежит с рукою космонавта рядом
И Центра управления рука.

Там, в Центре, трудно.
Там теперь с орбиты
Не сводят люди напряженных глаз.
И Главный вправе заявить открыто,
Что сердцем он не на Земле сейчас.

Прислушаться бы Главному к советам,
Дать отдохнуть и телу, и уму.
Но звездочка,
Что мчит вокруг планеты,
Сдается сердцем собственным ему.

Полет проходит в заданном порядке.
Но, чтобы сердце возвратить с пути,
Должна удалиться и сама посадка –
С капризами природы не шути...

Хотя с Земли – джайляу непременно
Взмывать теперь ракетам в облака,

Как самый первый труженик Вселенной,
Один Гагарин в космосе пока.

Такой до смерти остается юным.
Ты помнишь ли, как с борта корабля
Не блеском Солнца,
Не ландшафтом лунным –
Тобою любовался он, Земля!

Частицею Вселенной, дивной сказкой
Ты, древняя и молодая, ты
Черты какие, контуры и краски
Открыла человеку с высоты?

Леса темнели зеленью богатой,
Моря – как неба синего куски.
И пламенели, словно бы закаты,
Внизу раскинувшиеся пески.

С созвездиями звезды по соседству.
Земля – мала и велика на вид –
Действительно напомнить может сердце
Тому, кто в хмуром космосе летит.

По очертаньям сердце – с лист дубовый.
Незримо перекачивая кровь,
Земля, как сердце, вечно будет новой,
Чтобы нести не злобу, а любовь.

Земля!
Что выше, чем судьба ее
И чувства материнские ее?
От нас зависят широта и узость,
Всесилье и бессилие ее!

Известно, Солнце трудится бессонно.
Но вдруг, хотя его работа впрок,

Умри Земля – и в небе будет Солнце
Желтеть, как тот засохший мотылек.

Умри Земля – что стало бы с Луною,
Навеки погрузившейся во мглу?
Чей свет Луна приемлет, чтоб порою
Мы нарекали девушку – Айсулу?¹

Что сами звезды, спрашиваю я,
Без слов: «Венера, звездочка моя!»?
Умри Земля – монетами на нитках
Висели б звезды, горечь затая.

Но вечно мы ложиться в землю будем.
Как вечно будем жаждать высоты.
Земля жива – и оградите, люди,
Ее от бед, отчаянья, нужды.

Землею послан в дальнюю дорогу
И, ощущая в сердце торжество,
Гагарин все же с болью и тревогой
Припомнил пору детства своего.

Припомнил грохот в мечущемся свете,
Огонь, губивший хлебные поля.
Тогда не улыбались даже дети.
И по-людски стонала мать-Земля.

Все гибло: человек, его культура...
Забывать ли, как однажды поутру
Букварь фашисты отняли у Юры
И в плен угнали брата и сестру?

Поньше в мире
Бродит смерть упрямо,
И грохот взрывов слышится опять.

---

¹Айсулу – букв.: Лунная красавица.

Но права на свободу у Вьетнама
Ни пулям, ни напалу не отнять.

Об этом вспомнится еще не раз.
Вот скрылись Солнце и Земля из глаз.
«Ро-дина слы-шит. Ро-дина зна-ет...» –
Лишь эта песня с Юрием сейчас.

Лишь эта песня?
С песней этой самой
К Гагарину в кабину корабля
Вошли жена, две дочери и мама.
И вся его страна. И вся Земля.

Услышал Юрий голоса друзей
И губы ощутил жены своей.
Увидел родники, колосьев гривы,
Вновь оценил, как звонок соловей.

Припомнил, как над площадью алеет
Высокая кремлевская звезда.
Вел путь на Байконур
От Мавзолея –
Бессмертна ленинская высота.

«Мы вверх и вверх
Всегда стремились круто,
Чтоб вечно обретать себя в борьбе.
Отчизна! За какие-то минуты
Я так истосковался по тебе.

Но горд, что ныне на орбиту эту
Ты за собою вывела меня.
Под стать тебе
Я сам стремился к свету,
Под стать тебе без дел не жил и дня.

Я космонавтом стал не от гордыни:
Ведь это ты сказал мне – друг, лети!

Ты направляешь сыновей.
Ты ныне
Со мною в этот час-другой пути.

Мне так спокойно от твоей заботы.
И, не хвалясь, скажу: не страшно мне.
Ведь были же учебные полеты
И даже настоящие – во сне...

Взял в руки молот – научись ковать,
Взял серп – колосья научись срезать.
Отчизна, нам стоять с тобою ровень –
И грех твоим сынам никем не стать.

Твоим сынам дано орлами быть –
И грех им птицу счастья упустить.
Всех нас
Твои поддерживают крылья –
И грех твоим сынам не воспарить.

Моим глазам открылись эти дали,
А ведь могли бы в космос
Мне под стать
Лететь сегодня Герман или Валя,
Мог Андриан сегодня первым стать.

Нет у пути конца, но есть начало.
За каждый этот час и каждый миг
Ценой сердец заплачено немало –
От Королева до друзей моих.

Всем, всем спасибо.
Но признаюсь сразу,
Что за такой вот день в моей судьбе
Я больше, чем другим, тебе обязан,
Тебе, Сергей наш Павлович, тебе!

...Летит корабль,
Летит вокруг планеты.

В глазах мелькнуло несколько рассветов.
Едва замыслил что-то, как внизу
Простор сменился новой частью света.

Летит...

Но не слабей ни на мгновенье
Людских сердец живое притяженье.
Нет ничего прекраснее Земли –
Вот первого из первых убежденье.

Корабль не станет доверять эпоха
Специалисту песенного слога.
Горжусь наукой, технику ценю,
Но сам, увы, в них разбираюсь плохо.

Понятно, не геройство быть незнайкой.
Хоть и смешно пытаться слыть всезнайкой.
Прапрадеды учили: «От огня
Подальше, брат, бороться начинай-ка!»

В стихах моих родства с наукой нету:
Так в космосе родник не зазвенит.
Сумею ли увидеть я планету
С космических гагаринских орбит?

Вернется он, не думая о славе,
И, став под нашим небом среди нас,
Своей земле и всей своей державе
Доложит,
«Я исполнил ваш наказ!»

Он крикнет:

«Мама! Доченьки! Валюша!»

Он будет встречам бесконечно рад.
Его простые фото станут тут же
Повсюду расходиться нарасхват.

Он думал: как на дальних перевалах,
Все на дорогах космоса снеси!
Земля прекрасной издали предстала,
Чтобы предстать восторженной – вблизи.

Она – что сад в росе и в нежном свете.
Как будто не за годы, а с утра
За сто минут прибавилось на свете.
Взаимопониманья и добра.

Ждут космонавта страны и народы,
И – словно меньше горя и обид.
Мир изменился, лишь Гагарин вроде
Не изменился, хоть и знаменит.

Труд.
Если вдохновенный он и нужный,
Как праздник, будет длиться до конца.
Посланником доверия и дружбы
Войдет Гагарин в честные сердца.

И речи будут, и цветы, и люди.
Немало будет звезд и орденов.
И тезок у него немало будет
Средь желтых, белых, черных шалунов.

Он матерей обнимет в дальних странах,
Дадут его фамилию горам.
С обложек книг, журналов и с экранов
Еще не раз он улыбнется нам.

Не раз еще у нас и за границей
Он скажет: шаг от неба до Земли!
Еще он вволю счастьем насладится,
Из космоса встречая корабли.

Но в будущем пока еще все это
(И смерти не настал пока черед).

А ныне Прометея ждет планета,
Того, кто ей и свет, и мир несет.

ИСАКУЛ И КОРКУТ-АТА

Бывает так в какой-то миг,
Ты встал – и головой высокой
Небес коснулся голубых,
А лег – ступнями ног своих
Уперся в горизонт далекий.

В какой-то миг бывает так,
Что говоришь с цветущим садом.
И, словно в космос
Взмыл сквозь мрак,
Ты ощущаешь что ни шаг
И невесомость, и прохладу.

Бывает миг – что благодать:
Устав то охать, то вздыхать,
Забыв про волосы седые,
Ты необъятное объять
Готов, как в годы молодые.

Бывает так порой иной:
Ты видишь только свет дневной,
Ты слышишь смех, а не рыданья
И ощущаешь вечный зной,
Не чувствуя похолоданья.

Бывает так в какой-то миг,
Что прошлое напоминает:
Твой век не хуже всех других
И не короче всех других.
Бывает. Всякое бывает.

Мечты поэта вдаль рвались,
Простого счастья не приемля.

И сердце устремлялось ввысь,
Чтоб песнею слететь на землю.

То размышления в тиши,
То настроенья перепады.
Нет, нынче не влекли души
Ни степи, ни лесов прохлада.

Стихи поэта недосуг,
Похоже, слушать нынче людям.
Лишь о Гагарине вокруг
Уж сутки говорят и судят.

Всем интересен только он.
Цветы, цветы со всех сторон.
К Гагарину и к Байконуру
Мир вдохновенно обращен.

И, вслушиваясь в гул эфира,
Не в силах Исакул уснуть,
Как будто это им над миром
Сквозь космос был проложен путь.

Как будто в этот день весенний
Герою он – отец и брат,
Как будто фразы поздравлений
К нему трепещуще летят.

На стенах фото: внуки, дети,
Он сам еще в расцвете лет.
А рядом с ним улыбкой светит
Простой гагаринский портрет.

Сюда с газетной он страницы
Откочевал, как на века.
И стал большой семьи частицей,
Стал утешеньем старика.

Какую предвкушал беседу
И что старик припомнить смог?
А в это время внук на деда
Глядел через крутой порог.

Глядел с надеждою в глазах:
Ведь совершал он первый шаг.
Через порог упал ребенок,
Не удержавшись на ногах...

Споткнулся о попону он,
Но не заплакал, огорчен.
Во взгляде у внучонка
Гордость –
Самим собой доволен он.

Рванулся было дед к нему,
Да отступился потому,
Что вспомнил:
Малышу по жизни
Шагать придется самому.

Внук встал и сделал шаг.
Один.
Качнулся. Снова шаг один.
Казалось, понимал ребенок,
Что ползанье – не для мужчин.

Дед отступил назад, к стене,
Маня: «Иди, иди ко мне!»
То шлепаясь, то вновь вставая,
Внук рад был этому вполне.

Хотьбы нехитрую науку
Они освоили вдвоем.
Дед, нежно улыбаясь внуку,
При этом думал о своем.

Стать человеком – вот призванье!
Споткнулся?
Распрямись опять,
Чтобы осилить испытанья
И тайны мира разгадать.

И не юли – встречай открыто
Любую весть, любой итог:
Ведь настоящего джигита
Удар судьбы не свалит с ног.

Иди – и завтра, коль не ныне,
Наступишь на находку вдруг.
Дорога – вот твоя рабыня.
Дни – вот десятки верных слуг.

Ползи, когда навстречу пуля,
Ползи, но только лишь вперед...
Ползи – в тебе не потому ли
Буран бушует и ревет?

Пусть пули рядом роют снег,
Дрожать в укрытье – не для всех.
Недвижно ждет судьбы лягушка –
Встает в атаку человек.

Идущий словно бы крупней,
Бьют по идущему верней.
Но, где бы ни ждала победа,
Атака приводила к ней.

«В атаку!» –
И в неровном гуле
Мы шли вперед за рядом ряд.
А тот, кого срезали пули,
Бросал вокруг последний взгляд.

Я веку жизни на коленях
Лишь день – но стоя – предпочту.
Ведь нет прекрасней устремленья,
Чем устремленье в высоту.

«Уж если падать, так с верблюда!» –
Недаром говорит народ.
Приземлены теперь повсюду
Былые символы высот.

Теперь, мол,
Коль уж та дорога
Коснулась запредельных круч,
Как от окна и до порога,
Два шага – от земли до туч.

И в этом времени примета.
И только сокол – он не где-то,
А на вершине вьет гнездо.
Жаль уходить из жизни этой!..

Я вспомнил сокола недаром.
Так поезд за шальную прыть
Мы любим сравнивать с тулпаром.
Но с чем же мне «Восток» сравнить?

Прорыв в космические дали,
Но разве высчитаем мы,
Какие светлые умы
Корабль этот создавали?

Увы, не только жизнь героя
И срывов, и удач полна.
Корабль...
Приручить порою
Непросто даже скакуна.

Он, норовистый и строптивый,
Не хочет сдаться без борьбы:
То вдруг седло собьется к гриве,
То сам взовьется на дыбы...

Внучонок потянулся к деду.
Он, на руках у старика,
Засунул в рот себе конфету –
И вспухла детская щека.

Потом за бороду до боли
Стал дергать старого рукой.
И усмехался тот, доволен:
– Гляди, отчаянный какой!

Гляди, какой проворный парень –
Наставшим временам под стать.
Эх, если бы джигит Гагарин
Зашел с внучонка путы снять!¹

Задирист мальчуган по духу,
В нем степняков гуляет кровь!
Старик вздохнул, погладил внука
И в думы погрузился вновь.

Сказал:
– Недавняя судьба
Нас не ласкала и не грела.
Конь да скрипучая арба
Казались нам мечты пределом...

Но, Исаке, постой: едва
Ты эти произнес слова,

---

¹Старинный казахский обряд, по которому ноги только что начавшего ходить ребенка обременяли легкими путами, с тем чтобы их снял отважный человек: малыш, мол, с годами станет таким же смелым и сильным.

Как сам уже готов поэту
На речь свою вручить права.

Все так. Недавняя судьба.
И в революции участие.
Мы, как соленый пот,
Со лба
Смахнули прочь следы напастей.

Но неспроста, нет, неспроста,
Пройдя сквозь тело и сквозь кости,
И темнота, и нищета
Сидели в нас, как будто гвозди.

И мы не зря, нет, мы не зря,
Дыша раскрепощенной новью,
В призывном свете Октября
Их выдирали с мясом, с кровью.

Октябрь с народа томагу¹
Снял – и открылось поднебесье.
Октябрь пути на скаку
Сумел сорвать с казахской песни.

Я троны сокрушил, народ.
Чтоб сам ты царствовал, – сказал он. –
Я посадил сады – и вот
Ты сам в них трудишься, – сказал он.

– Ты там мираб²,
Где в забыты
Журчат степные воды нежно.
Да вырастут леса твои.
Да сбудутся твои надежды!

---

¹Томага – кожаный колпачок, надеваемый на голову охотничьего беркута.

²Мираб – человек, ведавший подачей воды в арыки.

Сам выбирай свои пути,
Люби и радуйся, – сказал он. –
Спеши познать,
Спеши пройти,
Спеши других увлечь, – сказал он.

Да. Исакул. Октябрь наш,
Хоть ты в учебе видел муки,
Дал и тетрадь, и карандаш
Тебе в мозолистые руки.

Пиши в ночи,
А вспыхнет день
(Тогда рабочих не хватало),
Клади тетрадь, бери кетмень,
Веди Турксиб за перевалы.

А вновь нахлынет темнота –
Ты вновь над азбукой с друзьями,
Ты, как малыш, тянул:
«А-та!» –
Растрескавшимися губами.

Те буквы потруднее шпал
Давались вам.
Но в зной и стужу,
Огромный, злой и неуклюжий,
Ты свой ликбез одолевал.

Лишь десять месяцев прошло,
А перемен вокруг так много:
Из края в край в степи светло,
Из края в край идет дорога.

Из края в край открыта даль.
А вместо прежних робких вздохов
Звучит:

«Моя ты, магистраль!
Моя ты, дерзкая эпоха!»

Того, кто век не знал арбы,
Кто и аллаха не боялся,
И «черный конь»,
И «сокол красный»¹
Уносят к новым дням судьбы.

Письмо познали миллионы.
На стройки встали миллионы.
Так эпохальный поворот
Степь совершила просветленно.

Так вместе двинулись вперед
Хозяйство, мудрость и культура.
Так лишь наметился подход –
Подход к ступеням Байконура.

Он был нелегко и непросто.
Но ты во имя этой цели
Ходил в атаки в полный рост –
И вражьей души цепенели.

Тогда –
Всех стран и всех племен –
Погибло много исакулов.
Идут дорогою времен
Сыны тех самых исакулов.

Хоть мы недавнюю судьбу
Припомнили, как будто детство,
В морщинки у себя на лбу
Порой нам некогда взглядеться.

---

¹«Черным конем» – казахи называли поезд, «красным соколом» – аэроплан.

А то б мы прочитали в них,
Что счастья наступили сроки.
День счастья – словно краткий миг,
День горя – словно год жестокий.

Но дни считают от тоски.
Считавшим кирпичи да шпалы
Все было недосуг, усталым,
Взглянуть нам на свои виски.

Поверить трудно, Исаке,
Что станут горы слоем пыли.
Узнать нам трудно, Исаке,
Тех девушек, что мы любили.

У многих внуков полон дом,
И жизнь их стала райским садом.
Других разыщем мы потом –
Лишь не ушли бы дальше ада.

Все так. Недавняя судьба.
И мы с тобой ее частицы.
Как караванная тропа,
Все длится наша жизнь и длится.

Восходят новые умы,
Дела свершаются на свете.
«Гагарин!» – произносим мы,
Желая взлета нашим детям.

В чем суть ракеты?
Только в том,
Чтоб беззаветно и открыто
Сгореть в пространстве мировом,
Корабль направив на орбиту.

Ракеты суть –
Не во плоти,

А в скорости, подобной свету.
Что проку в старческом пути –
Мне превратиться бы в ракету.

Мне далью стать бы, высотой.
Пусть все мы обретаем бесстрашие,
Пусть стройностью и красотой
Полет
Сердца наполнит наши!

От главных дел не в стороне,
Сгорая, мы стремились в дали.
Мы, словно топливо, стране
Космическую скорость дали.

И наша степь, в сады одета,
Вбирает времени приметы,
Под вечер провожая день,
Чтоб встретить вновь его – с рассветом.

Да, пробудившись ранней ранью,
Предался ты воспоминаньям.
Так вот что, Исакул, в тот день
Тревожило твое сознание!..

Дожди. Морозы. Снегопады.
Со старым нынешнее рядом.
Твои соседи и родня
Беседе этой были рады.

Куда вошла ее тропа?
Что в слове открывалось глазу?
Ты все у одного столба
Кружил, что конь у коновязи.

Наш Байконур
Был тем столбом.

И ветерок иным казался,
И пах простор не по-казахски
В любом другом краю. В любом.

И неспроста с любой тропинки
Сюда ты возвращался в срок,
Как тот скакун, что ни травинки
Здесь из-под снега не извлек.

Степь!
Нынче время приказало
Ей стать космическим вокзалом
И стартовой площадкой.
Что ж!
Все верно – сделано немало.

Пока звучат в эфире песни
И за вестями мчатся вести,
Уходит память в старину,
Где с честью сплетено бесчестье.

Вразрез с хорошим настроением
Вдруг всплыло мрачное виденье,
Как будто некто в дом вошел,
Не постучав, без разрешенья.

Как будто некто пир великий
Нарушил похоронным вскриком.
Как будто с возгласом «ойбай!»
Явился некто – погляди-ка.

«Я дед Коркут! – смущая вслух,
Сказал он голосом кобыза, –
Меня былое, как паук,
Душило и тянуло книзу.

Ползком я отправлялся в путь,
Ползком я приходил к порогу.

Не мог я спину разогнуть,
Иную отыскать дорогу.

Тот, кто для счастья был рожден,
Жил в нищете, теряя силы.
А кто был для любви рожден,
Тот жил всего лишь для могилы.

Кто мог взлететь?
И где она –
Для соколиных крыл дорога?
Поэтов гасли имена
Не дальше отчего порога.

И замирал младенцев смех,
Как от губительной болезни.
И скорбь была в сердцах у всех,
Скорбь, а не солнечные песни.

Я не считал летящих лет:
Сто лет я или двести лет,
Как одинокий звук курая.
Собой тревожу белый свет?

Как по воде сухой тростник,
Я плыл и плыл за мигом миг.
Судьба надежду мне вручила,
Отняв надежды у других.

Я шел, одних кукушек видя,
Шел не по этим лишь местам.
Я шел, полынь одну лишь видя,
Брел по степи и тут и там.

Я шел, всего лишь небо видя.
Неужто я, создатель мой,
Шел, только росы летом видя,

Шел, лишь снега зимою видя,
Так, словно был полуслепой?

Сон не был для меня желанным.
Печали в сердце затая,
Я мир земли обетованной
Искал на верном Желмая.

Встречал иссохшие озера –
Как будто впрямь глаза мои,
И выгоревшие просторы –
Как щеки серые мои.

И родники, что закипали,
Как будто в жилах кровь моя.
И те овраги, что петляли,
Пустые, как душа моя.

И горы, что слегка осели,
Как сам я телом за года.
И те сады, что поредели,
Как старческая борода.

И понял я, что Жеруюк¹ –
Одна мечта, пустой лишь звук.
Жизнь голодала.
Смерть бессонно
Вершила сытый пир вокруг.

Могилы рыла: мол, не тут,
Так рядом лечь тебе, Коркут.
Стенали надо мной молитвы,
Хоть был пока что жив Коркут.

Пал по дороге Желмая.
Пешком в родимые края.

---

¹Жеруюк – земля обетованная.

Чтоб жить и умереть в печали,
Вернулся без надежды я.

Там в столах горьких и глухих
Кобыз мой звонкий что ни миг
Рыдал, мечтая о высотах,
Которых сам я не достиг.

Бороться?
Но кому я мог
Стать утешением в страданиях?
За песни выдавал я вздох
И за мелодию – рыдания.

Живи хоть сто,
Хоть тыщу лет,
Нигде на свете правды нет.
Мне люди с жалостью внимали
И с жалостью глядели вслед.

Для поколений для иных
Теперь я – как пример бессилья.
«Как мел, ты бел и слаб, старик!
В лицо свистят мне ваши крылья...»

Черкнув бородкой по земле,
Исчез Коркут – герой преданий.
Исчез в минувшем, как во мгле
Безрадостных воспоминаний.

Что ж, Исакул, ты приуныл,
От прозвучавших откровений?
Бродивший по простору гений
И счастья был лишен, и сил.

Здесь много лет тому назад
Об этом думали и спорили,
В степи спасибо говорят
Коркуту и его истории.

Кто остановит бег минут?
Но в дерзостное время наше
Ты, Исакул, и дед Коркут –
Одних весов две разных чаши.

Да, годы долгие подряд
Здесь о Коркуте говорили.
О нем поныне говорят,
Степные воскрешая были.

Пойдем-ка, Исакул, гулять.
И пусть вокруг простор весенний
Сегодня выглядит под стать
Твоим словам и настроенью.

Хоть луг апрельский не просох,
Нет на равнине грязи низкой.
Смотри, целует ветерок
Тюльпаны в губы без опаски.

Целует.
Ну, а мы с тобой
Вдыхаем аромат на пару.
Насытись сочною травой,
Бредут задумчиво отары.

И, как сквозь темное стекло,
На солнце мы глядим сквозь тучи.
Пригладь усы, вздохни тепло,
Припомни вдруг забавный случай.

Давай на Байконур зайдём.
Ввел словно заново меня ты
В наш край байги,
В наш край крылатый,
В наш край, где дремлет космодром.

А там на скалы поднялись
Не сказочные великаны –

Ракетами в дневную высь
Вонзились трубы Джекказгана.

Хлеба, несметные стада,
И снова, снова высота,
Где пирамидою Хеопса
Твой уголок, Караганда!

Наш Байконур!
Им в забытии
Волна Арала дышит хмуро.
В прозрачных струях Сырдарьи
Живет дыханье Байконура.

Где солнцем травы сожжены,
Где прожил жизнь Коркут нелепо,
Наш Байконур – ладонь страны,
С которой мы взмываем к небу.

Как на байге ретивый конь,
И сам он скачет полем чистым.
Наш Байконур – сердце огонь,
Наш Байконур – полет Отчизны.

С чем можно было бы сравнить
Родную степь в потоках света!
С чем можно было бы сравнить
И жизнь мою, и время это!

НЕТ У ПУТИ КОНЦА, НО ЕСТЬ НАЧАЛО

Осенний Байконур,
Он рад сегодня.
Заслышав «чу-у», лететь что будет сил.
Скок ветра сбивчив, словно бы поводья
На нем беспечный всадник упустил.

Сеть магистралей железнодорожных.
Шоссе, подмявшее солончаки.

Степь на мехи кузнечные похожа.
На кузнецов в работе – степняки.

Площадки стартовые смотрят строго.
Рад человек им.
Ну, а зверь им рад?..
Как стрелы в оперенье – на треногах
Столбы электропередач стоят.

И островками под небесной сенью
Дома, дома по всей степи пестрят,
Пушистые сады в цвету весеннем
Издаലെка похожи на цыплят.

Сегодня вслед за первую ракетой
И степь выходит на иной рубеж:
То обновилось, изменилось это –
И лишь два тихих домика все те ж.

В них вещи прежние: а вдруг придут
Сюда и впрямь те сыновья страны,
Те ныне знаменитейшие люди,
Что были по-студенчески скромны.

Ни новых книг здесь, ни кроватей новых.
Пусть вертится Земля,
Пусть мчат года,
Пусть нет Гагарина и Королева,
Но будут эти домики всегда.

Вкруг них деревьев молодых прохлада.
О двух известных миру именах
Напоминают надписи с фасадов:
Мол, здесь их место ныне и в веках.

Да, нет Гагарина, нет Королева.
От смерти средств пока что не нашли.

Но той дорогой первых
Вдаль готовы
Лететь космические корабли.

Дорога первых, славу первых множа,
Все дальше пробивается сквозь мрак.
Что в мире этих домиков дороже?
Златые горы? Вряд ли это так!

Любовь к народу – нынешней порою
С ней несравнима всех престолов власть.
Сюда приходят новые герои,
Отсюда Чайка¹ в космос поднялась.

В то утро, что запомнится навеки,
В ком люди солнце видели свое?
Наш Байконур – космическая Мекка,
Два домика – отныне центр ее.

Здесь жизнь течет без суеты и крика,
Вот в этот домик, что и тих, и мал,
Вошел он – президент страны великой,
Не обойденный славой генерал.

Больших чинов толклось вокруг немало –
Им тесен домик был.
И неспроста
Великой показалась генералу
Здесь лишь рабочих будней простота.

Пока политика не одолела,
Он дни и годы долгие подряд
В своей стране
Страной Советов смело
Нередко восхищался как солдат.

---

¹Имеется в виду космонавт Валентина Терешкова.

«Кто их надежней оказаться смог,
Когда пылали запад и восток?» –
Так он подумал с прежней прямою
И совести почувствовал упрек.

Эх, если б это каждый понимал...
А вскоре в скромном домике стоял
И командир «Аполло» – тоже смелый
И тоже видный ростом генерал.

Стоял,
Привыкший к непростой работе:
Тревожа космос, словно целину,
Немало он провел часов в полете
И самым первым обогнул Луну.

И принял дружбу с русскими, как вежу
На дальнем и нехоженом пути.
На Байконур привез он, словно в Мекку,
Своих друзей по звездному пути.

Привел, чтобы узнали не по слухам:
Быть первым – это самый тяжкий груз.
Он не забыл, в каких рождался муках.
Наш первенец – наш «Аполлон – Союз».

Стыковку – кораблей рукопожатье,
Совместный этот подвиг помнит он.
Пять человек – космические братья.
Пример для всех народов и племен.

Открылась галактическая эра –
Земную цельность мы в нее внесли:
Ведь ждут не зря и Солнце, и Венера,
Что посетит их просто Сын Земли.

Так и Леонов – это Сын Земли,
И Стаффорд тоже – это Сын Земли.

Недаром астронавта с космонавтом
И старт, и цели общие свели.

Пусть мы рассветы рассечем крылато
При разных вере, вкусах и страстях!
Пусть рядом с флагом звездно-полосатым
С серпом и молотом трепещет флаг.

Садовый ли цветок под ветром мечется,
К степному ли губами ты приник?
Не русский, не английский –
Человеческий
Доносится из космоса язык.

Дано с рожденья братство миллионам –
Лишь были б все мы мирны и честны.
Как, скажем, те же Стаффорд и Леонов –
Две самых первых ласточки весны.

И вот из домика, склоняясь низко,
Выходит Стаффорд, будто обновлен.
По-русски задает вопросы он,
Леонов отвечает по-английски.

А что из впечатлений тех богатых
Возьмут они в космическую высь?
Я вспомнил,
Как на Эльбе мы, солдаты,
С солдатами союзников сошлись.

Мы объяснялись жестами при этом,
Пуская в дело мимику и смех.
И только слово русское «победа»
Звучало как пароль – один для всех.

Мы к тем минутам шли в свинцовой вьюге.
«За дружбу!» – были тосты.

И на миг
Так обнимали мы тогда друг друга,
Что не прошел бы между нами штык!

– Ты победил!
– А ты был верен дружбе! –
Мы говорили – братья по оружию.
Где ты сейчас, американский друг?
Нам годы фронтовые помнить нужно!

Товариществом кровь моя согрета
И к тем, кто проживает вдалеке.
«Холодная война» – понятие это
Не в нашем зародилось языке.

А мы в дыму, в огне да в тучах пыли
Знавали ту войну, что горяча.
Не раз враги с мечом к нам приходили,
Чтобы полечь от грозного меча.

В долгу мы не бываем перед другом,
И распрей мы не затеваем с другом.
С оружием не входили мы к тебе,
Беречь Отчизну –
Это нам по духу.

Мы смерть не приносили в ваши дали.
Но – не в укор, а к слову говоря –
Здесь от Антанты сами защищали
Немеркнувшее солнце Октября.

Да, есть у нас на эту память право,
Хоть всяк готов признать и признает:
Америка – великая держава,
Народ ее – талантливый народ.

Пресыщен далью – оставайся дома:
Хозяином ты станешь только дома.

И учит уму-разуму отец
Лишь своего ребенка – не чужого.

Вытягивай по одеялу ноги,
Держи подальше от соседа ноги.
Пусть мирная байга решит сама,
Чей конь резвей окажется в итоге.

Мы первыми
Взошли октябрьским светом,
Послали в космос первые ракеты.
Вы первыми ступили на Луну –
Нас вместе с вами радовало это.

Народам не забыть, как в сорок пятом
Вы первыми использовали атом...
У нас впервые он повел суда,
Впервые свет принес домам и хатам.

Да, к знаниям испытывая жажду,
За мир мы выступали не однажды.
Стань другом нам, Америка, в делах,
Которым ныне место в сердце каждом.

Кого огонь не обжигал до боли?
«Войны холодной» людям мало, что ли?
«Добро пожаловать!» – мы говорим
Всем стаффордам –
Посланцам доброй воли.

Им наши земли шлют слова приветов,
И строки посвящают им поэты.
Ты жив ли, мой товарищ по оружию?
Все тридцать лет ты помнишь ли об этом?

Нет, беспокойно на зеленом шаре.
О запахе бродящей всюду гари,

Знать, думали и земляки твои
В том домике, где прежде жил Гагарин.

«Сынки!» – к ним обращение звучало.
Букеты. Переполненные залы.
Открыто улыбалась им страна
И по-гагарински их обнимала.

Сады дарили им свою прохладу,
Им в белокрылых юртах были рады.
Им говорили девушки: «Ага!»¹
Сопровождая слово томным взглядом.

Все было – песни, разговоры, встречи.
Весенним днем пылал осенний вечер.
Гостям здесь подарили скакунов,
Чапаны² им накинули на плечи.

Кумыс здесь гости пили ранней ранью.
Разделявали головы бараньи.
Здесь некий старец –
Может, Исакул? –
Им подарил домбры своей звучанье.

Старик сказал:
– Домбре и ныне вторят
Душа и голос честного певца.
Домбра не раз участвовала в спорах
И связывала дружбою сердца.

Домбра – свидетельница тьмы и света,
Таит особый символ с давних пор:
Ведь гриф ее – как быстрая ракета.
А дека – словно солнечный простор.

---

¹Обращение к старшему.

²Чапан – стеганный халат.

Лады – как шпалы.
Или – как ступени,
Нас возвышавшие все дни подряд.
И музыки казахской откровенье –
Как будто в небе лебеди летят.

А струны – две тропинки или вожжи, –
Старик, волнуясь, образ развивал. –
Пусть рядом два народа наших
Тоже
Уходят вдаль, за светлый перевал!

Дарю домбру вам! –
Заключил он с жаром.–
Она звонка, печальна и мудра.
Ее мы трусу да глупцу не дарим,
Поскольку лишь для сокола домбра!

Был Стаффорд за беседу благодарен,
Хоть одного не уяснил он в ней:
Старик с ним говорил сейчас? Гагарин?
Орел над степью? Голос лет и дней?

Не важно.
Ты беседой этой душу
Согрел, американский генерал.
Ты видел, щедрость проявляют дружно
В моем степном краю и стар и мал.

Гостеприимство свято для казаха,
Закон, идущий к сыну от отца:
Твой гость превыше самого аллаха
И вера в гостя – вера до конца.

Пусть вы с ним люди разные по духу
(Не с каждым взгляды разделить могу!).
Уедет недругом он или другом –
Твой гость перед тобою не в долгу.

У всех границ есть для добра проходы.
И ты привет, что край мой передал,
Своей стране и своему народу
Свези, американский генерал.

Привет всем тем,
С кем мы под небом синим
Братались по-над Эльбою-рекой,
Кто помнит кровь и горе, кто поныне
Остался верен совести людской.

Кто хочет, чтоб во имя созиданья
Контакты наши множились стократ.
Итак, прощай же, генерал по званию,
А по призванию – космоса солдат.

...Созрели краснотал и чернотал.
Я осенью – вслед за гостями теми –
И сам на Байконуре побывал,
Где думать стал об этой вот поэме.

Дремала степь, куда ни кинешь взгляд.
Елена говорила мне:
– На воле
Здесь два десятка лет тому назад
Под ветром мчались перекати-поле.

А что по сути двадцать лет для нас?
Всего лишь двадцать весен за спиною
Или сцепленье дней, где каждый час
И каждый миг стоит передо мною?

Не позабыть и всем, и лично мне,
Как зной душил и пыль в глаза летела.
Палатки утром, как на целине,
Подергивались изморозью белой.

Лишь с ветром мы беседовать могли.
И все же я о главном думать буду:
Горды мы первым спутником Земли,
Потом взлетевшим именно отсюда!

Порой Елена Фанина с трудом
Скрывает на глазах своих слезинки.
И снова с непременным «а потом...»
Дела перечисляет без заминки.

О каждом бережет любую весть.
Скорбит,
Что нет в живых уже кого-то...
Рассказывает, как за Чайкой здесь
Сама, что мать, ходила до полета.

Работала. Невидимая нить
Ее навек связала со Вселенной.
Двух домиков смотрительницей быть –
Кому уступит эту честь Елена!

И я недаром здесь пишу о ней:
Делясь воспоминаниями с нами,
Следит Елена в строгой смене дней
За домиками, словно за сынами.

А степь –
Как будто город вдаль поплыл...
На все у женщины хватает сил.
Я видел сам, как космонавт Волинов
По-матерински встречен ею был.

Космическую Мекку повидать
(А ведь и самому лететь опять!)
Волинов группу будущих героев
Привез как командир «Союза-5».

К тому сводил он
Смысл немногих слов,
Что и Гагарин, мол, и Королев
Не ведали малейшего зазнайства,
Хоть путь их необычен был и нов.

Там не забудут дети об отцах,
Где длиться будут подвиги в веках.
А лично я, прощаясь с Байконуром,
Прощаюсь, чтоб воспеть его в стихах.

«Есть у пути начало, нет – конца.
Стремятся в космос дерзкие сердца!»
Я этот лозунг завещаю детям
По праву человека и отца.

Движеньем ветер вечно жив в степях –
Так вечна мысль, живущая в делах.
Две целины мы подняли сегодня:
Здесь, на земле, и там вон – в небесах.

Две покоренных этих целины
Нас на ступеньку
Ввысь поднять должны,
Откуда станут к новым испытаниям
Стремиться человечества сыны.

Пусть человек любовь несет в крови
И на лету сгорает от любви.
Быть самым сильным,
Но и самым добрым
Всегда, о красота, его зови!

Пусть не стареют гордые сердца,
Отчаянья не знают до конца,
Чтоб человек с рожденья и до смерти
От трудных дел не отвернул лица.

Река, бывает, поворотит вспять,
Но человек не должен отступить.
Пусть мы произошли от обезьяны –
Кто хочет снова обезьяной стать!

Для глупого и сам булат – что мел.
А умный к делу их привлечь сумел,
Стараясь стать красивей и сильнее,
Чтобы того достичь, чего хотел.

И познавал без праздной суеты
Свой мир – от глубины до высоты.
Жил для других.
Мечтал.
И неуклонно
Осуществлял заветные мечты.

Пусть к обезьянам не вернуться люди
И Ева в рай обратно не придет,
Но без Земли и обезьян не будет:
Земля питает жизнь из года в год.

Пусть каждое правительство планеты
Поймет и объяснит своей стране:
Мы только здесь живем.
Судьбы нам нету
На Марсе, скажем, или на Луне.

Пусть круглые бока земного шара
Охватят сплошь сады, а не пожары.
Любой из земляков моих, как царь,
Под этим подписался бы недаром.

Пусть всех людей объединенный гений
Стоит на страже этих откровений.
Мы вышли в космос для больших трудов,
Для дружбы вышли, а не для сражений.

Быть может, он, хоть грозен и упрям,
Растянет жизни до тысячелетий,
Степи даст влагу и поможет нам
Возникновенье хворей рассекретить?

Не к этим ли проблемам
Ввысь и ввысь
Уводят байконурские ступени?
Не оттого ли здесь переплелись
Бессмертные и взлеты, и паденья?

Ты слышишь, Исакул, ракетный гром
И тот напев, что стелется над лугом?
Лежит с тобою рядом космодром,
Работой дышит древняя округа.

То гул. То голоса. То тишина.
Наш космодром –
Он крылья всей планеты.
К нему в ночи спускается Луна,
Над ним Венера меркнет в час рассвета.

– Наш край себе наметил путь и цель, –
Ты, Исакул, мне говорил степенно. –
У нас, казахов, нет плохих земель,
И надо знать им подлинную цену!

«Ну, как дела?» – спросил тебя, и ты
Большой поднимешь палец на мгновенье.
«Взглянуть бы лишь на землю с высоты,
Ступив на байконурские ступени!»

Как и у строк горячего певца,
Ложась в естественном размахе,
Есть у пути начало, нет – конца:
Еще взлетят над миром и казахи.

Прощай!
Пусть будет вечно, Исакул,
Твой смех лучиться казахстанским солнцем.
Широк разлет твоих бровей и скул.
И голос твой из звонких песен соткан.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Шарипова. Парадигмы жизни-творчества поэта.....5

Стихотворения

<i>Гульджихан. Перевод В. Савельева.....7</i>	7
<i>Вперед. Перевод В. Савельева.....7</i>	7
<i>Правосудие. Перевод В. Савельева.....8</i>	8
<i>Отчий край. Перевод В. Савельева .....10</i>	10
<i>Атака. Перевод В. Савельева.....11</i>	11
<i>Я тоскую, Яик. Перевод В. Савельева.....11</i>	11
<i>Подвиг любви. Перевод В. Савельева.....12</i>	12
<i>Родина. Перевод В. Савельева.....13</i>	13
<i>Благословение матери. Перевод В. Савельева.....15</i>	15
<i>Победители. Перевод В. Савельева.....16</i>	16
<i>Пою о тебе. Перевод В. Савельева.....16</i>	16
<i>Могила солдата. Перевод В. Савельева.....17</i>	17
<i>Алия. Перевод В. Савельева.....18</i>	18
<i>Разговор о любви. Перевод В. Савельева.....21</i>	21
<i>Дым над аулом. Перевод В. Савельева.....22</i>	22
<i>На току. Перевод В. Савельева.....22</i>	22
<i>Колхозная девушка. Перевод К. Ваншенкина.....23</i>	23
<i>Лебедь. Перевод В. Савельева.....25</i>	25
<i>Время. Перевод В. Савельева.....26</i>	26
<i>Свет эпохи. Перевод В. Савельева.....27</i>	27
<i>Счастье певца. Перевод В. Савельева.....27</i>	27
<i>Куаньшу. Перевод В. Савельева.....28</i>	28
<i>Ответ другу. Перевод В. Савельева.....29</i>	29
<i>Песня. Перевод В. Савельева.....32</i>	32
<i>Мои заботы о тебе. Перевод В. Савельева.....32</i>	32
<i>Золотая Арка. Перевод В. Савельева.....34</i>	34
<i>Двадцать пять. Перевод М. Луконина.....36</i>	36
<i>Лебедь белая моя. Перевод В. Савельева.....37</i>	37
<i>Твое отражение. Перевод В. Савельева.....38</i>	38
<i>Повелителю строк. Перевод В. Савельева.....38</i>	38
<i>Пройдись по Алма-Ате. Перевод В. Савельева.....39</i>	39

Мой Казахстан. <i>Перевод В. Савельева</i>	41
Стихи о жизни. <i>Перевод В. Савельева</i>	43
Из пожелтевшей тетради. <i>Перевод В. Савельева</i>	47
Ты сама.....	47
Вечное желание.....	48
Тебя не позабыть.....	48
Тебе одной.....	49
Ты мой врач.....	50
Шепот ветерка.....	50
Забывтые строки. <i>Перевод В. Савельева</i>	51
Я ждал упрямо.....	51
В степи немало любопытных глаз.....	52
Мчит время.....	52
Уж если я и рухну, то всем телом.....	53
Ты тешилась.....	53
Степной ковер, ты вянуть погоди.....	54
Пусть степь и город.....	54
С друзьями и достатком.....	55
Встреча с Ташкентом. <i>Перевод В. Савельева</i>	55
Весна. <i>Перевод В. Савельева</i>	56
Воспоминание о родном крае. <i>Перевод В. Савельева</i>	58
Песня о крыльях. <i>Перевод В. Савельева</i>	60
Влюбленными глазами. <i>Перевод В. Савельева</i>	62
На Поляне Аблая. <i>Перевод В. Савельева</i>	63
Край по имени Тайпак. <i>Перевод В. Савельева</i>	66
Ах, ты озорница. <i>Перевод В. Савельева</i>	67
Светлый Яик. <i>Перевод В. Савельева</i>	68
Мы возвращались с мокрыми цветами. <i>Перевод К. Ваншенкина</i>	69
Когда мы были в Казани	
Как горячо. <i>Перевод М. Львова</i>	70
В краеведческом музее. <i>Перевод М. Львова</i>	70
Университет. <i>Перевод В. Савельева</i>	72
Казанское море. <i>Перевод В. Савельева</i>	73
Минарет Суюнбике. <i>Перевод В. Савельева</i>	75
Сабантой. <i>Перевод В. Савельева</i>	76
Казахские розы. <i>Перевод В. Савельева</i>	78

Сорок девушек. Перевод В. Савельева.....	78
А жаль. Перевод В. Савельева.....	80
Я грущу. Перевод В. Савельева.....	81
Байга. Перевод В. Савельева.....	82
Снова на родине. Перевод В. Савельева.....	85
Читая Есенина. Перевод К. Ваншенкина.....	87
Юному таланту. Перевод В. Савельева.....	89
Казахская женщина. Перевод В. Савельева.....	91
На могиле Махамбета. Перевод В. Савельева.....	94
Я солдат. Перевод В. Савельева.....	96
Если ты огонь. Перевод В. Савельева.....	96
Саржайлау. Перевод В. Савельева.....	96
Земля и женщина. Перевод В. Савельева.....	99
Женеше. Перевод В. Савельева.....	100
Поэт. Перевод В. Савельева.....	102
Ты снилась мне. Перевод В. Савельева.....	105
Степная ночь. Перевод В. Савельева.....	106
Сны. Перевод В. Савельева.....	109
Ветер. Перевод В. Савельева.....	110
Пик Абая. Перевод В. Савельева.....	111
Нарын. Перевод В. Савельева.....	112
Вино. Перевод В. Савельева.....	113
В краю родимом. Перевод В. Савельева.....	114
Песни озера Акколь.....	114
Торатбасы.....	116
Размышления в Урде.....	118
Базартюбе.....	120
Исповедь. Перевод В. Савельева.....	122
Краткие раздумья. Перевод В. Савельева.....	126
О нем самом и о его глазах. Перевод М. Луконина.....	128
Вкус соли. Перевод М. Луконина.....	130
Вдохновение. Перевод В. Савельева.....	132
Завещание. Перевод В. Савельева.....	134
Топот коней. Перевод В. Савельева.....	136
Цветы. Перевод В. Савельева.....	138
О цветок!.. Перевод В. Савельева.....	139
Сказание о колодце. Перевод В. Савельева.....	140

Чабан. Перевод В. Савельева.....	145
Традиция и мода. Перевод В. Савельева.....	146
Степной родник. Перевод В. Савельева.....	149
Гимн в лесу. Перевод В. Савельева.....	150
Неразлучность. Перевод В. Савельева.....	152
Высокий огонь. Перевод В. Савельева.....	153
Драгоценное слово. Перевод В. Савельева.....	154
Пусть придет любовь. Перевод В. Савельева.....	155
С... Перевод В. Савельева.....	156
Слетает пух с небес...» Перевод В. Савельева.....	156
Я придумал тебя. Перевод В. Савельева.....	157
Верность клятве...» Перевод В. Савельева.....	159
Кого звала в ночи?...» Перевод В. Савельева.....	159
Колдунья ты моя...» Перевод В. Савельева.....	160
Все юные сердца...» Перевод В. Савельева.....	160
Не бойся нежных чувств...» Перевод В. Савельева.....	160
Отказ от победы. Перевод В. Савельева.....	161
Законы бокса. Перевод В. Савельева.....	162
Мужество. Перевод В. Савельева.....	163
Прощание. Перевод В. Савельева.....	165
Степные картины. Перевод В. Савельева.....	166
Горизонт и космос.....	166
Гость.....	167
Нет закоулков у нее.....	169
Голос во мне. Перевод В. Савельева.....	170
Бог. Перевод В. Савельева.....	171
Старое фото. Перевод В. Савельева.....	173
Наши сердца. Перевод В. Савельева.....	177
Красная береза. Перевод В. Савельева.....	175
Мечты. Перевод В. Савельева.....	181
Глобус. Перевод В. Савельева.....	182
Я делю с вами зрелость. Перевод В. Савельева.....	184
Слезы. Перевод В. Савельева.....	186
Хлеб. Перевод В. Савельева.....	187
Рабочий. Перевод В. Савельева.....	188
Польнь. Перевод В. Савельева.....	189
Полубнаженный меч. Перевод В. Савельева.....	190

Пешка. Перевод В. Савельева.....	192
Проходят солдаты. Перевод В. Савельева.....	193
«Крепок тот, кто идет, не боясь круговерти...».	
Перевод В. Савельева.....	194
«Пескам капчагайских долин...»	
Перевод В. Савельева.....	194
«Люблю, чтоб даль меня звала...».	
Перевод В. Савельева.....	195
«Одни, земля, живут твоей судьбою...»	
Перевод В. Савельева.....	196
«Оспаривать, о человек, я не стану...»	
Перевод В. Савельева.....	197
Весенняя степь. Перевод В. Савельева.....	197
Две встречи с Маршаком. Перевод В. Савельева.....	200
Мужчины. Перевод В. Савельева.....	201
Да будет мир. Перевод В. Савельева.....	204
Письмо, написанное другом. Перевод В. Савельева.....	207
Смерть Медного Когтя. Перевод В. Савельева.....	211
Трубы. Перевод В. Савельева.....	214
Мое поколение. Перевод В. Савельева.....	216
Об истории. Перевод В. Савельева.....	217
На берегу Урала. Перевод В. Савельева.....	221
«Я днями не испытывал тревоги...»	
Перевод В. Савельева.....	223
«Кто слаб и тих, завидует, наверно...».	
Перевод В. Савельева.....	223
«Люблю я дождь стремительный и шаткий...»	
Перевод В. Савельева.....	224
«Красивый. Мудрый. Искренний. Великий...»	
Перевод В. Савельева.....	224
«Пока ты не устал и не измучен...»	
Перевод В. Савельева.....	224
«И солнца луч ложится косо...». Перевод В. Савельева.....	225
Диляра. Перевод В. Савельева.....	225
Одному критику. Перевод В. Савельева.....	226
«Что ж, статья хороша, если я без заботы...»	
Перевод В. Савельева.....	227

К сведению желающих. <i>Перевод В. Савельева</i>	227
«Календари сменились...». <i>Перевод В. Савельева</i>	228
«Хоть сам соловей...». <i>Перевод В. Савельева</i>	230
«О, как скор самолет, разрывающий тучи!..» <i>Перевод В. Савельева</i>	231
«Я помню...» <i>Перевод В. Савельева</i>	232
«Зачем девчонку я обидел, право?..». <i>Перевод В. Савельева</i>	233
Благодарность. <i>Перевод В. Савельева</i>	235
Счастье. <i>Перевод В. Савельева</i>	237
Твои огни. <i>Перевод В. Савельева</i>	237
Свояченицы. <i>Перевод В. Савельева</i>	238
Завистнику. <i>Перевод В. Савельева</i>	240
«Ему талантов видимых не нужно...» <i>Перевод В. Савельева</i>	242
Спасибо вам, мечты мои. <i>Перевод В. Савельева</i>	243
Верю в людей. <i>Перевод В. Савельева</i>	244
Земля кокчетавская. <i>Перевод В. Савельева</i>	246
Зовут меня друзья. <i>Перевод В. Савельева</i>	248
«Меня хребтов таинственных...». <i>Перевод В. Савельева</i>	250
«Свет, пламя и вода...». <i>Перевод В. Савельева</i>	252
На Мамаевом кургане. <i>Перевод В. Савельева</i>	253
Поселок Джамбейта. <i>Перевод В. Савельева</i>	255
Осень. <i>Перевод В. Савельева</i>	258
«В этот миг посланцам красоты...». <i>Перевод В. Савельева</i>	259
Тургайский рассвет. <i>Перевод В. Савельева</i>	260
«Без солнца утро не настанет снова...» <i>Перевод В. Савельева</i>	262
«Хоть сто тюков тащи он неустанно...». <i>Перевод В. Савельева</i>	262
«Мы очень непросты...». <i>Перевод В. Савельева</i>	262
«Судьбу я заклинаю жизнью всей...» <i>Перевод В. Савельева</i>	263
«Меня ли, критик...». <i>Перевод В. Савельева</i>	263
Годы. <i>Перевод В. Савельева</i>	263

Даулеткерей. Перевод В. Савельева.....	265
Учитель. Перевод В. Савельева.....	268
Седой волосок. Перевод В. Савельева.....	269
Гимн людям. Перевод В. Савельева.....	272
Слово к живым. Перевод В. Савельева.....	273
Казахский язык. Перевод В. Савельева.....	279
Знаком казах мне. Перевод В. Савельева.....	282
Баллада о матери. Перевод В. Савельева.....	284
Дойду до горизонта. Перевод В. Савельева.....	286
Хлебная осень. Перевод В. Савельева.....	288
На земле Пушкина. Перевод В. Савельева.....	290
1. Михайловское.....	290
2. Святогорский монастырь.....	291
3. Памятный камень.....	291
Чайки. Перевод В. Савельева.....	294
«Давно другой дышу я и живу...»	
Перевод В. Савельева.....	295
Следы. Перевод В. Савельева.....	296
Приходит весна. Перевод В. Савельева.....	297
В шутку и всерьез. Перевод В. Савельева.....	299
Счастья вам, люди. Перевод В. Савельева.....	302
Один знакомый. Перевод В. Савельева.....	304
Море. Перевод В. Савельева.....	305
Ликование. Перевод В. Савельева.....	307
Борьба. Перевод В. Савельева.....	308
Мосты. Перевод В. Савельева.....	309
Если ты мне друг. Перевод В. Савельева.....	309
«Цвет завянет к сроку – ты же знаешь...»	
Перевод В. Савельева.....	310
О старинных играх. Перевод В. Савельева.....	310
1. «Золотая бровь».....	310
2. Платочек.....	311
3. Сегодня.....	312
Стихи о стихах. Перевод В. Савельева.....	313
Такой мы народ. Перевод В. Савельева.....	313
На могиле Мухита. Перевод В. Савельева.....	315
«Зачем, скажи...» Перевод В. Савельева.....	317

Письмо из Дубулт. Перевод В. Савельева.....	318
Зори над Уленты. Перевод В. Савельева.....	320
Послушай-ка, сынок. Перевод В. Савельева.....	321
9 Мая в Москве. Перевод В. Савельева.....	323
Остаюсь в строю. Перевод В. Савельева.....	326

Поэмы

Песнь о песне. Перевод К. Ваншенкина.....	328
Я – казах! Перевод Р. Казаковой.....	349
Мой тебе поклон. Перевод В. Савельева.....	388
Родная земля. Перевод В. Савельева.....	405
Разбивший оковы. Перевод В. Савельева.....	428
Сель. Перевод В. Савельева.....	443
Ступени Байконура. Перевод В. Савельева.....	494

Литературно-художественное издание

Серия

“БИБЛИОТЕКА КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ”

Жубан МОЛДАГАЛИЕВ
Я – КАЗАХ!

Редактор *Б. Канапьянов*

Технический редактор *С. Бейсенова*

Компьютерная верстка *А. Кадикеновой*

Корректор *Г. Мухамадиева*

Разработка суперобложки

дизайнцентра издательства «Аударма»

ISBN 9965-18-313-9

9 789965 183133

ИБ №318

Подписано в печать 07.10.2010 г. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура . “NewBaskervilleСТТ”. Печать офсетная. Усл.-печ. л. - 29,82

Уч.-изд. л. - 30,00 Тираж 3000 экз. Заказ №

Издательство “Аударма”

010009, г. Астана, ул. Г. Мусрепова, 5/1, ВП-2